

МАХАБХАРАТА

ВЫПУСК I

ДВЕ ПОЭМЫ ИЗ III КНИГИ

Перевод, введение, примечания
и толковый словарь
академика АН ТССР
Б. Л. С М И Р Н О В А

2-е переработанное издание

Текст печатается по:

**Сказание о Нале. Супружеская верность.
Две поэмы из III книги.**
Издательство АН ТССР, Ашхабад, 1959; 181 с.

г. Москва - 2006 год
Редакция сайта
БОЛЕСМИР

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ КО II ИЗДАНИЮ	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ОБРАМЛЕНИЕ ПОЭМЫ.....	5
ФОРМА.....	5
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЭПОХИ.....	6
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	9
МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЭМ.....	17
СКАЗАНИЕ О НАЛЕ.....	21
ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ.....	91
ПРИМЕЧАНИЯ.....	118
СКАЗАНИЕ О НАЛЕ.....	119
ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ (САВИТРИ).....	128
ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ.....	132

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга — первый выпуск в серии переводов из великой индийской эпической поэмы «Махабхарата», возникшей в середине I тысячелетия до н. э.

Эпос состоит из 18 книг, заключающих в себе в общей сложности 100 000 двустиший (шлок). Полный перевод поэмы существует только по-английски; французский перевод Фоша не закончен. В русском переводе до последнего времени существовали только «Наль» (пер. Коссовича) и «Савитри». Оба перевода — библиографическая редкость. "Бхагавадгита" была издана 3 раза по-русски, но ни один из этих переводов не сделан с санскритского. Только в советское время (1950 г.) появился перевод I книги «Махабхараты», сделанный Кальяновым с санскрита, — с филологическими установками; он не преследует литературно-художественных целей.

В настоящее время, когда интерес к Индии у нас достиг очень высокого уровня, возникает потребность не только в филологических работах, но и в литературно-художественной передаче ценнейших индийских памятников. Автор этих строк поставил перед собой задачу посылно выполнить такую работу, но в силу многих причин приходится ограничиться избранными местами, что облегчается до известной степени тем обстоятельством, что многие тексты «Махабхараты» являются совершенно самостоятельными произведениями, лишь механически связанными с основной темой поэмы. Пример этому — эпизоды, помещенные в настоящем выпуске.

«Махабхарата» — не просто эпическое повествование о борьбе двух родов: она содержит ряд философско-нравственных, социально-законодательных трактатов, веками воспитательно влиявших на народы Индии, а также богатейший бытовой и мифологический материал.

III книга поэмы, самая большая, содержит огромный эпико-мифологический материал. В настоящем и подготавливаемых выпусках будут представлены наиболее выдающиеся эпизоды этой книги.

В V книге очень интересно повествование об усилиях сохранить мир — тема, остающаяся на протяжении тысячелетий актуальной. К этой же книге относится и философский трактат о смерти.

К VI книге относится знаменитая философская поэма «Бхагавадгита», о которой Дж. Неру («Открытие Индии» стр. 111) говорит, что её притягательная сила и поныне столь же велика, как и в древние времена и, что к ней обращаются все философские школы Индии.

Глубоко поэтична и очень интересна в культурно-историческом смысле XI книга, содержащая описание обряда погребения.

XII книга, одна из наиболее крупных книг «Махабхараты», целиком посвящена социальным и философским проблемам («ранняя или эпическая Санкхья»).

В XIV книге содержится философский трактат «Анугита», относящийся к той же школе ранней Санкхьи.

XVII и XVIII книги — заключительные. Они интересны по своему нравственному пафосу, столь характерному для всей «Махабхараты».

Перечисленные тексты составляют около 20 000 двустиший и входят в программу намечающейся серии переводов.

Б. СМЕРНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО II ИЗДАНИЮ ¹

Для настоящего издания заново пересмотрены переводы обеих поэм, особенно «Наля». Устранены неточности и стилистические погрешности. Согласно пожеланию читателей, неоднократно мне высказанному, я вынес объяснения имён и терминов в толковый словарь.

Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность кафедре индийской филологии МГУ (зав. В. А. Новикова) за товарищескую помощь и, в частности, сотруднице кафедры индологии ЛГУ Татьяне Евгеньевне Катениной за подробные и весьма ценные критические замечания, касающиеся перевода «Наля».

Б. СМЕРНОВ

¹ За основу данного издания принято II-е ашхабадское издание 1959 г. Однако в разделе «Примечания» сохранены примечание и I-го издания 1955 г., не вошедшие во II-е издание. Для отличия здесь они помещены в угловые скобки, а в тексте поэм добавлены соответствующие этим примечаниям сноски. (*Редакция сайта БОЛЕСМИР*).

ВВЕДЕНИЕ

ОБРАМЛЕНИЕ ПОЭМЫ

Поэмы “Сказание о Нале” и “Величие супружеской верности” (последняя больше известна в европейской литературе под названием «Савитри») самостоятельные эпизоды из III книги эпоса «Махабхарата», в которой повествуется о жизни братьев Бхаратов в лесу. Она построены по типу “обрамлённых повестей”, излюбленному восточной литературной традицией, в частности индийской: в ткань повествования вплетаются законченные эпизоды, не имеющие прямого отношения к основной теме произведения; являясь рассказами действующих лиц главной повести, они часто носят характер поучения. Создавшееся положение вызывает у присутствующих соответствующие воспоминания, выслушав которые, герой главной повести получает желаемое назидание. Предлагаемые поэмы относятся именно к таким вставным рассказам.

Царевичи, сыновья Панду, живя в лесу, подвергаются многим опасностям и приключениям. Ушедшие с ними в изгнание придворные и случайные встречные утешают их рассказами.

Рассказчики обоих переведённых эпизодов: Брихадашва, повествующий о Нале, и Маркандея, повествующий о Савитри, обращаются к Юдхиштхире.

Обе поэмы относятся к “делам стародавним” (относительно момента повествования) славных кшатриев-воинов, близких роду Панду.

Такие предания (“итихаса”) — любимые темы рассказов; доблести предков — пример для потомков, повесть о несчастьях, перенесенных предками, поддерживает потомков и помогает им стойко выносить выпавшие на их долю невзгоды.

После того, как Арджуна, поднявшись на летающей колеснице в небо Индры, получил от отца чудесный лук Гандиву, Бхима, горя нетерпением сразиться с узурпаторами, предлагает немедленно начать с ними бой. Но старший брат, Юдхиштхира, как сын бога справедливости и закона (Дхармы), никогда не допускающий незакономерности, сдерживает горячего брата, указывая, что нужно соблюсти установленный срок и только тогда можно начать борьбу. В это время возникший Брихадашва рассказывает повесть о Нале.

Этот древний царь, попав в положение, подобное положению Юдхиштхиры и его братьев, сумел благодаря своей выдержке без всякого кровопролития вернуть себе утраченное. Окончив рассказ, Брихадашва обучает Юдхиштхиру всем тонкостям игры в кости, чтобы тот мог отыгратья подобно Налу.

Однажды, во время жизни Пандавов в лесу, их общая жена Драупади была похищена, но потом возвращена одним из братьев. Это даёт повод для повествования о Раме, утратившем Ситу (так называемая “Малая Рамаяна” Махабхараты), и о “Величии супружеской верности”. Этот рассказ должен показать Юдхиштхире всё величие супружеской верности, преодолевающей даже узы смерти.

Таково обрамление предлагаемых поэм.

ФОРМА

Язык обеих поэм, так называемый эпический санскрит, считается промежуточным между архаическим языком Вед (половина второго тысячелетия до нашей эры) и

классическим санскритом. Период его расцвета — середина первого тысячелетия до н. э.

Мерная эпическая речь состоит из двустиший с преобладанием размера “шлока” по 16 слогов в стихе. В каждом двустишии — четыре восьмисложных стопы. Ещё Корш показал близость “шлоки” к русской былинной речи. Метрико-силлабическое строение шлоки можно только условно передать русским 16-слоговым стихом, аналогично тому, как условно передаётся переводчиками греческий гекзаметр. Тоническое строение шлоки не поддаётся определению и по-разному трактуется исследователями. Заковывать русскую речь в метрико-силлабические узы ради теоретических соображений нам представляется насилием, не оправданным художественными результатами. Поэтому в переводе мы стремились дать основные принципы литературного построения подлинника: смысловую законченность шлок, смысловую симметрию стоп, общее художественное впечатление ритмической речи, но не настаивали на передаче метрико-силлабической формы. Двустишия нашего перевода по смыслу строго соответствуют санскритским шлокам. В основу ритмики мы положили амфибрахий паузного свободного стиха. Не стремясь выдерживать цезуру, мы всё же выдерживали женское окончание строк. В тех случаях, где размер “шлока” переходил в иной, мы соответственно меняли ритм перевода*.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЭПОХИ

Как и вся “Махабхарата”, предлагаемые поэмы являются типичными произведениями раннего феодализма. Страна изображается разбитой на множество враждующих между собой княжеств, образованных административным центром — городом и окружающими его деревнями, земледельческое население которых находилось в безусловном подчинении князю (радже). Общество было строго разделено на касты, что составляет характерную черту индийского социального строя. Принадлежность к той или иной касте, раз навсегда, определялась рождением и особым ритуалом принятия. Никакие личные заслуги не создавали возможности перехода из низшей касты в высшую.

Существовали 4 основных касты: высшая — браминов (жречество), следующая — кшатриев (правители-воины), третья — вайшьев (купцы, мастеровые). Это — свободные касты, но права и обязанности их строго определены.

В широком смысле это — “дваждырождённые”, то есть получившие посвящение в религиозные обряды данной касты, что и считалось вторым рождением. В более узком смысле “дваждырождёнными” назывались брамины. Так этот термин и употребляется в предлагаемых текстах.

Четвёртая, низшая, полусвободная каста — шудры (слуги). Её обязанности сводились к услужению членам первых трёх каст. В рассматриваемую эпоху шудры имели право менять господина только в исключительных случаях, как, например, Варшнея в “Нале”.

Хотя каста браминов и считалась высшей и наиболее почтенной, однако жрецы не управляли страной непосредственно и как бы находились в услужении у радж, но фактически в их руках была значительная власть: они были блюстителями непреложных законов племени и неустрашимыми посредниками между богами и людьми.

* Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность уважаемому профессору Г. А. Шенгели за консультацию по вопросу о ритмике перевода.

Кшатрии в лице князя, хотя юридически и обладали властью, но и шага не могли ступить без одобрения и помощи браминов, в частности своих домашних жрецов — “пурохитов”.

Радже всячески внушалось, что он тем славнее и лучше, чем больше подарков даст жрецам. В традиционных похвальных характеристиках радж обязательно упоминалось о щедрости и больших дарах браминам. Одной из похвальнейших заслуг князя считалось совершение “жертвоприношения коня” (ашвамедха). Обряд отличался дороговизной и сопряжён был с раздачей браминам особо ценных и обильных даров. Этот акт имел большое политическое значение, так как выражал претензию князя на суверенное положение среди других, более мелких феодалов.

Уже в очень ранний период истории возникла борьба между браминами и кшатриями: это социальное явление ярко отражено в таком древнем памятнике, как Упанишады (около 1000 лет до нашей эры). Особенно обострилась борьба в период создания “Махабхараты”, что сильно сказалось на характере поэмы. Предельной остроты борьба достигла в некоторых эпизодах “Махабхараты”, например, в повести о Парашураме (“Рама с топором”) и Рама — воплощениях Вишну. Парашурама был брамин, Рама — кшатрий. Парашурама, многоголовый и многорукий, так рьяно уничтожал кшатриев, что их почти не осталось. Для спасения касты явился Рама, который убил Парашураму.

Уклад индийского общества времён эпоса был патриархальным: общественная жизнь целиком принадлежала мужчинам. Женщины высших каст жили в гинекеоне (гареме), в женской половине жилища, и общались с посторонними лишь в редких, исключительных случаях, причём главным образом с браминами. Через них они плетут свои интриги и таким образом косвенно влияют на общество и добиваются своего вопреки воле “законных правителей” — мужчин. Пример этому мы видим в “Нале”.

Семья построена по полигамическому принципу. Однако в этом патриархально-феодалном строе ещё сохранилось много любопытных черт матриархата. Возможно, что это черты не индоевропейские, а заимствованные арьями у исконных жителей Индии. Наряду с полигамией, “Махабхарата” считает ещё возможной полиандрию. Правда, эта форма семьи уже окружена всевозможными “табу”, т. е. запрещениями ритуального характера. Пример полиандрии даёт центральная семья эпоса: пять братьев Панду имеют одну жену, Драупади, причём как “табу” выдвигается общий уговор братьев не встречаться друг с другом в её обществе. Драупади имела детей ото всех братьев.

Один из ярких пережитков матриархата — выбор невестой жениха — не раз упоминается в эпосе. В эпоху создания наших поэм обычай этот начал уже исчезать, разлагаться. В “Нале” он описан в полном расцвете, как само собой разумеющийся способ заключения брака. Отец Дамаянти решает выдать дочь замуж. Своё решение (как и Ашвапати относительно Савитри) он предпринимает самостоятельно, не советуясь ни с дочерью, ни с её матерью, что вполне соответствует патриархальным обычаям. Тотчас же он объявляет о назначении “сваямвара” — выбора невестой жениха.

Назначение выбора не сопряжено в поэме с какими-либо особыми мотивировками, для этого достаточно воли отца. Сам обряд происходит в чрезвычайно торжественной обстановке, при большом скоплении народа. На празднично разукрашенной сцене располагаются претенденты на руку царевны. Все они — раджи, члены той же касты, что и невеста. Для брамина взять жену из касты кшатриев унижительно, для вайшьев — недоступно. Выбор, как и другие события в жизни раджи, не обходится без непосредственного участия браминов, их стечение считается необходимым: по отсутствию такового Ритупарна (см. “Наль”, гл. XXI, 23) соображает, что он попал впросак.

Совсем иначе происходит выбор, совершаемый Савитри. Он оправдывается, как нечто не совсем обычное, скорее он является исключением: Ашвапати, побуждая дочь выбрать жениха, мотивирует свой совет тем, что никто её не сватает, этим создаётся угроза нарушения закона, причём Ашвапати цитирует шлоку из “Законов Ману”, кстати сказать, произведения довольно позднего времени, начала н. э. Если в “Нале” обычай выбора является само собой разумеющимся, необусловленным, то в “Савитри” он обусловлен и представляется необычным способом заключения брака: прибегать к нему разрешается в тех случаях, когда отец не сумел приискать дочери жениха и ей предстоит остаться незамужней, что считалось большим грехом. Значит, в эпоху “Величия супружеской верности” уже считалось обычным сватовство мужчины (ср. I, 23—24 и сл.). Сам обычай поблѣк: нет уже пышного съезда женихов, торжественного праздника, которым не пренебрегают даже боги. Невеста сама отправляется на поиски суженого, тайком высматривая его среди встречаемых на пути. О её выборе не объявляется, и свита не ставится в известность о цели путешествия царевны. Выбор Дамаянти безапелляционен: сами боги признают его как её неотъемлемое право. Выбор Савитри подлежит утверждению отца, что свидетельствует о значительном ослаблении матриархального права и более позднем происхождении поэмы.

“Сваямвара” — выбор невестой жениха — является одной из семи форм брака, признаваемых брачным правом индийцев, однако в период создания “Махабхараты” эта форма и для кшатриев не была обязательна, как о том свидетельствует гл. 211 первой книги эпоса: Арджуна, второй из братьев Панду, хочет жениться на Субхадре, сестре Васудэвы-Кришны. Желая устроить этот брак, Кришна советует Арджуне не придерживаться обычая выбора, а использовать форму насильственного похищения невесты, также допустимую для кшатриев (ср. МБх I, 211, с. 548 и след., по переводу Кальянова). Такое разнообразие форм свидетельствует о переходном состоянии культуры индийских племён в период создания эпоса.

В “Величии супружеской верности” ещё сильна интересная черта матриархата: признание матери за родоначальницу. В “Нале” этот момент не выдвигается, хотя и здесь можно отметить некоторые относящиеся сюда чѣрточки, как, например, род отца совершенно не заботится о детях Наля, скорее играет по отношению к ним отрицательную роль (Пушкара). Покровительствует им род матери: первым движением Дамаянти в заботе о детях было обращение к своим родным, помощи от родных мужа она даже и не пытается искать. Это тем более характерно, что девушка, выходя замуж, утрачивала связь с родом отца и считалась принадлежащей к роду мужа. В доме мужа Дамаянти, по-видимому, не находилась в зависимости от его родных: отец Наля давно умер, а о матери даже не упоминается. Однако Дамаянти не могла распоряжаться в доме мужа как хозяйка, и во время безумия мужа её распоряжения, даже касающиеся детей, контролируются придворными. Живя в доме отца на вдовьем положении, Дамаянти всецело подчинена отцу. Наля считает имущество тестя “как бы своим”. Попав в дом тестя, он ведѣт себя как младший и подчинѣнный и пользуется имуществом как бы на правах сына.

Иное положение у Савитри: попав в семью мужа, она всецело сливается с его родом. От невестки требуется полное повиновение родителям мужа, в частности свекру. Всѣ же черты матриархата и здесь настолько сильны, что вопрос о родовой линии не получает определённого разрешения. Позже он разрешается так: отец, не имеющий сыновей, для спасения себя и своих предков от ада, усыновляет детей дочери. Ашвапати ведѣт себя, как патриарх, и в своих заботах о продлении рода настойчиво вымалывает у богов детей, напоминая этим Авраама в период его бездетности. Оценка дара богини Савитри происходит также в патриархальном духе: нужны особые уверения богини, чтобы царь принял дочь, как потомство, пригодное для продления рода. Но вот противоречие: сыновья Ашвапати, вымоленные для него дочерью у Ямы, носят имя не отца, но матери: они называются “малавцы”. Как

назывался род Сатьявана и Савитри из поэмы не видно, но Савитри просит у Ямы “сто сыновей”, а не детей вообще, “чтобы размножить род Сатьявана”.

В заключение своего рассказа Маркандея желает царевичам Панду, чтобы Драупади спасла их всех так, как Савитри спасла свой род и род мужа. Концовка явно в матриархальном духе.

Отметим ещё очень интересную черту, общую обеим поэмам, — трагический вопрос о самосожжении вдов; в поэмах нет и намёка на этот обычай. Если обе женщины, Дамаянти и Савитри, утратив супругов, заявляют о своём нежелании жить, то исключительно лишь в силу своего личного чувства, а не в силу требования закона или обычая. Только в этом смысле можно понимать слова Дамаянти: “сегодня же брошусь в золотое пламя” (ср. XXI, 11). Она ещё не была женой Наля, а чувство подсказывало ей такие же страстные слова: “Если моё поклонение отвергнешь... к яду, огню, воде, петле из-за тебя прибегну!” (IV, 4). Здесь не придаётся особого значения огню, как впоследствии того требовал обряд самосожжения, но просто упоминается об огне наряду с другими способами самоубийства.

“Махабхарата” в целом, как и “Рамаяна”, придерживается вишнуизма, тогда как обычай самосожжения вдов, несомненно, связан с шиваизмом, на что указывает само название самосжигающейся вдовы — “сати”^{*}.

Этот обычай основан на шиваитской легенде о самосожжении супруги Шивы, Сати. Если принять, что культ Шивы дравидского происхождения, что весьма вероятно, становится понятным, почему не только ведическая литература (Гимны, Браманы), но и значительно более поздняя — эпическая — не знают этого обычая, укоренившегося в Индии гораздо позднее, в период создания так называемого индуизма. В эпоху создания поэм вдова могла, по-видимому, выходить вторично замуж, хотя такой брак и не встречал одобрения. Как иначе объяснить возможность распространения слуха, да ещё и через брамина, о назначении вторичного выбора жениха Дамаянти? Сам Яма, воплощение Закона, говорит Савитри, что после смерти мужа она свободна, что её долг перед мужем закончен, и она может идти своим путём (V, 19).

Итак, эпоха поэм характеризуется как период закрепления патриархата, политически уже совсем упрочившегося в форме феодального строя, тогда как в семейном праве и быту сохранились ещё довольно выраженные черты матриархата. Процесс разложения их можно довольно чётко проследить в представляемых текстах.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Обе поэмы принадлежат к числу лучших образцов эпической поэзии Индии и пользуются заслуженной известностью на родине и далеко за пределами её. В Индии особенно ценится “Наль”, с которым русский читатель уже знаком по переделке Жуковского с немецкого перевода Боппа. Поэт позволял себе внесение собственных, иногда крупных вставок, например, эпизод обмана Каркотакой Нарады. Перевод И. Коссовича, вышедший в 60-х годах прошлого века, стал библиографической редкостью. Ещё менее знакома русскому читателю вторая из переведённых поэм — “Величие супружеской верности”. Для нашего литературного вкуса некоторые места “Наля” кажутся растянутыми, а потому художественно вялыми, особенно вторая часть поэмы, например, длинные рассуждения Судэвы (ср. гл. XVI, 10 и сл.) совершенно непривычны нашему уху и кажутся странными, а вместе с тем они построены по всем

^{*} Обычай самосожжения вдов (сати) Дж. Неру считает не арийским, а принесенным в Индию скифо-татарами. Соблюдался он только высшими кастами. («Открытие Индии», стр. 337).

правилам индийской логики, не знающей силлогизма в нашем смысле слова. Автор здесь щеголяет своей эрудицией.

Не обошлось в “Нале” и без некоторых противоречий, во всяком случае необоснованности моментов: например, не ясно, почему Наль в изгнании томится жаждой, да ещё и в тропическом лесу, богатом источниками, тогда как он способен вызывать воду, где угодно; не понятно, почему он терпит невзгоды пути, обладая способностью преодолевать пространство. Недостаточно обосновано пассивное пребывание Дамаянти у чедийской царицы, внезапный отъезд домой при появлении брамина и пр. Но всё это частности, не нарушающие внутренней правды произведения.

“Величие супружеской верности” не менее богато по содержанию, в поэме нет длиннот, отмеченных в “Нале”, язык её более сжат, энергичен, образы тоньше, тематика глубже.

В обеих поэмах всё внимание концентрируется на основных фигурах “героев”. Всё остальное — общество, природа — является только фоном, относительно мало разработанным. Описания природы, как правило, довольно сухи и формалистичны. Иногда они сводятся к простому перечислению предметов; например шлоки 1—9 гл. XII “Наля” просто перечисляют зверей и растения леса и скорее напоминают учебник географии, нежели поэтическое произведение.

Более ярко описаны река, озёра, окружающие их берега, их обитатели (гл. XII, 112—113 и гл. XIII, 2—4).

Такие места, как в гл. V, 30—31 “Величия супружеской верности”, где описание природы достигает высокого лирического напряжения и выразительности, являются для наших поэм, да и вообще для “Махабхараты”, скорее исключением. Лирическое искусство развилось в Индии значительно позже, в период классической литературы (ср., например, описание природы у Калидасы).

Индиец совершенно иначе чувствует форму, чем грек. В предлагаемых поэмах нет интереса ни к быту, ни к окружающим предметам (жилище, утварь, одежда). Индийские поэмы целиком заняты внутренними переживаниями героев и развитием интриги, они как бы не замечают окружающего.

В индийском эпосе не встретить таких “скульптурных” строк, как описание щита Ахилла (Гомер, “Илиада”).

Индиец переживает форму изнутри или вовсе не обращает на неё внимания. Вот почему для него не только реальны, но и прекрасны его многорукие и многоголовые, бесконечно усложнённые образы, представляющиеся с точки зрения грека нелепостью или безобразием.

Характерная черта проходит через всю индийскую культуру. Любая традиционная философская система индийцев признаёт мужское начало бездеятельным, созерцательным, женское же начало — творческим, динамичным. Этот момент чрезвычайно важен для понимания мироощущения древнего индийца. В религиозном искусстве он выражается излюбленным символом, изображающим Природу, Великую Мать, Дургу (“Труднодостижимую”), пляшущей на безжизненно-распростёртом теле своего супруга, Шивы (дух).

“Кто видит, что все действия совершаются Природой (Пракрити), дух же остаётся бездейственным, тот истинно видит”, — учат Упанишады и Бхагавадгита.

Для оценки характеров, изображённых в наших поэмах, нельзя упускать из виду эту установку, иначе многое покажется неясным и странным.

Кто же герои наших поэм? О ком они сложены? Для поэмы “Величие супружеской верности” ответ нетруден: центральная фигура в ней — Савитри, образ Сатьявана отходит на второй план. Иное дело “Наль”. Русский читатель привык к названию “Наль и Дамаянти”, но в подлиннике поэма называется просто “Наль”, что выделяет фигуру этого раджи. Основная установка повествования — дидактическая: примером Наля нужно ободрить Юдхиштхиру, родить в нём уверенность в конечной

победе и вместе с тем побудить к разумной выдержке. Для читателя повесть — назидательное предупреждение от увлечения азартной игрой, столь распространённой на Востоке. Итак, формально герой поэмы — Наль. Но поэма даёт два равноценных образа в смысле психологическо-художественной разработки и внутренней значимости — образы Наля и Дамаянти. Возможно, что молчаливое признание значимости последней нашло себе выражение в легенде, будто бы прекрасная и преданная жена Наля есть одно из воплощений Гаутамы Будды.

Поэма начинается перечислением всяческих достоинств Наля, принимаемых слушателями так сказать “в кредит”. Приводится ряд обычных эпических сравнений и эпитетов: Наль прекрасен, как сам бог любви Кандарпа; он великий полководец, главенствующий среди князей, как Индра среди богов, благочестив, знаток Вед и пр. Словом, он “лучший из людей”, обладает всеми желанными качествами. Такова его характеристика. Но как он показан? Каковы его действия?

Наль проявляет себя как весьма страстный человек; заочно влюбясь в Дамаянти, он изнывает от страсти. Но как ни сильно чувство Наля, всё же оно не побуждает его к действию, и он не предпринимает ничего, что бы достичь любимой. Наль пассивно следует за течением событий и предоставляет фламिंगо позаботиться об устройстве сватовства. В этом Наль напоминает “Рыцаря в тигровой шкуре” Ш. Руставели, также пассивно отдающегося своей страсти.

Первое дело, в котором проявляет себя Наль — выполнение поручения богов, казалось, должно было бы свидетельствовать о его решительности и верности. Но дело это навязано Налю, он принимает его пассивно; его мужество становится сомнительным, если принять во внимание, что легче и безопаснее исполнить волю богов, пользуясь их покровительством, нежели навлечь на себя их гнев; эти соображения Наль и высказывает Дамаянти при первом свидании с ней. С первого же момента Наль идёт по линии наименьшего сопротивления.

Поэма объясняет поступок Наля верностью слову, данному им богам. Действительно, мотив верности данному слову очень силён в индийской литературе и не раз доводится до аффектации, как это вообще свойственно древнеиндийской литературе; однако в данном случае момент сильно ослабляется выражением мотивов выгоды. Отмеченная черта пассивности и слабоволия в характере Наля в дальнейшем получает ещё более яркое развитие. Проникнув к Дамаянти, безмерно влюбив её в себя и сам в неё влюбившись, Наль впадает в полную растерянность: плачет, убеждает невесту покориться воле богов. Не найдя способа самостоятельно разрешить создавшееся положение, он пассивно следует решению Дамаянти, успокоив себя тем, что она всю трудность, весь актив берёт на себя, ему же обещает лёгкое достижение желаемого без риска и греха. Являсь к богам, Наль тщательно выгораживает себя.

Наступает роковой момент поэмы: злобный Кали овладевает Нишадхцем. Для древнего индийца, проникнутого идеей кармы (учение о причинно-следственной необходимости), не легко объяснить, как могло зло коснуться столь добродетельного человека, стяжавшего себе славу “Достохвального” (Пуньяшлока). Поэма разрешает эту трудность чисто формально: Наль, пусть неумышленно, но всё же нарушил обряд, следовательно, согрешил, ибо в древности вина определялась не по намерению, а по совершившемуся факту.

Этим невольным “грехом” Наль открыл дорогу злому духу, хотя психологически он оставался безупречным, как безупречным остался Эдип, невольно совершивший тягчайший грех отцеубийства и этим навлекший на себя и на свой род Эриний. Поэма стремится объяснить всё, что в дальнейшем случилось с Налем, влиянием злого духа, то есть болезнью: “Это болезнь, а не он”, — повторяют за Дамаянти все приближённые Наля, когда тот целиком отдаётся безумству азарта. Но даже вводя такое, казалось бы нереальное объяснение, как наваждение злого духа, поэма не отступает от

художественной правды, ибо безумствования Наля вполне согласуются с его страстным и безвольным характером, мастерски показанным в предыдущих сценах.

Далее следует история измены Наля жене. Измены не в современном смысле, так как половая верность не требовалась от мужчины в полигамической семье, а измены обязательствам супруга как защитника и покровителя жены (слово “бхартар” — супруг, значит покровитель, защитник). Своему долгу защитника и покровителя Наль безвольно и легкомысленно изменяет, в чём справедливо упрекает его Дамаянти. Тяжесть вины Наля усиливается тем, что он отверг выход, предложенный ему женой: поселиться у её родителей. Соглашаясь, что царство её отца “как бы его царство”, Наль отказывается идти туда, так как ему мешает стыд, вследствие невыполнения супружеского долга.

Однако стыд не побуждает Наля искать достойного выхода: Наль слабодушно покидает в “ужасном лесу” беззащитную, одинокую женщину, неизменно охранять которую он торжественно клялся.

Впечатление безвольности и внутренней неустойчивости Наля не смягчается в высшей степени драматической и правдивой сценой его колебаний и мучений перед принятием окончательного решения. Более того, это впечатление усугубляется: Наль убегает тайком, воровски отрезав половину одежды спящей Дамаянти и предоставив любимой жене самой выбирать из опасной чаши, лишь пассивно препоручая её “Дхарме и всем святым силам”, легкомысленно утешая себя тем, что “такую прекрасную женщину никто не дерзнёт обидеть”, с чем эффектно контрастирует непосредственно следующая сцена со звероловом. Сцена со змеем Каркотакой могла бы свидетельствовать о мужестве и решимости Наля, если бы огонь представлял для него опасность, но в силу дара богов Наль не боится огня, а потому и не рискует.

Получив помощь и заверения Каркотаки, Наль не стремится исправить совершённое: он не ищет Дамаянти, не спешит ей на помощь. Не борется он и за собственное счастье, а пассивно отдаётся течению событий. Его хватает только на сочинение самообличительной песни. Распевая её по ночам, он возбуждает праздное любопытство окружающих. Чуть потребовалась известная самостоятельность, более твёрдая линия поведения — Наль сдаёт, усомняется в Дамаянти, не поняв как следует переданных ею через брамина слов. Несмотря на все свои самообличения, вопреки им, Наль сразу предъявляет жене претензии на свои права, от которых сам же отказался и ссылается на попраный им же самим закон. Сцены распознавания, кстати сказать, по нашим понятиям, очень растянутые, и потому скучноватые, проходят при той же пассивности Нишадхца. Хотя свою поездку в Видарбху он оправдывает желанием разрешить сомнения на месте, но, приехав, тотчас заваливается спать, не сделав даже попытки повидать Дамаянти или хотя бы узнать о ней от окружающих, что, казалось, так просто осуществить в его положении. Наль даже не делает того простого учёта обстоятельств, которые делает Ритупарна, сразу же сообразивший, что попал впросак и что никакого “сваямвара” (выбора жениха) нет.

Понадобилась активность Дамаянти и вся ловкость подосланной ею Кешини, чтобы несколько расшевелить Наля. Даже своим детям Наль не задаёт вопросов, хотя и взволнован до слёз при виде их.

Нужно хорошо освоиться с приёмами художественной литературы древней Индии, чтобы получить пленявшее слушателей рапсодии впечатление мягкого ритма поэмы, приглушённых линий рисунка, гармонично связанных с переливами полутонов традиционного распевца. К сожалению, в переводе это значительно утрачивается. Сюжетный костяк не может сам по себе передать нужное впечатление, и разбираемые сцены в переводе сильно блекнут. Наконец Дамаянти вызывает во дворец Наля-Вахуку. Своё свидание с женой Наль начинает с упрёков. Характерен для бесправного положения женщин времён патриархата ответ Дамаянти на упрёки; оскорблённая и обиженная, она же вынуждена оправдываться и доказывать свою невинность. Сцена

оправдания Дамаянти целиком скопирована со сцены оправдания Ситы, жены Рамы, также несправедливо обвинённой мужем. Сцена эта находится в последней книге Рамаяны и считается позднейшей интерполяцией, сделанной в ортодоксально-браманическом духе. Является ли интерполяцией “оправдание Дамаянти”, нельзя сказать с уверенностью, но в художественном отношении это — одно из слабейших мест поэмы, контрастирующее своим грубым примитивизмом с общей изысканной тонкостью произведения. Такой же грубый контраст существует и в Рамаяне.

Свою активность, благородство и незлобивость Наль показывает в прекрасной заключительной сцене примирения с Пушкаррой: он не мстит брату после победы, но благородно протягивает ему руку, признавая, что оба они были введены в заблуждение злым Кали, которого Наль тоже простил.

*
* * *

Образ Сатьявана в поэме “Величие супружеской верности” разработан гораздо менее детально, однако и здесь с достаточной ясностью даны основные линии характера.

Как и Наль, Сатьяван трафаретно наделяется всеми положительными чертами героя-кшатрия: красотой, мужеством, благородством, правдивостью. Последняя черта особенно подчёркивается его именем, означающим “Правдивый”.

Нужно отметить ещё художественную одарённость царевича, за неё он получил прозвище “Читрашва” (ср. гл. II, 13). По-видимому, это портретная черта, сохранённая эпической памятью, так как в дальнейшем она не использована, если только ей не придавать атрибутивного значения, принимая во внимание, что “Читрашва” значит “Пегий конь”, а конь есть атрибут Ашвин (“Всадников”), богов-близнецов, утренних и вечерних сумерок. В 18-й шлоке той же главы Сатьяван сравнивается с ними.

В развитии действия Сатьяван показан как кроткий и любящий сын и муж, но с очень пассивной психикой: он шага не может ступить без родительского ведома и позволения. Это, несомненно, патриархальная черта. Пассивно он принимает выбранную родителями жену. О его согласии нет даже и речи, и брак улаживается отцами молодых, как то и полагалось в патриархальной семье.

В момент необходимости принять решения и действовать Сатьяван приходит в смятение и выражает свои чувства противоречивыми порывами, слезами и по существу во всём опирается на жену, следует её активности. Жена в буквальном смысле ведёт его за руку, если он и даёт указания, как нужно идти, то только потому, что Савитри совсем не знает дороги, тогда как Сатьявану путь хорошо знаком. В остальном весь актив на стороне Савитри, она реализует беспорядочные порывы мужа, превращает их в волевою, целеустремлённую деятельность. Даже актив рассказа о происшедшем Сатьяван передаёт жене.

Таким образом, обе поэмы дают тип доброго, но достаточно себялюбивого мужчины, способного на страстные порывы, но в высшей степени неволевого. Слабоволие — ведущая черта этого типа. “Наль” значит “тростник”, растение изящное, утончённое, но гнущееся от всякого дуновения... Кроме того “наль” обозначает гороскопическую конstellляцию двойственной природы, становящуюся в зависимости от обстоятельств — положительной или отрицательной. Такой символ в духе индийской поэзии, и нужно сказать, что трудно подобрать более яркий художественный символ для разбираемого образа.

Обращаясь к второстепенным мужским типам поэм, можно убедиться, что и они сохраняют основные черты, развитые в главных характерах. Таков простоватый, слегка комичный Ритупарна, таков и Варшнея, пассивно следующий за течением событий, хотя и преданный своему господину по “долгу шудры”, но самостоятельно палец о палец не ударивший для облегчения его судьбы. Варшнея лишь добросовестно, но

весьма пассивно исполняет приказания Дамаянти, а потом идёт служить к царю Ритупарне.

Даже Пушкара, этот “злодей” поэмы, носит те же черты: “злодейство” навязано ему извне, оно не вытекает из сущности его характера, если не считать пассивной неустойчивости, позволяющей ему легко поддаться соблазну. Освобождённый от влияния Кали и поставленный на своё место, он проявляется как добрый мальчик, с благодарностью, но пассивно принимающий то, что ему пожелают дать. Фигуры Ашвапати, Дьюматсены и Бхимы сливаются с фоном: они трафаретные раджи.

Особо стоят образы браминов. Оставим в стороне Парвату и Нараду, как трафаретные агиографические образы, почти не индивидуализированные, обратимся к двум другим браминам — Судэве и Парнаде, изображённым в “Нале”. Типичные представители своей касты: деятельные, смыслённые, они всегда готовы плести интригу, якобы в пользу владыки-кшатрия, в действительности же всегда ради своей выгоды; они падки на подарки. “Махабхарата” создавалась в среде кшатриев, во многом она является плодом борьбы каст кшатриев и браминов в период создания военно-рабовладельческого государства, росту которого препятствовали теократические притязания браминов. Такая борьба классов не могла не отразиться и в художественных произведениях.

Впрочем, если снять с разбираемых образов их местный колорит, то эти фигуры можно было бы легко включить в какую-нибудь средневековую новеллу, настолько ярко даны в поэме их общеклассовые черты. Но кастовая социальная яркость образов в значительной мере ступшёвывает их мужские индивидуальные черты. Мало они выражены и в образах отшельников, фигуры которых тоже сливаются с общим фоном.

*
* *

Женские типы даны обеими поэмами в двух главных фигурах: Дамаянти и Савитри, и в двух второстепенных — царицы матери и Кешини (“Наль”). Остальные женские фигуры еле намечены.

Как и мужчины, обе героини получают двойную характеристику: априорную трафаретную — сказочной красавицы и, раскрываемую в действии, индивидуальную. Априорно обе царевны получают эпитеты “луноподобная, широкобёдрая, хрупкая, робкая, нежная” и пр. Отметим, что подавляющее большинство эпитетов относится не к психическим, а к физическим чертам.

С первых же строк поэма характеризует Дамаянти как натуру страстную, подобно молнии. Разгоревшись страстью к Налу, она неудержимо пылает, но в противоположность ему умеет активно осуществлять свои желания. Если Наль пассивно отпускает фламинго выполнять обещанное, то Дамаянти, выслушав птицу, сейчас же активно её направляет: “Расскажи это Налу”.

При встрече с Налем Дамаянти ведёт себя очень решительно и действенно: она без колебаний противостоит воле богов, решительно отвергает их сватовство, за что и получает от своего жениха название “безумной”. Дамаянти и Наля побуждают действовать, но, убедясь в его пассивности, берёт на себя всю тяжесть решения и выполнения задуманного. Раз пожелав, умеет добиться желаемого, что доказывает и сцена выбора жениха. Её, девушку, всегда заключённую в стены гинекеона, не смущает ни блеск и торжественность обряда, ни присутствие толпы женихов, ни даже сватовство богов, дерзко приглашённых ею на обряд выбора, причём она заранее отказывает им, не страшась их гнева. Боги задают ей трудную задачу — угадать среди пяти тождественных образов, кто из них её любимый. Ради своего чувства к Налу Дамаянти жертвует всем, вплоть до блаженства, сулимого ей богами. В их сватовстве подвергается испытанию чувство Дамаянти, и оно выдерживает испытание. Сами боги

признают это и в решительный момент оказывают ей помощь, одобряют её выбор и благословляют брак дарами.

Нужно отметить, что дары получает Наля, а не Дамаянти, хотя, казалось бы, заслужила их она, а не он. Возможно, что здесь речь идёт о своеобразном приданом. Свадебные обряды индийцев по-разному разрешают вопрос о дарах в зависимости от того, преобладают ли в обряде черты патриархата или матриархата. В более поздних обрядах одаряются оба молодые вместе как супружеская чета.

В дальнейшем раскрывается решительный, волевой характер Дамаянти: она не занимается пустыми причитаниями при виде безумств мужа, потери им власти, крушения семьи; пока остаётся надежда на борьбу, Дамаянти борется; вместе с придворными она старается уговорить Наля; потерпев в этом неудачу, хотя и сгорая от стыда (гл. VIII, 8), она не теряет голову, но умело и энергично спасает своих детей, отправив их к деду. На этом её забота о детях кончается и уже ничто не препятствует раскрытию самой сущности характера: Дамаянти — не женщина-мать, не Деметра и не женщина-любовница, не Венера, она — женщина-супруга, ярко выраженный тип Геры, принимая художественно выкристаллизованные образы Эллады.

Поэма даёт высокое развитие такого типа: Дамаянти, отвергнув ради любимого небесные улады, не останавливается перед угрозой нищеты и лишений, перед ужасами тропического леса, ярко выраженными поэмой. Без колебания следует она за мужем, желая разделить с ним все беды; даже намёк на возможность его покинуть звучит для неё оскорблением (ср. гл. IX, 26—29).

После исчезновения Наля “робкая” Дамаянти преодолевает всяческие опасности. Спасаясь из леса, она проявляет далеко не робость, а безмерную храбрость, решимость, присутствие духа во всех злоключениях, но её основная цель — не спасение себя, а поиски мужа, стремление помочь тому, без кого ей жизнь — не в жизнь. Она предпочитает остаться в лесу одна, без защитника, чем получить защиту ценой насилия и измены мужу.

Плачь Дамаянти — одно из самых патетических и ярких мест поэмы, да и вообще “Махабхараты”. Он очень напоминает плачь Ярославны. Высокая напряжённость чувства и сила художественной одарённости подняли обоих поэтов выше случайной среды и эпохи и дали им возможность создать общечеловеческую ценность, через века и культуры сказать свою общечеловеческую правду.

В сцене встречи с караваном, в трагической сцене нападения слонов, данной с блестящим художественным мастерством, в сценах прихода в город и знакомства с царицей — всюду Дамаянти проявляет решимость, самостоятельность и жизненную приспособляемость, черты совсем неожиданные для изнеженной гаремной женщины.

Несколько диссонирует её пассивное пребывание у чедийской царицы и внезапное решение вернуться в семью отца после появления Судэвы. Однако и здесь у неё был заранее обдуманый план. Не меньшую активность и решительность проявляет и Савитри. Её выбор тоже подвергается тяжёлому испытанию, ещё более убедительному, общепонятному, так как элемент “чудесного” в нём сведён до минимума.

Если Дамаянти должна отказаться от воображаемых небесных улад ради Наля, то Савитри угрожает потеря избранника, его смерть через год после свадьбы. Если Дамаянти отказывается, так сказать, от избытка счастья, то Савитри отказывается от самого счастья. Над её судьбой нависла угроза смерти, трагического рока. Сам великий Нарада предупреждает об этом девушку и называет её выбор неудачным. На своё предупреждение он получает скромный, но полный достоинства ответ, перекликающийся через века с ответом Корделии королю Лиру; ярко и выразительно звучат строки шлок гл. II, 26—28: “Раз выпадает жребий, раз идёт девушка замуж...”.

Савитри, как и Дамаянти, не только умеет страстно желать, но и осуществлять свою волю. Как и у Дамаянти, её чувство не отступает ни перед лишениями, ни перед

неудачами, ни перед страданиями и даже перед смертью. Только чувство её по сути иное, чем у Дамаянти. Если Дамаянти — выраженный тип Геры-супруги, для которой весь мир сосредоточивается на одном муже, всё же остальное существует “постольку — поскольку”, то Савитри — Деметра, женщина-мать, умеющая охватить своим сердцем через любимого весь мир. Дамаянти для мужа забывает не только отца и мать, но даже собственных детей, не говоря уж о более далёких родных.

Савитри же сердечным теплом согревает и слепого, несчастного свекра, и своего отца, и всю семью; любовное отношение Савитри ко всем окружающим подчёркивается поэмой. “Сто сыновей” — для неё один любимый, воплощающийся во всём.

С тихой решимостью хранит она про себя роковую тайну, её кроткая речь, ясная улыбка не выдадут непрестанной раздирающей боли и случайный стон не заставит заподозрить её муку в ожидании рокового часа (ср. гл. III, 21—23; IV, 33). Только твёрдый духом, поистине добрый человек способен на такой подвиг. Савитри знает сущность добра и умеет восхвалять его не только в речах, обращённых к владыке Дхары, но всей своей жизнью, всеми поступками. Оттого-то её слова и звучат так убедительно.

Не пассивно ждёт Савитри рокового часа, предавшись тайной скорби, с тоской считая дни, часы, минуты. Для древнего индийца существовала непреложная, всепобеждающая сила — аскетический подвиг. Такой подвиг основан на идее безусловной закономерности всего миропроявления, на непреложном равновесии причинно-следственного ряда (закон кармы) и безусловности нравственных законов (дхарма). Он понимался древними индийцами как концентрация силы, способной влиять на течение событий, так как в основу миропроявления древний индиец полагал незыблемый нравственный закон (Рита). Сами боги не могут противостоять силе аскезы, ею можно достичь всего, чего угодно, лишь бы воля была достаточно сильна, чтобы добиться желаемого. Ведь недаром аскезой Брами творит мир.

Для Савитри предпринятое ею стояние не есть пассивное вымаливание желаемого, но активная борьба за него. В рамках своего миропонимания Савитри активно добивается своего счастья, творит свою судьбу, утверждая её на прочном нравственном основании. Выполнив без колебания, несмотря на уговоры окружающих, задуманное трёхдневное стояние, также твёрдо Савитри осуществляет своё решение не покидать мужа ни на мгновение в роковой для него день. Сам бог смерти, Яма, не в состоянии уговорить Савитри отступить. Ни освобождение её от супружеского долга самим владыкой Закона, ни трудности пути, ни страх перед обителью смерти — ничто не останавливает решительную женщину, и она добивается цели, не только узкосебялюбивой цели личного счастья, как Дамаянти, но и счастья для многих людей. Она спасает из бездны страдания два великих рода. Диалог между Ямой и Савитри проходит на высоких регистрах утверждения общечеловеческих нравственных максим, он по своей напряжённости напоминает диалоги Платона. Высказывания Савитри поражают необычайным самозабвением, жертвенностью. Она хочет одного, добивается одной цели — спасение мужа. Но когда Яма предлагает ей обусловленный выбор дара, она думает не о себе, а о других: о слепом свекре, об отце. Савитри не просто желает для них счастья, но такого счастья, которое не нарушило бы нравственных законов (ср. гл. V, 31—32).

Тот же нравственный момент подчёркнут и в заключении поэмы: личное счастье героев вытекает из их нравственной победы, победы добра над злом. И в этом существенная разница между двумя поэмами.

В “Нале” нравственный элемент отходит на второй план, он утверждается постольку, поскольку утверждается момент личного счастья, и весь пафос борьбы Дамаянти заключается в достижении этого личного счастья, остальное проходит мимо героев поэмы.

В “Величии супружеской верности” нравственный момент является целью, на нём основывается личное счастье, без него неприемлемое.

Таким образом, первая поэма гедонистична, вторая — нравственна. Смысл поэмы раскрывается в диалоге Ямы и Савитри о долге. Такой диалог типичен для философских произведений Индии. Савитри как бы сдаёт испытание на своё понимание долга и нравственного закона как основы не только общественной жизни, но и всего мироздания (“Истине добрых и Солнце покорно, Земля стоит подвигом добрых, добрые — путь всех существ и начало”) (ср. гл. V, 47).

Только в силу понимания долга, нравственного начала, раскрытия его в себе и осуществления в жизни Савитри достигает желаемого. Сам воплощённый закон, Дхарма, признаёт за Савитри это право. Она осуществила правду в жизни, раскрыла в себе понимание долга и поэтому получила право стать проводником нравственного закона, быть одной из тех, через которых он управляет Вселенной.

Из второстепенных женских фигур ярче других очерчен образ Кешини — ловкой, сметливой и энергичной служанки, вполне под стать своей госпоже. Образ её хорошо контрастирует с фигурой мешковатого Варшнеи, способного часами философствовать на тему: кто бы мог быть Вахука — то ли Наль, то ли возничий богов Матали, но не удосужившегося ничего проверить у своего сослуживца-возничего.

Итак, в обеих поэмах пассивным, безвольным мужчинам противопоставляются активные, волевые женщины, хотя юридически и находящиеся в подчинении, но активно строящие жизнь и семью, дающие начало роду.

Такое резкое противопоставление и типизация не могут быть случайными, они являются отражением отношений, существовавших в обществе того времени. Хотя в ту эпоху патриархальный строй получил уже своё утверждение, но матриархат ещё не совсем был преодолен и силы его искали себе выражения.

Общественная жизнь была в руках мужчин, но в домашнем быту тяжесть семейной жизни, повседневной заботы о детях падала главным образом на женщину. Это закалило её характер, стимулировало её волю, создало типы, с такой яркостью сохранённые эпосом.

Отсюда, по-видимому, проистекает индийское учение о пассивности мужского начала и об активности женского, отмеченное выше, как характерная черта древнеиндийской философии.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЭМ

«Миф есть экзегеза символа»

Бахгофен

В древности философия без ясных границ сливалась с мифом. Она раскрывала символы, в которые древняя мудрость облекала своё миропонимание. Поэтому эпос носит не только исторические и художественные черты, но и мифологические и религиозно-философские. Подобно тому, как для греков “Илиада” и “Одиссея” были не только историческими сказаниями о героях и о прошлых судьбах народа, но и священными кодексами, на которых воспитывалось моральное и религиозно-философское сознание народа, так и “Рамаяна” и “Махабхарата”, быть может, ещё в большей степени являлись для древних индийцев священными книгами, не только историческими, но и философскими, а поэтому даже в таком беглом очерке, как настоящий, нельзя обойти молчанием и эту сторону предлагаемых вниманию читателей поэм.

Индийский эпос создавался веками, он исключительно богат, разнообразен, как исключительно богата и мифология Индии. Любая фольклорная “ходячая” тема нашла

отражение в санскритской эпической литературе. С мифологической точки зрения рассматриваемые поэмы представляют неравный интерес.

“Наль” — это яркий пряный цветок индийской поэзии, дающий художественное отражение быта и нравов древней Индии. Это — роман, не перестающий пленять своими художественными достоинствами не только индийцев, но и каждого, кто знаком с их литературой. Нравственное значение поэмы отходит на второй план. Правда, “Налю” приписывается сила мантры (заговора) против злого духа Кали (игры в кости): Кто будет прославлять Наля, читая сказание о нём, тот избегнет власти Кали (ср. гл. XX, 36—37). Иными словами, поучительная история Наля предостережёт внимающего ей от влечения азартом игры. Но такое понимание поэмы довольно поверхностно, оно навязано произведению и является своего рода рекламой, обеспечивающей ей распространение: не следует забывать, что произведения индийской литературы веками передавались изустно из поколения в поколение. Обещание всяких благ сказителю и слушателю произведения — приём довольно обычный для древности, он объясняется трудностями распространения литературы в эпоху до книгопечатания.

Совсем иное — “Величие супружеской верности”. И по содержанию, и по форме эта поэма близка мистериальному действу. В ней миф не является случайным элементом, как в “Нале”, а лежит в основе произведения и составляет его сущность. Поэма есть сказание о родоначальнице племени, а следовательно, о богине, как то знаменует и само имя героини.

Савитри есть женская ипостась Савитара (Спасителя), одного из олицетворений Солнца, значит в основе произведения лежит солнечный миф. Сизигии индийской мифологии построены так, что активной является женская ипостась сизигии, о чём уже упоминалось.

Вариант солнечного мифа, развитый в поэме, можно назвать темой “танатомахии” — борьбы со смертью, преодоление её. Это — один из важнейших мотивов в цикле солнечных мифов. Можно сказать, что нет ни одной, более или менее сформировавшейся религиозной системы, где бы эта тема не была затронута, ибо это одна из основных проблем, над которыми издревле работала человеческая мысль. Многие религии в основу своей системы полагают мотив — танатомахии (например, религии Диониса, Озириса, Митры...).

Если тематика танатомахии, с одной стороны, тесно связана с астральными мифами, в частности с солнечным, то, с другой стороны, она тесно связана с биологическими (любовь и смерть) и социальными мифами (хлеб). Отсюда чрезвычайное разнообразие соответствующих мифов, теснейшим образом переплетающихся друг с другом. Так, например, миф об Озирисе является столько же солнечным, космологическим, сколько и социальным, и оба элемента в нём почти неотделимы один от другого. Более того, он является и биологическим мифом, на что ясно указывает роль Изиды и Нефтис в ритуале погребения Озириса (а следовательно, и каждого египтянина), момент восстановления семени Озириса в звезде Сотис (Сириусе).

Одна из основных схем танатомахии, под которую можно подвести миф о Савитри, строится так: существует любящая чета — сизигия. Один из супругов гибнет, другой отправляется в царство смерти спасти погибшего. Эта попытка может закончиться или неудачей, или успехом, обычно относительным. Схема распадается на два варианта: мужской и женский.

Мужской вариант, как правило, оканчивается трагически, в каком бы аспекте (космологическом, биологическом или социальном) не развивалась тематика. Типичным примером мужского варианта, преимущественно в биологическом аспекте, является миф об Орфее и Эвридике; сюда же относится миф о Геракле и “Белой Деве” — Иоле из Эхалии (“города исчезновения”), миф о Зигфриде и Брунгильде,

только в обоих последних мифах сильно подчёркнут эсхатологический момент. Не следует упускать из виду, что миф об Орфее относится к дионисийскому циклу и само сказание о Дионисе-Загрее разворачивает всё ту же тему танатомахии.

Не имея возможности более подробно останавливаться на указанных мифах, напомним только, что все они кончаются трагически: Орфей навсегда утрачивает Эвридику, титаны разрывают Диониса-Загрея, Зигфрид гибнет в волнах Рейна, Геракл, хотя и совершает свой последний подвиг — нисхождение в Аид, но затем трагически гибнет на костре Этны.

Приведённые примеры достаточно ярко иллюстрируют выдвинутое положение: танатомахия мужского типа, как правило, кончается трагически. Вспомним, что и само слово “трагедия” возникло на почве мистериального изображения мужского танатомахического мифа.

Женские варианты танатомахии кончаются относительно благополучно: Изида воскрешает Озириса, малоазийские богини типа Иштар-Кибелы возвращают к жизни своих Адонисов.

Следует подчеркнуть, что женские варианты танатомахии развиты преимущественно в биологическом аспекте. Задача преодоления смерти разрешается продлением жизни рода женщиной.

Мужчина в этих мифах — обычно представитель индивидуального самосознания, личности, а женщина — представительница родового сознания, жизни Природы. Это справедливо даже для таких резко патриархальных религий, как еврейская: “Человек (Адам) назвал жену свою Хава (Жизнь), ибо она стала матерью всего живущего” (кн. Берейшит, III, 2). Миф о Савитри относится к женскому варианту танатомахии. Астральные его элементы намечены в связи Савитри, жены Сатьявана, с богиней Савитри, женской ипостасью, энергией (шакти) Савитара-Солнца.

Возможно, что годовой срок жизни Сатьявана нужно понимать в том смысле: Сатьяван, муж Савитри, олицетворяя Солнце, должен неизбежно умереть в конце годового цикла, а солнечная Энергия Шакти-Савитри возвращает его к жизни на основании неизменных причинно-следственных законов (дхарма). Тогда и трёхдневное неподвижное стояние Савитри следует толковать в смысле трёхдневного зимнего солнцестояния.

Древние славяне, в частности украинцы, говорили: “Солнце столбом стоит три дня”.

В поэме есть отдалённый намёк на сближение Сатьявана с Ашвинами, о нём говорится, что он прекрасен, как Ашвины, и носит он прозвище “Читрашва” — “Пегий конь”. Аналогия ослабляется тем, что образ Сатьявана не парный, тогда как образ Ашвин, как правило, парный — сравнить, например, образы Накулы и Сахадэвы в “Махабхарате”, Косьмы и Дамиана в христианской агиографии, Кастора и Поллукса у греков. Точный перевод слова “Ашвины” — “Всадники”; так олицетворялись утренние и вечерние сумерки. В танатомахических мифах Сумерки принимают известное участие: умирая вечером, они возрождаются утром.

В качестве всадников они являются и в русских сказках: всадники Бабы-Яги, Смерти, Зимы. Биологический аспект мифа выражен в поэме резче, чем астральный: поэма даёт образ женщины-матери, родоначальницы, подобно Деметре, устрояющей человеческое общество на основе неизменных и благих законов (ср. элевзинские таинства и сказание о странствованиях Изиды).

*

* *

Настоящим очень кратким разбором мы пытались наметить основные идейные вехи предлагаемых памятников, показать их большое культурное и литературно-художественное значение. Они вводят русского читателя в мало ему знакомый мир

культурных сокровищ Индии, по заслугам издревле пользующийся славой “Страны Чудес”.

СКАЗАНИЕ О НАЛЕ

(Махабхарата, III, гл. 52 — 77, шл. 2073 — 3099)

Глава I

Брихадашва сказал:

1. Был раджа, Наль* его звали, могучий сын Вирасены*.
Полный достоинств желанных, знаток лошадей знаменитый.
2. Как царь богов, главенствуя между земных властелинов,
Он высоко над всеми сиял, подобно солнцу.
3. Витязь, владыка нишадхцев благочестивый, знал Веды,
Полководец искусный, правдивый, он в кости* играть был охотник;
4. Прекрасный, сдержанный в чувствах, желанный для женщин,
Меткий стрелок, защитник, видом Ману* подобный.
5. А в земле видарбхийской жил страшный отвагой Бхима,
Многостойный витязь, бездетный, желал он потомства;
6. Лишь о потомстве мысля, тяжкие нёс обеты.
Однажды к нему брамин явился по имени Дамана*, Бхарата,
7. Желая потомства, угостил превосходного Бхима, знаток закона;
Царица и царь на славу приняли гостя,
8. Дамана, довольный приёмом, желанный дар им предоставил:
Дочь красоты несказанной и трёх сыновей превосходных, преславных,
9. Их звали Дама, Данта, Дамана и прекрасная Дамаянти.
(Юноши были) полны достоинств, грозны, отважны,
10. А Дамаянти красою, стройностью, блеском, счастьем,
Нежностью во (всех) народах стяжала славу.
11. Когда же стала юницей, служанки, одетые пышно,
Сотни подруг её окружали, как Шачи (апсары).
12. В богатых, роскошных нарядах дочь Бхимы
Среди подруг выделялась, с молнией сходная блеском;
13. Как длинноокая Шри*, дева красы безупречной,
Между богов и якшей* по красоте ей не видано равных.
14. А средь людей никогда о деве подобной не слышали,
Как богиня прекрасной, пьянящей сердце.
15. Наль был меж витязей тигром* и на земле — несравнимым,
Как воплощённый Кандарпа*, красавец жил в своём царстве.
16. Наля в присутствии девы с восхищением все прославляли.
А при Нишадхце хвалили Дамаянти снова и снова.
17. Слушая эти хвалы, они заочно друг в друга влюбились,
Это влечение друг к другу всё возрастало, Каунтея.

18. Наль, устав сдерживать страсть в своём сердце,
В придворцовую рощу (однажды) скрылся,
19. Там золотопёрых фламинго* увидел стаю.
Наль поймал одну птицу из бродивших в чаще;
20. Тогда пернатый промолвил Налю разумное слово:
“Я ещё пригожусь, не убивай меня, раджа!
21. Нишадхец, о тебе я расскажу Дамаянти
И кроме тебя, ни об одном человеке она не будет думать”.
22. Внял словам фламинго, выпустил его владыка;
И птицы, взлетев, устремились в видарбхийскую землю.
23. Достигнув столицы Видарбхи, спустились вблизи Дамаянти
Эти пернатые (гости); она увидела стаю,
24. Их красотой чудесной с толпою подруг любовалась;
Весело за легкокрылыми стала гоняться,
25. Но разлетелись фламинго по восхитительной роще;
Девушки (все) врассыпную пернатых преследовать стали.
26. Когда же Дамаянти совсем настигла фламинго,
Он языком человеческим ей молвил:
27. “Дамаянти, есть раджа, Наль, владыка нишадхцев,
Словно Ашвины* прекрасный, с ним никому из людей не сравняться!
28. Если женой его станешь, ты, что всех девушек краше,
Тонкостанная, бесплодным будет твоё воплощенье и прелесть.
29. Мы богов, гандхарвов*, людей, ракшасов*, змиев*
(Много) видали, но равных ему — никогда не встречали!
30. Ты — драгоценность средь женщин, Наль — средь мужчин украшение,
Союз превосходного и превосходной будет прекрасным”.
31. Дамаянти, выслушав речь, повелитель народа,
Отвечала фламинго: “Расскажи это Налю!”
32. “Выполню”, — так Видарбхийке молвил яйцерождённый.
Вернувшись в нишадхскую землю, он всё поведал Налю.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 52 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава II

Брихадашва сказал:

1. Дамаянти, выслушав речи фламинго, Бхарата*,
Стала сама не своя, томилась по Налю;
2. Предаваясь печальным мыслям, поблекла, совсем исхудала,
(В тоске) Дамаянти тяжело, глубоко вздыхала,
3. Как безумная видом, задумчиво вверх глядела
Или внезапно бледнела, терзаясь любовной мыслью.
4. Не наслаждалась ни сном, ни пищей, ни ложем,
Ни днём ей, ни ночью не спится: “Горе, увы!” повторяя, плачет.
5. Недуг по этим приметам узнали подруги
И видрабхийцев владыке они сообщили, Бхарата,
6. Что не в себе Дамаянти. От сонма подруг эту весть услышав,
Могучий царь Бхима, земли повелитель,
7. Понял, что с дочерью важное что-то случилось.
“В чём же причина, что моя дочь нездоровой выглядит нынче?”
8. Тот хранитель земли, учтя, что дочь его девушкой стала,
Решил: пора Дамаянти избрать жениха (по сердцу).
9. Сзывая земных властелинов, так (объявил) Видарбхиец:
“Витязи, приходите на смотрины мужа*!”
10. Прослышав, что Дамаянти выбирает супруга, все раджи
Стали съезжаться к Бхиме, по зову того владыки.
11. Шумом слонов, лошадей, колесниц наполнились земли —
Нарядные шли войска, в венках, украшеньях.
12. Тех радж по закону почтил долгорукий Бхима:
(Великолепные) гостили у него с почётом.
13. В ту пору к богам направлялись два лучшие риши,
Шли в царство Индры, те великие духом,
14. Блюдащие великие обеты, много познавшие Нарада и Парвата*,
Вошли, многочтимые, в обитель владыки бессмертных.
15. Приветом почтив, Магхава* пожелал им вечного мира,
Спросил о здоровье тех странников раджа.

Нарада сказал:

16. Бог Повелитель, здоровы мы, странники, оба:
В мире цари все здоровы, блаженных владыка!

Брихадашва сказал:

17. Выслушав слово Нарады, спросил губитель* Балы и Вритры:
“А где знатоки закона, защитники народа, свою жизнь не щадящие в битве?”
18. Что идут с оружием, в час смерти не обращая тыла?
Для них этот мир нетленный и моя Камадук (корова желаний*).
19. Богатыри, кшатрии где же? Не вижу,
Чтоб приходили цари, гости* мои дорогие”.
20. Так вопрошённый Шакрой*, риши Нарада ответил:
“Узнай от меня, Магхава, отчего царей не видишь:
21. Дочь видарбхийского раджи, преславная Дамаянти,
Что превзошла красотой всех земных женщин,
22. Вскоре себе выберет мужа, Шакра;
Цари и царевичи туда отовсюду стремятся.
23. Все земные владыки ищут эту жемчужину мира,
Бесконечно её вожделяют, (знай) губитель Балы и Вритры”.
24. Пока говорил Нарада, к владыке богов собрались
Агни* и лучшие из бессмертных — хранители мира;
25. Они сообща внимали великому слову Нарады,
Радостно выслушав речи, — “Мы также пойдём!” — сказали.
26. Затем на колесницах*, со свитой они все отправились, махараджа.
В землю видарбхов, где владыки народов собрались.
27. И Наль, услышав, что съезжаются раджи, Каунтея*,
Бодро отправился, Дамаянти преданный (сердцем).
28. Тогда на земной равнине* боги в пути заметили Няля,
Воочию он явился по красоте подобный Манмантху*.
29. Сияющего подобно солнцу заметив, хранители мира
Остановились, забыв о цели, (его) красотой восхищённые.
30. Небожители, сдержав колесницы в небе,
Спустились и Нялю сказали, раджа:
31. “Слушай, владыка нишадхский, Наль, — ты поистине верен —
Окажи нам помощь, будь нашим вестником, преславный витязь!”

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 53 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава III

Брихадашва сказал:

1. Так они повелели; “Выполню!”, — Наль ответил, Бхарата;
Руки сложив*, их спросил Нишадхец:
2. “Кто вы, владыки? Кому я желанным вестником буду?
Что я для вас должен сделать, досконально скажите”.
3. Выслушав слово Нишадхца, отвечал Магхава:
“Знай, мы бессмертные, низошли к Дамаянти;
4. Я Индра, вот — Агни, этот — вод повелитель*,
А тот — тела людей приводящий к смерти — Яма*.
5. Ты должен о нашем приходе возвестить Дамаянти, раджа:
“Во главе с Индрой явились хранители мира, тебя хотят видеть!
6. Тебя получить желают: Шакра, Агни, Варуна, Яма;
Из этих богов одного избери себе мужем!”
7. Выслушав Индру, Нишадхец, руки сложив, ответил:
“Благоволите не посылать меня, стремящегося к той же цели;
8. Как женщине может в здравом уме мужчина
Такое сказать за другого? Смилитесь, великие владыки!”

Боги сказали:

9. “Выполню!” — так обещал ты, Нишадхец,
Как же теперь не исполнишь? Отправляйся, Нишадхец, немедля!”

Брихадашва сказал:

10. Выслушав это, Нишадхец снова к богам обратился:
“Крепко хранимы чертоги, как мне туда проникнуть?”
11. “Проникнешь”, — сказал (миродержец) Шакра.
“Ладно”, — ответил Наль и пошёл во дворец Дамаянти.
12. Там, в окруженьи подруг он увидел Видарбхийку,
Счастьем, красой лучшая девушка в мире сияла,
13. Нежностью членов, блеском очей и стройностью стана;
Сиянье полной луны своим светом она затемняла.
14. Чарами нежноулыбной сильнее в нём страсть разгоралась,
Но правду стремясь исполнить, сдержал он желанье.
15. Заметив Нишадхца, робкие девы в смятеньи
Вскочили с сидений, блеском его восхищаясь.

16. Налем любуюсь, к нему обратиться не смея,
Лишь в уме повторяли возгласы восхищения:
17. “Ах, красота! Ах, сиянье! Стан какой, вид, благородство!
Кто это — бог или якша, или гандхарва, быть может?”
18. Но что-либо сказать ему — были не в силах:
Изумляясь его красоте, прекрасные молчали.
19. Тогда, на его улыбку ответив улыбкой, восхищённая Дамаянти
Первая обратилась к витязю Налю:
20. “Кто ты, чарующий видом, любовь мою воспламенивший?
Ты вошёл, как бессмертный, всё хочу знать о тебе, безупречный витязь!”
21. Как ты сюда проник? Как никто тебя не заметил?
Мой чертог охраняется крепко, по строгому наказу раджи”.
22. Спрошенный так Видарбхийкой, Наль ей сказал:
“Узнай во мне Наля, прекрасная, вестником богов сюда я прибыл;
23. Боги хотят получить тебя (в жёны): Шакра, Агни, Варуна, Яма.
Одного из этих богов, красавица, выбери мужем.
24. Хранимый их силой, сюда я проник незаметно:
Как я входил, никто не мог видеть и помешать мне.
25. Вот с какой целью, блаженная, меня послали боги;
Выслушав всё, прекрасная, сама решай, как хочешь!”

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 54 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава IV

Брихадашва сказал:

1. Славу воздав богам, она с улыбкой ответила Налю:
“Введи жену по закону, раджа; что я должна тебе сделать?”
2. Я с богатством, каким только владею,
Принадлежу тебе; желанный брак соверши, владыка!
3. Жжет меня слово фламинго, раджа;
Этих царей ради тебя созвала, витязь!
4. Если моё поклоненье отвергнешь, податель славы —
К яду, огню, воде, петле из-за тебя прибегну!”
5. Выслушав Видарбхийку, Наль ей ответил:
“Когда предстоят миродержцы, почему человека желаешь?”
6. Великодушных владык, творцов и хранителей мира
Я праха ноги не достоин; к ним обрати свои мысли.
7. Творящий богам неуютное, смертный достоин смерти,
Спаси меня, дивная, стройная, избери превосходного бога!
8. В незапылённых одеждах, в диадемах небесных,
Вся в дорогих украшениях, богам сопричастна, с ними блаженствовать будешь.
9. Основав эту землю, снова её пожирает
Жертвы вкуситель — Агни, владыка богов*, — его ли не выбрать супругом?
10. В страхе под скипетром Ямы* все существа пребывают,
Все почитают Дхарму — его ли не выбрать супругом?
11. Велик и праведен Индра, дайтев, данавов* смиряет,
Он богов повелитель — его ли не выбрать супругом?
12. Избери не колеблясь, спокойно, разумом ясным
Одного из хранителей мира, послушай совета друга!”
13. Так говорил ей Нишадхец; но Дамаянти сказала
С глазами полными слёз, влагой, рождённой скорбью:
14. “Сотвори всем богам поклоненье, земли владыка, всё же
Тебя избираю супругом. Я тебе правду сказала!”
15. Руки сложивший, дрожащий раджа на это ответил:
“Как за тебя говорить мне, прекрасная, если я вестником прибыл?”
16. Как же могу дав слово, да ещё богам-владыкам,
Ради других начав дело, действовать к собственной пользе?
17. Так закон указывает; после, коль доля мне выйдет,
О своей позабочусь пользе; блаженная, так поступать подобает”.

18. Ясноулыбная Дамаянти, речи слезой прерывая,
Медленно молвила Налю:
 19. “Вижу я верное средство, богатырей владыка;
Раджа, греха никакого с ним на тебя не ляжет:
 20. Ты, из витязей лучший, и боги, водимые Индрой,
Все приходите сюда на мой выбор.
 21. Я, пред лицом миродержцев, тебя, владыка народа,
Выберу, тигроподобный; в этом греха не будет”.
 22. Царственный Наль, вняв словам Видарбхийки,
Вернулся туда, о владыка земли, где собрались боги.
 23. Заметив идущего к ним, владыки, хранители мира,
Обо всём происшедшем его спрашивать стали:
 24. “Раджа, ясноулыбную видел ли ты?
Владыка земли, что ответила нам Дамаянти? Всё, безупречный, поведай!”
- Наль сказал:
25. Посланный вами, проник я в чертог Дамаянти
Через большие ворота, замкнутые бдительной стражей.
 26. Когда проходил я, могуществом вашим хранимый,
Меня ни один человек не заметил, кроме царевны.
 27. Её подруг я увидел, был также ими замечен;
Владыки-боги, меня увидев, поражены они были.
 28. Лучистоокой о вас рассказал, превосходные боги,
Она ж безрассудно выбрать меня пожелала.
 29. Девушка так отвечала: “Пусть придут боги, а с ними,
Тигроподобный, и ты приходи на выбор!
 30. Перед лицом (небожителей) тебя изберу, Нишадхец,
И на тебя, долорукий, грех не падёт”. Так сказала.
 31. Премудрые, вам до конца я поведал всё, что случилось.
Возвестите ваше решение тридцати (светозарных) владыки!*

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 55 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава V

Брихадашва сказал:

1. Выбрав чистого дня луны счастливый час и мгновенье*
Царь Бхима раджей созвал на смотрины.
2. Владыки земли это узнав, мучимые страстью,
Все поспешили собраться, стремясь получить Дамаянти.
3. Через блестящую, златоколонную арку
Раджи взошли на подмости — огромные львы на гору!
4. Здесь на различных сиденьях расположились земные владыки
В благоуханных венках и в серьгах драгоценных.
5. Их мощные руки были подобны железным засовам;
Превосходные, учтивые, пятиголовым змиям* подобны были раджи,
6. Чарующие, пышноволосяе, их носы, глаза и брови были прекрасны.
Витязей лица сияли, как звёзды на небе.
7. В это собрание раджей, равных змиям подземного града*,
Полное тигроподобных мужей, как ущелье, полное тигров,
8. Вошла ясноликая Дамаянти, на подмости вступила,
Блеском своим восхищая владык сердца и очи.
9. К телу её устремлённые взоры великодушных раджей
Прикованными казались, застывшими неподвижно.
10. Когда царей имена возвещались, Бхарата,
Там увидала дочь Бхимы пять одинаковых мужей,
11. Неразлично-похожих, прекрасных обличьем;
Меж них Видарбхийка в смущеньи Наля-царя не узнала.
12. И на кого б из них ни взглянула, того принимала за Наля*.
13. Ум погрузив в размышленье, преславная так рассуждала:
“Как я богов распознаю? Как отличу царя-Наля?”
14. В думах таких Видарбхийка, тяжко скорбя, Бхарата,
Знаки богов, известные ей, различить старалась.
15. “О знаках богов я слыхала когда-то от старцев,
Но таких знаков не вижу ни у кого из них, на земле стоящих”.
16. Долго она сомневалась, размышляя снова и снова.
И, наконец, решила: “Время к защите богов прибегнуть!”
17. Словом и сердцем свершив поклоненье,
Руки сложив, трепеща, так богам сказала:

18. “Выслушав слово фламинго, я мужем тогда же избрала Нишадхца;
Боги, силой этой правды, пусть он указан мне будет!
19. Чтобы ни мыслью, ни словом я не свершила измены,
Премудрые, силой той правды, пусть он указан мне будет!
20. Владыка Нишадхцев богами мне предназначен в супруги,
Боги, силой этой правды, пусть он указан мне будет!
21. Мной произнесён обет Наля снискать благосклонность,
Истиной этой, боги, пусть он указан мне будет.
22. Образы ваши примите, владыки, хранители мира,
Чтобы могла распознать Пуньяшлоку*, владыку народов!”
23. Ублажённые слёзной мольбой Дамаянти,
Твёрдым её решением, правдой, влюблённостью в Наля,
24. Преданностью, непорочностью сердца, ума, страстью к Нишадхцу,
Боги исполнили просьбу, знаки свои явили.
25. Она узрела премудрых: без пота, с немигающим взором,
Незапылённые, в свежих венках, земли не касаясь, они стояли.
26. Наль бросал тень, был в увядшем венке, пылью и потом покрытый,
Мигал он, стоя, земли касался.
27. Отличив Пуньяшлоку от тех богов, Бхарата,
Нишадхца законно избрала, Пандава, дочь Бхимы.
28. Одежды его подол длинноокая ухватила стыдливо
И на плечи ему превосходный венок положила*.
29. Так несравненная его избрала супругом.
“Как? Что? — внезапно царей восклицанья раздались;
30. Боги, великие риши — “Хорошо, хорошо!” — сказали, Бхарата.
Раздались слова одобренья, восторженно владыку Наля хвалили.
31. А сын царя Вирасены, радуясь духом, Каурава,
Одобрил тогда широкобёдрую Дамаянти:
32. “Прекрасная, богам предпочла ты меня, человека.
Знай, я твой муж и твоим обрадован словом.
33. Буду с тобой я доколи держится в теле дыханье,
Я тебе правду сказал, ясноулыбная (дева)”.
34. Словами такими обрадовал он Дамаянти, сложившую руки;
Друг на друга смотрели они с восторгом и, на богов взирая,
Водительствуемых Агни, мысленно их защите предались.
35. После избранья Нишадхца светлые хранители мира,
Радуясь сердцем, Налю восемь даров обещали:
36. Дал ясновиденье Шакра, при совершении жертвы;
Необычайную скорость, удачу в дороге супруг Шачи дал Налю;

37. Агни Нишадхцу дал силу огонь вызывать по желанью,
Миры, где он сам сияет, ему жертв пожиратель*.
38. Яма — дар вкусную пищу (готовить), высшую стойкость в долге;
Повелитель вод силу дал вызывать, где захочет, воду;
39. Дал свежих венков ароматы; пару детей дали им боги.
Эти дары предоставив, отправились в небо.
40. Взирали с восторгом владыки народов на Дамаянти с супругом,
Радуясь, в путь поспешили обратный.
41. После отъезда царей, великодушный Бхима, довольный,
Дамаянти и Налю свадебный пир устроил.
42. Пробыв там сколько хотелось, из нишадхцев наилучший,
Отпущенный Бхимой, отправился в собственный город.
43. Получив жемчужину женщин, царь достохвальный
С нею вкушал наслажденья, как с Шачи*, Бали и Вритры губитель.
44. Преисполненный счастья раджа, сияющий подобно солнцу,
Верность (народа) упрочил, справедливо страной управляя.
45. Совершив ашвамедху*, как сын Нахуши Яяти,
Много других даяний совершил искусный в жертвах.
46. В увеселительных рощах и насажденьях тенистых
Наль с Дамаянти вкушали блаженство, подобно бессмертным.
47. Великодушный Наль родил от жены Дамаянти
Мальчика Индрасена* и дочь Индрасену.
48. Так этот царь, творя жертвы, вкушая усладу,
Правил землей изобильной, владыка народа.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 56 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава VI

Брихадашва сказал:

1. После избрания Нишадхца дочерью Бхимы, пресветлые хранители мира,
В пути увидали идущих Двапару и Кали*.
2. Заметив их, Балы и Вритры губитель, спросил Кали:
“Кали, скажи, куда идёте с Двапарою вместе?”
3. Кали ответил Шакре: “К Дамаянти на выбор;
Придя — (себя) выбрать заставлю, моя мысль к ней стремится!”
4. Отвечал улыбаясь Шакра: “Совершён уже выбор —
В нашем присутствии Наля она избрала супругом”.
5. Это узнав от Шакры, охвачен был гневом Кали;
Почтив небожителей, слово такое молвил:
6. “Предпочла человека богам, его избрала супругом!
За это тяжкая кара её справедливо постигнет!”
7. На такую речь Кали боги ему возразили:
“С нашего разрешения Дамаянти избрала Нишадхца.
8. Кто не выберет Наля, полного всяких достоинств?
Он знает прекрасно законы, сведущ во всех обрядах,
9. Знает четыре Веды*, все пять Акхьян читает,
В доме его постоянно боги вкушают святые жертвы;
10. Он невреждению* предан, праведен, держит обеты,
Разумен, щедр, терпелив, чист, правдив он и стоек.
11. Во всём этом крепок тигроподобный раджа;
Кали, кто проклинать пожелает богоподобного Наля,
12. Тот сам себя проклянёт, сам себя тот погубит*, безумный;
Наля, полного стольких достоинств, кто проклинать пожелает,
13. В самый мучительный ад попадёт, в болото, в глубь бездны!”
Двапаре и Кали так молвив, боги взошли на небо.
14. Только они удалились, сказал Двапаре Кали:
“Не могу сдержать гнева, в Наля вселюсь, Двапара;
15. Я его царство свергну, не будет наслаждаться с Бхайми!
Ты ж окажи мне помощь* — в кости вселись, Двапара!

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 57 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава VII

Брихадашва сказал:

1. Заключение такое условие с Двапарой, Кали
Прибыл туда, где жил повелитель нишадхцев.
2. Подстерегая случай, он пробыл долго в нишадхском царстве;
Только через двенадцать лет случай представился Кали:
3. Как-то, мочась, Наль обрызгал ноги, их не очистив*,
Стал читать мантры; пользуясь этим, Кали
4. В Наля проник и, проникнув, явился* к Пушкаре.
Так сказал он Пушкаре: “Поди-ка, сыгрой в кости с Налем!
5. В этой игре победишь, я буду тебе подмогой.
Обыграв царя Наля — нишадхское царство получишь”.
6. Выслушав Кали, Пушкара отправился к Налю;
Кали, “быком”* среди “коров” обернувшись, предался Пушкаре.
7. К витязю Налю придя, Пушкара, врагов губитель,
Брату стал говорить: “Быком сыграем!” — так повторял непрестанно.
8. Многомудрый Наль не хотел принять вызов,
Но в присутствии Видарбхийки решил, что время играть настало.
9. На золотые сокровища, утварь, колесницы, одежды
В игру вовлекал его Кали и Наль — проигрался...
10. От игры удержать друзьям не хватило силы
Обезумевшего Нишадхца, владыку народа.
11. Советники все, горожане пришли, Бхарата,
Царя посмотреть, уговорить больного*.
12. Тогда, придя к Дамаянти, так сообщил возникший:
“Ждут горожане, царица, у ворот собрались!
13. Оповестите Нишадхца, весь народ ожидает,
Беды для царя опасаясь, нарушенья закона”.
14. Тогда Бхайми*, голосом, сжатым слезами, мучимая горем,
Молвила Нишадхцу, с сердцем, подавленным скорбью:
15. “Царь, ждут горожане у двери, видеть тебя желают,
Все советники с ними; верность к тебе привела их, раджа,
Благоволи же принять их!” — так снова и снова она повторяла.
16. Ясно-лучистоокой на эти скорбные речи
Наль ничего не ответил: владел им Кали.

17. Собравшиеся советники, горожане решили:
“Это не он!” и со стыдом по домам разошлись в печали.

18. Пушкары и Наля такая игра, Юдхитхира,
Много месяцев длилась, пока всё проиграл Достохвальный.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 58 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава VIII

Брихадашва сказал:

1. Тогда Дамаянти, видя, что Достохвальный владыка народа,
Безумным не будучи, как безумный теряет в игре рассудок,
2. Поражённая страхом и горем, владыка,
Решила, что в великой заботе нуждается раджа;
3. О благе его радея и греха опасаясь,
Поняв, что Наль проиграл всё богатство, она сказала
4. Кормилице Брихатсене*, преславной своей служанке,
Спорой во всех делах, преданной, доброй, речистой:
5. “Иди, Брихатсена, созвав советников именем Наля,
Узнай, какие сокровища взяты и что нам осталось?”
6. Советники, повинувшись приказу Наля, сказали:
“Пусть наша участь решится!” и к Налю явились.
7. О вторичном приходе народа его
Известила дочь Бхимы, но он их не принял.
8. Видя, что муж её слову не внимлет,
Со стыдом Дамаянти в чертог свой вернулась;
9. И когда убедилась, что Пуньяшлоке кости совсем изменили,
Что Наль всех богатств лишился, опять она мамке сказала:
10. “Снова иди, Брихатсена, к Варшнее от имени Наля,
Возничего приведи, прекрасная, предстоит большое дело!”
11. А Брихатсена, выслушав Дамаянти,
Скорее позвать возничего расторопным людям велела.
12. Тогда Бхайми Варшнее голосом ласковым, нежным,
Учтя место и время, случая не упуская, сказала:
13. “Ты знаешь, как раджа всегда на тебя полагался,
Постигнутому бедою, благоволи придти на помощь!
14. Ведь чем больше его побеждает Пушкара,
Тем больше у раджи страсть к игре возрастает.
15. Падают кости Пушкары, как бы его повинувшись желанью,
А Нишадхцу — иначе всегда выпадают кости.
16. Увещаний друзей, знакомых не слушает он нисколько,
Да и моим словам, как безумный, не внимлет.
17. Верю, это не грех Нишадхца, великодушного раджи,
Что и моим увещаньям он не внимлет, потеряв рассудок.

18. К защите твоей прибегаю, исполни моё слово, возничий!
Коль сердце на облежится — наверно оно погибнет.
19. Быстрых как мысль, запряги Наля коней любимых,
Детей посадив обоих, благоволи отвезти их в Кундину!
20. Моим родным передай малюток, колесницу также
И лошадей, а сам — хочешь, там оставайся, хочешь — иди, куда знаешь”.
21. Эти слова Дамаянти, возничий Наля, Варшнея
Пересказал не медля главным советникам Наля.
22. Посовещавшись, он с их согласия, земли повелитель,
Взяв малюток, отправился на колеснице в Видарбху.
23. Отменную колесницу и детей там оставил возничий,
Девочку Индрасену и мальчика Индрасена.
24. Простясь с царём Бхимой, горя о Нале, раджа,
Ушёл оттуда и в город попал Айодхью.
25. Глубоко печальный, придя к царю Ритупарне,
Поступил возничим к нему на службу, о земли повелитель.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 59 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава IX

Брихадашва сказал:

1. После отъезда Варшнеи проиграл Достохвальный
Пушкаре всё своё царство, богатство.
2. Выиграв царство, Пушкара сказал, усмехаясь, Налю:
“Игра продолжается. Что ещё ты можешь поставить?”
3. У тебя осталась одна Дамаянти, всем остальным — я владею!
Ставишь в заклад Дамаянти? Ладно? Сыграем?”
4. Эти слова Пушкары как бы терзали скорбью
Пуньяшлоки сердце, но ничего не сказал он.
5. Тогда, в беспредельной печали, взглянув на Пушкару,
Многославленный сбросил все свои украшения.
6. В одной одежде, с головой непокрытой вышел раджа,
Утратив великое счастье, тяжело друзей опечалив.
7. Следом за ним Дамаянти пошла в одной одежде.
Вместе с женой три ночи без крова провёл Нишадхец.
8. Пушкара же, махараджа*, объявил горожанам:
“Кто сторону держит Наля — того я подвергну казни!”
9. Из-за угроз и злобы Пушкары, о Юдхиштхира,
Горожане не оказали Налю гостеприимства;
10. Не был принят достойный почтения ни в городе, ни в сёлах;
Раджа провёл три ночи, одной лишь водой существуя.
11. Измученный голодом, корни, плоды собирая,
Ушёл оттуда раджа в сопровождении Дамаянти.
12. Так много дней протекло. Наль однажды голодный,
Заметил стаю каких-то птиц в золотом опереньи.
13. Мощный владыка нишадхцев подумал:
“Будет сегодня мне пища, это большая находка!”
14. Исподней одеждой накрыл он пернатых,
Они ж, ухватив одежду, взвились на воздух.
15. Тогда, улетаая, птицы молвили Налю,
Видя его нагим, стоящим понуро в печали:
16. “Мы кости, безумный; отнять у тебя одежду
Сюда явились, жалея, что ты ушёл одетым!”
17. Видя, что кости исчезли, его нагим оставив,
Достохвальный раджа тогда сказал Дамаянти:

18. “О безупречная, чьей злобой я царства лишился,
Печальный, голодный не нахожу пропитанья,
19. Из-за чего мне в приюте отказали нишадхцы —
Те самые кости, в птиц обратившись, похитили даже мою одежду.
20. В крайнее бедствие впавший, печальный, лишённый рассудка,
Я всё же супруг твой, так слушай на благо себе моё слово:
21. Вот много идёт дорог по направлению к югу,
Они переходят хребты Рикшаванта, Аванти:
22. Здесь — огромный, скалистый Виндхья, а вон — стремящийся к морю Пайошни;
Там — пустыни великих ришей, обильные корнями, плодами.
23. Та — к видарбхийцам дорога; эта — ведёт в Кошальскую землю;
Там же, вдали, направо — полуденная область”.
24. Настойчиво царственный Наль это твердил Дамаянти,
Скорбный, он Бхайми так наставлял многократно, Бхарата.
25. Тогда, мучимая горем, она сказала сквозь слёзы,
Молвила Дамаянти Нишадхцу скорбное слово:
26. “Сердце моё трепещет и расслабляются члены,
Когда в твои мысли, владыка, вникаю я снова и снова;
27. Лишённого царства, богатства, в голоде, жажде, нагого,
В этом лесу безлюдном — как мне тебя покинуть?
28. Ты истощён, ты истерзан вспоминая бывшее счастье;
В ужасном лесу, махараджа, я облегчу твою муку.
29. Во всех несчастьях лучше жены нет лекарства,
Так врачи полагают; правду тебе я сказала”.

Наль сказал:

30. Ты говоришь справедливо, тонкостанная Дамаянти,
Лучше жены нет друга, для огорчённого мужа — лекарства.
31. И я не хочу тебя бросить, робкая, чего ж ты боишься?
Не тебя, безупречная, себя самого я б покинул!

Дамаянти сказала:

32. Если, владыка, ты не желаешь меня здесь покинуть,
Так зачем к видарбхийцам указывал мне дорогу?
33. Разумею, владыка, ты меня бросить не хочешь,
Лишь помрачённый безумьем ты бы меня оставил.
34. Дорогу настойчиво ты мне указывал, витязь преславный,
И этим моё страданье усугублял, богоравный,
35. “К родным пусть идёт!” Коль уж так порешил ты,
Тогда вместе пойдём в Видарбху, если тебе угодно.

36. Там, даятель наград, почитит тебя раджа Видарбхи;
В почёте, владыка, будешь жить в нашем доме счастливо.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 60 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава X

Наль сказал:

1. “Царство твоего отца как бы моё, без сомненья,
Но ни за что не пойду я туда, находясь в тяжком горе.
2. Как, туда придя счастливым, радость тебе несущим,
Явлюсь обездоленным, горе тебе причинившим?”
3. Такими речами царственный Наль прекрасную Дамаянти,
Половиной одежды покрытую, успокоить снова и снова старался.
4. Покрытые одной одеждой, туда и сюда блуждая,
Голодом, жаждой томимы, они прибрели к какой-то лачуге.
5. Войдя в эту хижину, Наль, владыка нишадхцев,
С Видарбхийкой вместе опустился на землю, раджа.
6. Без подстилки, нагой, не совершив омовений, пыльный,
Измученный он на земле задремал с Дамаянти рядом.
7. Прекрасная Дамаянти быстро в сон погрузилась,
Угнетённая горем, нежная, стойко несущая подвиг.
8. Пока Дамаянти спала, Наль, о владыка народов,
Сердцем и мыслью отдавшись горю, не мог заснуть, как супруга.
9. Утрату царства, со всеми друзьями разлуку,
Блужданье в лесу вспоминая, так размышлял он:
10. “Что должен я делать и чего мне не следует делать?
Что предпочесть мне — гибель или с людьми разлуку?”
11. Вот она, такая мне верная, из-за меня страдает;
А без меня, конечно, как-нибудь к родным вернётся.
12. Близ меня, несомненно, верная только горе увидит;
Опасно её покинуть, но быть может ей встретится счастье?”
13. Так он обдумывал долго, взвешивал снова и снова,
И предпочёл с Дамаянти разлуку владыка народа.
14. “В силу такой красоты её никто не обидит в дороге,
Причастную великой доле, славную, верную мне супругу”.
15. И всё Дамаянти у него была в мыслях;
По наущенью коварного Кали, он Дамаянти задумал покинуть.
16. Вспомнив о своей наготе и что у неё лишь одна одежда,
Раджа решил пополам эту одежду разрезать.
17. “Как разделить мне одежду, не разбудив моей милой?”
Царственный Наль, озабоченный этим из хижины вышел.

18. Блуждая туда и сюда он увидел, Бхарата,
Прекрасный меч без ножен, лежащий возле лачуги.
19. Им половину одежды отрезав, покрылся могучий,
И спящую Видарбхийку покинув, убежал, безумный.
20. Но с замиранием сердца снова к лачуге вернулся,
На Дамаянти взглянул и зарыдал царь нишадхцев:
21. “Раньше ни солнце, ни ветер милой моей не видали,
Ныне ж в лачуге, долу спит без защитника-мужа!
22. Заметив, что одежда унесена, ясная, придя в изумленье,
Широкобёдрая, как безумствовать будет проснувшись!
23. Как без меня одинокая, прекрасная Бхайми
Станет скитаться в ужасном лесу, полном хищников, гадов?
24. Адитьи*, Васу*, Рудры*, Ашвины, сонмы Марутов*,
О, превосходная, да будут тебе защитой; да осенит тебя Дхарма*!”
25. Это сказав любимой, на земле распростёртой, несравненной супруге,
Наль удалился поспешно, помутил его разум Кали.
26. Царственный Наль уходил, возвращался к хижине снова и снова,
Но, увлекаемый Кали, он отрывался от дружбы*.
27. В скорби тогда у него как бы раздвоилось сердце;
То уходил он в смятении, то возвращался к лачуге.
28. Но увлекаемый Кали, Наль убежал, безумный,
С жалобным, тяжким стоном, спящую бросив супругу.
29. Прикосновением Кали он был испорчен; о том, о сём размышляя,
Брёл опечаленный раджа, одну, в пустынном лесу Дамаянти покинув.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 61 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XI

Брихадашва сказал:

1. Наль убежал, о раджа: отдохнув, широкобёдрая Дамаянти
Проснулась в страхе среди безлюдного леса.
2. Не видя мужа, потрясённая горем, тревогой томима,
В ужасе громко взывала к Нишадхцу: “Великий раджа!
3. О, покровитель! Великий царь, владыка, увы, почто меня бросил?
Увы, я убита, погибла, объята страхом в безлюдной пуще!
4. Разве, великий раджа, ты не знаток закона правдивый?
Как же сказав: “Воистину так!” меня спящую бросил и скрылся?
5. Как покинув супругу, невинную, верную ты удалился?
Избрав неврежденье, как же ты вред наносишь?
6. Оправдай* своё слово, данное мне, царь народа,
Некогда перед богами, владыками вселенной!
7. Смертный час не установлен ли смертным, раджа?
Почто ж твоя милая в разлуке с тобой живёт мгновенье?
8. Довольно таких шуток, витязь могучий!
Я в чрезвычайном страхе, тяжко скорблю, явись, владыка!
9. Ты выглянул, выглянул, раджа, здесь ты мелькнул, Нишадхец!
Ты за кустами укрылся! Что же мне не ответишь?
10. Увы, ты злодей, владыка! Почему не приходишь
К блуждающей, скорбно зовущей, почему её не утетишь?
11. Впрочем, себя мне не жалко, не жаль ничего другого,
Но как же ты будешь один? Поистине, царь, о тебе лишь горюю!
12. Как же ты, раджа, усталостью, жаждой томимый,
В вечеру на древесных корнях без меня заночуешь?”
13. Тяжко терзаясь печалью, как бы палимая горем,
Несчастливая, плача, туда и сюда металась.
14. То поднималась юница, то падала в изнеможеньи,
То изнывала от страха, то плакала и голосила.
15. Предельной скорбью томима, тяжко вздыхая в печали,
Верная мужу Бхайми со стоном тогда сказала:
16. “Пусть нашу тяжкую долю превзойдёт того горе,
Чьим проклятьем постигла эта скорбь тебя, Нишадхец!
17. Незлободушного злобным кто сделал Наля,
В злейшее пусть впадёт, радости жизни не видит!”

18. Так причитая, великодушного Наля супруга,
В полном зверями лесу искала мужа.
19. Как обезумев, дочь Бхимы снова и снова вопила:
“Раджа, увы мне, увы!”, снова туда и сюда металась.
20. Так безудержно рыдала, как чайка стонала,
Жалобно горевала и без конца причитала.
21. И не заметила Бхайми, как подошла она к змею:
Огромный удав, коз душитель, схватил её голодный.
22. Она, обвитая змеем, заливаясь слезами,
Не так за себя страдала, как о Нишадхце скорбела:
23. “О защитник, здесь, в безлюдье, к захваченной змеем,
Будто защитника мужа лишённой, почему ко мне не спешишь ты?”
24. Что с тобой будет, когда снова вспомнишь меня, Нишадхец,
Освободясь от проклятья, рассудок вернув и богатства?
25. Усталого и голодного, измученного, Нишадхец,
Кто тебя облегчит, владыка, кто утолит страданье твоё, безупречный?”
26. В ту пору зверолов какой-то бродил в лесных дебрях;
Он, услышав её крики, прибежал поспешно.
27. Заметив длинноокою, обвитую змеем,
Зверолов торопился, приблизился скоро,
28. Острым оружием мгновенно разрубил он змея;
Живущим ловитвой убитый гад тиски расслабил.
29. Освободив Дамаянти, зверолов омыл её водою,
Утешил, дал пищу, тогда спрашивать стал, Бхарата.
30. “Чья ты, с глазами лани? В лес почему попала?
Как же с тобой, госпожа, приключилось это великое горе?”
31. Вопрошённая им Дамаянти, владыка народов,
Всё происшедшее с ней рассказала, Бхарата.
32. Полунагой любуясь, с упругими бёдрами, грудью,
С нежными членами, полной луне подобной ликом,
33. Со взором ресницами скрытым, говорящей сладко,
Бурным желаньем зверолов был охвачен.
34. Поражённый любовью, голосом страстным охотник
Её уговаривать начал; всё поняла Дамаянти.
35. Злое намеренье чуя, верная мужу супруга,
Воспламенилась гневом, негодованьем горела.
36. А злоумышленник низкий, посягнуть не смея,
Только смотрел поражённый на её гневное пламя.
37. Дамаянти в несчастье, лишённая царства, супруга,
Видя, что время настало, прокляла его, полная гнева.

38. “Как ни о ком я не мыслю, помимо Нишадхца,
Так да падёт бездыханным зверолов презренный!”

39. Произнесла только слово — упал живущий ловитвой
Бездыханным на землю, как поражённый громом!

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 62 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XII

Брихадашва сказал:

1. Так, убив зверолова, лотосоокая дальше
Пошла ужасным, пустынным, цикадами озвученным лесом.
2. В нём львы, леопарды, олени, буйволы, тигры, медведи,
Разные птицы кишели, дикари-разбойники жили.
3. Произрастали там шола, бамбук, ашваттха, арджуна, аришта,
Дхава-кустарник, хлопковое дерево, манго;
4. Тростника были заросли, джамбу, катеху;
Лотосы разного цвета произрастали в озёрах.
5. Фикусов было много, рос там колючий терновник,
“Бесстрашное дерево”, финик, винные пальмы*.
6. Обильно разные руды в горах залегали;
Заросли крик оглашал; чудные видом пещеры встречались.
7. Были там реки, озёра, разные звери и птицы;
Видала она ужасных ракшасов*, упырей, змиев,
8. Болотца, затоны, скалистые горы —
С них ручьи, водопады красиво сбегали.
9. Там дочь видарбхийского раджи встречала
Множество гадов лесных, буйволов, вепрей, медведей.
10. Блеск, красоту и счастье, высшую стойкость
Видарбхийка являла, в поисках Няля одиноко блуждая.
11. И ничего не боялась царская дочь Дамаянти,
В страшном лесу пробираясь, несчастьем мужа тяжело томилась.
12. Раз Видарбхийка, раджа, силы теряя от скорби по мужу,
На плоскогорье взобралась, в слезах причитая:
13. “Широкогрудый правитель нишадхцев, мощный,
Почто ушёл ты, раджа, меня в безлюдном лесу покинув?
14. Ты совершил ашвамедху, другие жертвы, дары приносил ты,
Почто ж, правитель народа, несправедлив ты со мною?
15. Что ты сказал, лучезарный витязь, в час нашей встречи,
Вспомнить изволь, прекрасный, слово твоё, владыка!
16. Речи пернатых фламинго, к тебе обращённые, раджа,
То, что сказал ты увидев меня — благоволи припомнить!
17. Четверичная Веда, все её добавленья — едины,
Правильны, мощный владыка; от одного исходящая правда — одина!

18. Благоволи же, врагов крушитель, исполнить правду, владыка народа,
Тобой мне данную некогда клятву!
19. Витязь, я ль не твоя желанная, о безупречный!
В этом лесу ужасном, что же ты мне не ответишь?
20. Здесь меня съест подобный Рудре*, широкозевный, ужасный
Раджа лесов голодный, почто же меня спасать не желаешь?
21. “Кроме тебя мне не мила ни одна!” — всегда говорил ты,
Так утверди же, прекрасный, прежнюю речь твою, раджа.
22. Обезумевшей, скорбной, любимой супруге, владыка,
Желанный желанной, защитник, почему не ответишь?
23. Истощена я, бледна и несчастна, тоскую, владыка;
Лишь половиной одежды покрыта, одна, без защитника мужа!
24. Одинокую лань, что от стада отбилась, широкоокий
Ариец*, что же меня не почтишь ты? Я плачу, врагов сокрушитель.
25. О махараджа, одна-одинёшенька в дебрях лесных блуждаю!
Дамаянти к тебе взывает! Отчего же ты мне не ответишь?
26. Доброго рода потомок, всем телом чарующий взоры,
Не тебя ль я сегодня заметила на той горе, могучий витязь?
27. В этом ужасном лесу, тиграми, львами полном,
Вижу — то ляжешь, то сядешь, то встанешь ты, раджа нишадхцев;
28. То будто идёшь ты, прекрасный, скорби моей возраститель;
Кого же спросить мне, из-за тебя терзаясь горем:
29. “Ты не встречал ли случайно в этом лесу раджу Наля?”
Кто же сегодня в этом лесу царя мне укажет,
30. Прекрасного, великодушного, врагов победителя, раджу:
“Здесь он, лотосоокий владыка Наль, которого ищешь!”
31. Чей так говорящий, пленительный голос услышу сегодня?
Царь лесов, здесь живущий, четырёхклычный, счастливый
32. Тигр сюда путь направляет, к нему обращусь без боязни:
Ты всех зверей владыка, ты в этих дебрях хозяин;
33. Имя моё — Дамаянти, я дочь видарбхийского раджи,
Жена владыки нишадхцев, врагов сокрушителя, Наля.
34. Знай, супруга ищу, одинокая, скорбная, терзаюсь горем.
Утешь, владыка зверей, скажи — не видал ли ты Наля?
35. Если ж, царь леса, указать мне Наля не можешь,
Пожри меня, лучший из тигров, освободи от горя!
36. Выслушал в дебрях мои причитанья тот владыка леса
И пошёл к чистым водам потока, бегущего к морю...
37. Спрошу святую гору, что много вершин воздвигла,
Многоцветных блестящих, стремящихся в небо, восхищающих сердце,

38. Полную разных руд, всю в самоцветах;
Как стяг она высится в этом лесу огромном;
39. Живут на ней львы, тигры, слоны, медведи, вепри, серны,
Разнообразные птицы криком её оглашают;
40. Пальмы, ашока*, мускатник склоны её покрывают,
Много цветов превосходных всюду её украшают;
41. Быстро текут её реки, неисчислимы скалы,
Горный владыка, ныне тебя вопрошаю о Нале.
42. Из гор ты наилучший, дивен обличьем и славен,
Ты благороден, прекрасен — да будет тебе поклоненье!
43. К тебе на поклон прихожу: знай — я царица,
Раджи сноха, жена раджи, зовусь Дамаянти.
44. Мой отец видрабхийцев владыка, могучий раджа,
По имени Бхима, хранитель земли, четырёх каст покровитель.
45. “Выжимание сомы” и “Приношение коня” совершил он, щедрый податель,
Прекрасноокий, жертв приноситель, наилучший из раджей,
46. Правдивый, безропотный, набожный и безупречный,
Праведный, многосчастливый, отважный, чистый,
47. Он пастырь всех видрабхийцев, врагов победитель мощный,
Я его дочь, властелин, к тебе пришла сегодня.
48. Мой свекор — раджа нишадхцев, меж людей наилучший,
Вирасены преславное имя носивший.
49. Счастливый сын того раджи, чтимый, воистину мощный,
Отца своего наследник, ныне правящий царством,
50. Налем зовётся чёрный*, врагов крушитель, прозванный Достохвальным;
Благочестив он, знает Веды, красноречив, чтит огонь и пьёт сому.
51. Жертвы творит, даятель, воитель, он управляет всеми;
Владыка гор, знай, его подруга, сюда я пришла,
52. Утратив счастье, без покровителя, разлучённая с мужем,
Угнетённая горем, в поисках мужа, преславного раджи.
53. Сотни твоих вершин, владыка гор, ты возносишь к небу;
С высот не видал ли ты витязя Наля в ужасных дебрях?
54. Отважный, как слонов повелитель*, долгорукий, могучий, необорный, мудрый,
Знаменитый, правдивый раджа, преславный супруг мой;
55. Он великий властитель нишадхцев, ты здесь его не заметил, Наля?
Что же меня, смятенную и одинокую, гор повелитель,
56. Как свою скорбную дочь, ты словом теперь не утетишь?
Витязь могучий, правдивый, блюститель закона, великий владыка,
57. Если ты в этом лесу — яви себя, раджа!
Когда же ласковый голос, громopodobный, глубокий,

58. Амритоподобный* Нишадхца услышу и зов: “Видарбхийка!”
Прекрасную речь великодушного раджи,
59. Целящую горе моё, сходную с гимном священным?
Утешь меня робкую, царь мой, преданный долгу властитель!”
60. Лучшей из гор молвив такое слово,
Милая царская дочь Дамаянти путь продолжала на север.
61. Три дня и три ночи тонкостанная шла и увидала
Превосходный лес, обитель отшельников, райскую пущу.
62. Отшельники* жили здесь, подобные Атри, Васиштхе, Бхригу*;
Многостигшие сдержаны были, кротки, умерены, чисты,
63. Листьями только питались, воду вкушали и воздух;
Высшей доле причастны, чувства смиряя, путь к небесам искали.
64. Муни*, укротившие чувства, в шкуры, рогожи были одеты.
Увидала святых отшельников, отрадную, тенистую рощу;
65. Здесь стада обезьян*, разные звери водились,
Подвижники сюда заходили, это увидев, она вздохнула свободно.
66. Шла красотой сияя: волосы, брови, груди, бёдра,
Зубы, прекрасные длинные очи — всё совершенно в ней было.
67. В лесную обитель вошла любимая дочь Вирасены,
Жемчужина женщин, причастная доле великой, благочестивая Дамаянти.
68. Земным поклоном приветствовав старцев, остановилась, склонясь смиренно:
“Мир тебе”, — ей отвечали все отшельники-риши.
69. Почтив приветом, как должно — “Просим садиться!” — сказали;
“Скажи нам, что мы для тебя можем сделать?”*
70. Широкобёдрая их спросила — “Благополучны ли здесь вы
В подвигах, огнях, обрядах, безупречные, в зверях и птицах?
71. Преуспеваете ль, причастные великой доле, в трудах и дхарме?
Они отвечали: “Преславная, во всём мы, благая, счастливы.
72. Скажи, безупречно красивая, кто ты, что намерена делать?
Здесь увидев твою величайшую прелесть, твой блеск несравненный,
73. Мы пришли в изумленье. Отдохни, не печалься!
Богиня ль ты этого леса, иль той горы, быть может?
74. Иль этой реки, почтенная? О безупречная, скажи нам правду!”
Она отвечала ришам: “Я не богиня ни этого леса,
75. Ни той горы, брамины, я не речная богиня;
Святые подвижники, знайте, я рода людского.
76. Всё расскажу вам подробно, моему слову внимайте!
Защитник земли видрабхийской зовётся царь Бхима;
77. Знайте, я его дочь, лучшие из браминов.
Многославный владыка нишадхцев, мудрый, зовётся Налем;

78. Витязь, в боях победитель, владыка страны — супруг мой;
Усердный богов почитатель, друг браминов,
79. Нишадхского племени пастырь, многосильный, светлый,
Правдивый, знаток закона, разумный, держащий слово, врагов победитель,
80. Благочестивый, покорный богам, почтенный, твердынь сокрушитель
Наль, из царей наилучший, блеском владыке богов подобный,
81. Мой супруг большеокий, луноликий, прекрасный,
Превзошедший Веды с их дополнением*, щедро жрецов дарящий,
82. Соперников в битве разящий, солнцу-луне подобный сиянием.
Злые, презренные люди, лихие его супостаты,
83. Раджу, хранителя правды, играть затащили в кости,
Несчастной игрой, обманом царства, богатства лишили;
84. Я жена его, знайте, первого между царями,
Имя моё Дамаянти, супруга я жажду видеть.
85. Горы, леса, озёра, реки и даже болота,
Пущи я все исходила, повсюду, скорбя, искала
86. Моего супруга победоносного, достохвального Наля,
Великодушного, искуснооружного, славного в битве.
87. Не приходил ли в обитель, в вашу священную рощу
Наль повелитель, раджа, правитель нишадхцев?
88. Из-за него я прошла этот лес бездорожный, ужасный,
Страшные дебри, жилище опасное тигров и всякого хищного зверя.
89. Если ещё несколько суток не увижу владыку Наля,
Я себе счастье добуду, освободясь от этого тела.
90. Какая цель в жизни ещё у меня без него, без мощного тура?
Как теперь буду я жить, мучимая горем без мужа?”
91. Скорбящей, в лесу одинокой дочери Бхимы,
Отшельники, зрящие правду, молвили так Дамаянти:
92. “Прекрасная, светлое счастье скоро тебя ожидает;
Подвигов силой мы видим, вскоре ты встретишь Нишадхца,
93. Врагов победителя, Бхайми, нишадхцев великого раджу,
Наля, блюстителя правды, благого, преодолевшего беды;
94. Ото всех зол свободный, вернёт он богатства,
Покорив супостатов, возвратится городом править,
95. Врагов трепетать заставит, горе друзей развеет.
Таким ты увидишь мужа, прекрасная, славного родом владыку”.
96. Это сказав царевне, желанной супруге Наля,
Исчезли пустынные, с ними — обитель, огни, приношенья.
97. Увидев великое чудо, пришла в изумленье
Безупречно красивая Дамаянти, сноха царя Вирасены.

98. “Что это? Сон я видала? Что здесь со мной случилось?
Где же отшельники? Мирная эта обитель?
99. Где чистые воды? Где река, привлекавшая птицу?
Где звери? Где приятные деревья, украшенные цветами, плодами?”
100. Долго так размышляла дочь Бхимы, прекрасная Дамаянти,
Печальная, бледная, скорбью о муже томясь непрестанно.
101. Пошла она в земли иные; от слёз её голос срывался;
Заливаясь слезами, там увидела ашоку;
102. Дерево счастья, ашока, расцветало в пуще:
Густоветвистое, сердцу приятное, птиц оглашённое пеньем.
103. К нему подошла Дамаянти: “Увы мне, дерево счастья,
Как повелитель гор счастливое, в пуще ты многими блещешь цветами,
104. Скоро печаль утоли, приятная видом ашока!
Свободная от печали, бесстрашного не видала ль ты раджу,
105. По имени Налъ, врагов покорителя, Дамаянти любимого мужа?
Великого раджу нишадхцев? Любимого ты не видала?
106. Одной половиной одежды закрывает нежную кожу,
Постигнутый горем витязь, скитаясь в этих дебрях.
107. Дай мне уйти без горя, дерево счастья, так сделай!
Оправдай своё имя, ашока, утоли моё горе!”
108. И обойдя печально вокруг дерева счастья, Бхайми
Дальше пошла, прекрасная, в более страшные страны.
109. Видала много деревьев, много чудесных потоков,
Много отрадных гор, много зверей и пернатых.
110. Также пещеры, долины, ущелья, реки
Дочь Бхимы видала, в поисках мужа блуждая.
111. Долгий путь совершив, ясноулыбная Дамаянти
Караван повстречала: шли слоны, колесницы, кони.
112. Переходил он широкую реку, с приятной и чистой водою.
Тихую, полноводную, обрамлённую камышами;
113. Чайки, кулики, гуси её оглашали,
Водилось в ней множество рыб, черепах, крокодилов.
114. Увидев большой караван, славная подруга Наля
Вышла, краснобёдрая, в толпу людей вступила.
115. Половиной одежды покрытая, с безумным видом, худая,
Скорбная, бледная, грязная, с запыленными волосами.
116. Люди её заметив — те убежали с испуга,
Эти стояли в раздумьи, восклицали другие,
117. Иные над ней насмехались, кое-какие бранили,
Кто же, явив милосердье, спрашивать стал, Бхарата:

118. “Кто ты, прекрасная, чья ты, что ты в лесу искала?
Здесь тебя видя, пришли мы в смущенье — людского ль ты рода?
119. Правду скажи, ты богиня леса, горы или поля?
Или воды, прекрасная? О твоём покровительстве просим!
120. Может быть ра́кшаси, якши или бога супруга?
Кто бы ты ни была, дай нам удачу, защити нас, благая!
121. Всячески нас охрани, дозвожь нам отсюда выбратсья скоро.
Сделай так, добрая, чтобы мы счастливы были!”
122. Выслушав караванщиков, царская дочь Дамаянти,
Праведная, отвечала, скорбя о несчастьи мужа,
123. Водителю каравана и обступившим людям,
Юношам, старцам, детям и начальникам каравана:
124. “Знайте, я рода людского, дочь людского раджи,
Супруга царя, сноха раджи, мужа желаю встретить.
125. Царь видарбхийцев — отец мой; муж — повелитель нишадхцев;
Непобедимого всюду ищущу, зовут его Наль многославный.
126. Если тот царь вам известен — скорей любимого мне укажите,
Тигроподобного, толпы людей крушащего Наля!”
127. Ей, прекрасносложённой, глава каравана ответил,
Каравановодитель Шучи*: “Слову, хорошая, внимли:
128. Ясноулыбная, ведай, я купец, каравана водитель;
Человека по имени Наль не видал я, славная;
129. Буйволов, тигров, слонов, леопардов, медведей,
Всяких зверей видал в безлюдных дебрях,
130. Но смертного человека, кроме тебя, не встречал в этом лесу огромном.
Пусть Манибхадра, владыка якшей, благосклонен к нам будет*!”
131. Тогда водителя каравана и всех купцов спросила:
“Куда же идёт караван? — Благоволите сказать мне”.

Каравановодитель сказал:

132. “О, дочь человека, в землю чедийского раджи Субаху,
Истину зрящего, караван наш спешит для торговли”.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 63 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XIII

Брихадашва сказал:

1. Прекраснобёдрая, выслушав речь главы каравана,
Пошла с караваном, желая встретить супруга.
2. Странствуя долгое время в огромном лесу ужасном,
Большое, прекрасное озеро купцы увидали;
3. Благоухал там лотос, вокруг деревья, травы,
Много цветов и плодов там было, разнообразные птицы гнездились;
4. Сладки, чисты воды его, сердце пленяют прохладой;
Здесь расположиться решили; упряжный скот вконец истомился.
5. Войти в превосходный лес им каравановодитель позволил.
На западном берегу озера расположась, заночевал караван огромный.
6. И вот, в полуночное время, к истомлённому каравану,
Спящему в тишине и прохладе, слоны подошли целым стадом,
7. К горной реке направляясь пить воду, пьяные в течке весенней
Они караван увидали и ручных слонов каравана,
8. Тогда лесные слоны, домашних слонов заметив,
Крайне взбешённые, стремительно бросились, чтоб их уничтожить!
9. Бег диких слонов удержать так было трудно,
Как лавину, стремящуюся в пропасть с горной вершины.
10. Но мчавшимся слонам дорогу преградили деревья леса;
На спящий караван и прекрасное озеро, свернув с дороги,
11. Стадо по ровному месту беспрепятственно устремилось:
“Увы нам, увы!” — люди вопили, ища спасенья.
12. Многие в заросли леса бросались, полуслепые спросонья,
Многих слоны затоптали, хоботами, клыками убили;
13. Много погибло верблюдов, люди и звери смешались,
Убивали друг друга, в страхе спасаясь бегством.
14. Испуская ужасные крики, падали на ровном месте,
На деревья взбирались, цеплялись, валились в ямы.
15. Многообразно свой жребий они от слонов получили;
Весь караван богатый был уничтожен, раджа!
16. Раздался ужасный вопль, страх в трёх мирах вызывая:
“Вон вспыхнул опасный огонь! Спасайся, беги отсюда!”

17. “Рассыпана здесь драгоценностей куча, что ж вы бежите, хватайте!
Общее это добро, верное слово сказал я!”
18. “Ещё раз повторяю, сами, глупцы, рассудите!”
Так восклицая различно, в страхе все разбегались.
19. Дамаянти проснулась в испуге, с трепещущим сердцем,
Когда погибли те люди,
20. И увидела побоище, на весь мир наводящее ужас.
Невиданное раньше увидев, лотосоокая юница,
21. В ужасе закрыв лицо, вскочила, затаив дыхание.
Те же из каравана, кому удалось спастись случайно,
22. Рассуждали собравшись: “Чьих рук это дело?
Иль многославного Манибхадру мы не почтили,
23. Царя досточтимого якшей, Вайшравана* владыку?
Или обряд был прерван, иль совершён неумело?”
24. Птицы ль накликали горе со стороны зловещей?
Недобрые ль звёзды? Иль что другое случилось?”
25. Иные же так говорили, утратив родных, богатства:
“Женщины с видом безумным, что в наш караван недавно,
26. Странная, в облике нечеловечьем, явилась,
Её это дело, конечно, такое ужасное наваждение!
27. Верно она ракшаси, иль якши, иль наводящая ужас пишачи;
Всё это зло — от неё, в том нет никакого сомненья*.
28. Если увидим злодейку, сгубившую караван, принесшую множество бедствий,
Камнями, комьями, стрелами, кулаками, палками
29. Доканаем насмерть каравано-убийцу”.
Дамаянти, услышав их грозные, страшные речи,
30. Стыдясь, трепеща, ужасаясь, в лесу поспешно скрылась;
Опасаясь такого греха, о себе сокрушалась;
31. “Горе, к судьбе моей тяжкой ещё этот грех ужасный, великий!
Счастье, увы, скоротечно. Плод каких дел это горе?”
32. Не вспоминаю, чтобы даже ничтожный проступок я совершила
Делом, помыслом, словом; так плод каких дел это горе?
33. Видно пал на меня тяжкий грех, в прежних рожденьях* свершённей;
Предела скорби, несчастья теперь я достигла:
34. Утраты супругом царства, родных утраты,
Разъединения с мужем, с дочерью, сыном разлуки,
35. Жизни в лесу, полном зверей, без защитника-мужа”.
Дождавшись утра, избегшие гибели люди,
36. С этого места снялись, скорбя о насильственной смерти
Братьев, отцов и друзей, повелитель народа.

37. Горевала тогда Видарбхийка: “Какой я грех совершила,
Что это людское море меня в пустынном лесу настигло?
38. Убийство, что слоны совершили, моя несчастная доля!*
Верно ещё предстоит мне долгое, долгое горе.
39. “Каждый в свой срок умирает”, — так поучают старцы,
Вот отчего я сегодня, горькая, стадом слонов не убита.
40. Но здесь без рока с людьми ничего не бывает;
Однако я с детства не совершила проступка
41. Ни делом, ни мыслью, ни словом, чтоб это горе вызвать;
Думаю, на мой выбор пришедшие боги, хранители мира,
42. Что были отвергнуты мной ради Наля,
Своей властью, конечно, меня подвергли разлуке”.
43. Так снова, отдавшись горю, стройная причитала;
Скорбела тогда Дамаянти, верная мужу супруга.
44. С уцелевшими от гибели браминами, Вед чтецами,
Она пошла, осенней луне подобна*, тигр среди раджей;
45. Большого города вскоре, под вечер, достигла юница,
(Царства) чедийского раджи, зрящего правду Субаху.
46. Половиной одежды покрытая, вошла в прекрасный город:
Худая, простоволосая, робко-печальная, не совершив омовений.
47. Как на безумную на неё горожане смотрели,
Когда она шла через город, столицу чедийского царства;
48. За ней с любопытством бежали мальчишки, крестьянские дети,
Окружённая ими она близ дворца проходила.
49. Мать раджи, с кровли дворца её в толпе заметив,
Кормилице сказала: “Ступай, девушку ту приведи мне,
50. Сильно теснят её люди, она покровительства ищет;
Такая красавица, вижу, моё озарит жилище!
51. Она, как длинноокая Шри, прекрасна, хоть и одета безумной”.
Мамка людей растолкала, под дворцовую кровлю
52. Привела Дамаянти; удивлённо мать раджи спросила:
“Ты красоту сохранила, хоть и постигнута горем;
53. Подобная молнии в тучах, кто ты и чья — расскажи мне.
Твоя красота не людская, хоть лишена ты нарядов.
54. Без спутников, богоподобная, как ты людей не боишься?”
Выслушав эти вопросы, слово ей молвила Бхайми:
55. “Знай, я людского рода, верная мужу супруга,
Знатной семьи, но по своей воле — служанка;
56. Корнями, плодами питаюсь, где вечер застанет, одиноко ночью.
Нет счёта достоинствам мужа, он предан мне верно;

57. Этого витязя что, как тень за ним следую всюду;
Но жребий его таков: к игре в кости чрезмерно пристрастен.
58. Победённый в игре, один, он в лес удалился,
Как безумный, смятённый, только в одной одежде.
59. Вслед за ним в лес я пошла, желая утешить супруга;
Однажды в лесу, по некой причине, витязь,
60. Мучимый голодом, безрассудно последнюю одежду бросил.
За обуянным горем, как бы совсем безумным,
61. Следуя, много ночей я тогда не спала;
Раз, долгое время спустя, когда я заснула,
62. Без вины он меня покинул, половину одежды отрезав.
В поисках моего мужа я день и ночь горюю,
63. Не видя прекрасного лотоса, милого сердцу друга;
Любимого не нахожу, богоподобного, владыку жизни*!”
64. Так, с полными слёз глазами, много она причитала.
Опечаленной Бхайми мать раджи сказала, сама тоскуя:
65. “Живи у меня, хорошая, очень ты мне приглянулась;
Мои люди будут искать твоего супруга, благая.
66. Может быть он сам придёт к нам, то здесь, то там блуждая;
Так живи здесь, благая, супруг твой к тебе вернётся”.
67. Вняв слову матери раджи Дамаянти сказала:
“О витязей мать, только с таким условием могу у тебя остаться;
68. Есть не буду обедков*, ног умывать не буду,
Посторонним мужчинам я не скажу ни слова.
69. Если ж меня добиваться станет какой мужчина — да будет наказан,
Предай дерзновенного смерти: обет я такой положила.
70. Однако, ради поисков мужа, с браминами видеться буду;
Если всё это исполнишь, конечно, я здесь останусь;
71. Себе другого жилища я не наметила в мыслях”.
Радуясь сердцем, мать раджи ей отвечала:
72. “Выполню всё, в добрый час пусть твой обет утвердится!”
О владыка народов, так обещав Дамаянти, мать раджи
73. Сунанде*, своей дочери сказала, Бхарата:
“Божественно прекрасную прими служанку, Сунанда,
74. Она тебе ровесница, пусть будет твоей подругой!
Беспечно всегда с ней вместе ты забавляться будешь”.
75. Полная радости Сунанда направилась тогда в покои,
Окружённая подругами, увела Дамаянти.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 64 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XIV

Брихадашва сказал:

1. Раджа Наль, Дамаянти покинув, владыка народа,
Увидел в лесной чаще пламя большого пожара.
2. Чей-то крик услышал, из пламени он раздавался:
“Приди, Наль Достохвальный”, — зывал кто-то громко и часто, —
3. “Не бойся!” Наль вошёл в пламя, направлясь на голос,
И там повелителя* змиев увидел, лежал тот кольцом свернувшись.
4. Умоляя, змий трепетно Налю молвил:
“Я змий Каркотака*, царь нагов, знай это, раджа!
5. Обманул я риши Нараду, он же, великий подвижник,
Проклял меня в сильном гневе, о людей повелитель*!
6. «Стой, как гора неподвижно, пока Наль когда-либо
Вынесет тебя отсюда, тогда разрешится проклятье».
7. По его слову я не могу ни шагу ступить ногою;
Ждал я тебя, превосходный, спаси меня, владыка!
8. Другом тебе я буду, нет мне подобного змия!
Лёгким тебе покажусь, взяв, уходи поспешно”.
9. Это промолвив, царь нагов стал мерою в палец*;
Наль, подняв его, из области пламени вышел.
10. Выйдя на воздух, в то место, где свирепствовал пламень,
Он положить хотел змия, но Каркотака вновь молвил:
11. “Дальше иди, считая шаги, Нишадхец,
Там я тебе окажу, многомогущный, величайшее благо!”
12. Начал считать тогда Наль и на десятом шаге*
Змий его укусил — изменился мгновенно облик Нишадхца.
13. Наль с удивленьем смотрел на своё превращенье,
Змий же вновь принял собственный облик, раджа.
14. Тогда наг Каркотака сказал, утешая Наля:
“Я изменил твою форму мысля: тебя не узнают люди;
15. А кто причинил тебе, Наль, столь великое горе,
В тебе будет жить, моим ядом мучимый.
16. В его тело проникла отрава, и пока он тебя не отпустит,
До тех пор, махараджа, он в тебе будет жить, страдая.
17. Ты без вины им поражён, незаслуженно, раджа,
Его предал я гневу, а тебя оградил, властитель!

18. По моей милости, витязь, не будут тебе опасны
Проклятья браминов, клыки, супостаты.
19. Яд мой тебе не причинит мучений, владыка народа.
И в битвах, царей властитель, всегда побеждать ты будешь.
20. Иди отсюда, витязь, к царю Ритупарне*; он мастер
В кости играть. Скажись: “Я Вахука*, возникий”;
21. В приятный город Айодхью отправляйся, владыка нишадхцев;
Знание костей, за лошадей познание даст тебе раджа.
22. Он, счастливый, из рода Икшваку* (тебе) будет другом.
Став знатоком костей, благополучно одержишь победу;
23. Встретишься вновь ты с женой, не предавайся печали,
Царство, обоих детей получишь; всё, что сказал я — правда!
24. Когда же захочешь вернуть себе собственный образ,
Эту одежду накинув, вспомни меня, отважный,
25. Покрытый этой одеждой, свой образ опять ты примешь”.
Так молвив, змий превосходные одежды* дал Нишадхцу.
26. Наставив его, снабдив одеждой, раджа,
Исчез властитель нагов, о радость Куру.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 65 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XV

Брихадашва сказал:

1. Когда змий исчез, направился Наль, Нишадхец,
В княжество Ритупарны и пришёл туда на десятые сутки.
2. Являсь к царю, он молвил: “Я — Вахука;
Нет на земле мне равного в искусстве управлять конями;
3. Совет могу дать в труднейшем деле, в науке,
Умею готовить пищу, как никто не умеет;
4. Какие только бывают в мире труднейшие искусства —
Все берусь исполнить, прими меня, Ритупарна!”

Ритупарна сказал:

5. “Живи, Вахука, с миром, всё, что сказал — будешь делать.
Я всегда был до скорой езды охотник;
6. Приложи старанья, чтобы кони мои борзыми стали;
Будешь ты главный конюший; твоя плата — сто сотен,
7. Варшнея, Дживала — в твоём подчинении,
Останешься ими доволен. Живи у меня, Вахука”.
8. Наль, почтённый такими словами, остался
В городе Ритупарны, вместе с Дживалой, Варшнеей.
9. Там обитал этот раджа, помышляя о Видарбхийке;
Из вечера в вечер он пел постоянно одну только шлоку:
10. “Где ты ночуешь, страдалица, голодом, жаждой томима,
Вспоминая того безумца, кто ж ныне тебе помогает?”
11. Так говорящего раджу однажды ночью спросил Дживала:
12. “О ком постоянно тоскуешь? — Слышать хочу, Вахука!
Чья жена, долговечный, по которой ты так страдаешь?”
13. Ему отвечал владыка нишадхцев: “Высокочитимая супруга
Была у глупца одного, нетвёрдого в слове,
14. По некой причине тот глупец с женой разлучился;
Разлучась, безмозглый, блуждает, мучимый горем,
15. Ночью и днём постоянно тоской сжигаем,
В ночное время её вспоминая, только одну поёт шлоку.
16. По всей земле он скитался, прибивался, куда попало;
Так и живёт, недостойный, горе своё вспоминая.

17. Она, за тем человеком ушедшая в страшные дебри,
Покинутая им, презренным, о горе, жива ли?
18. Иного достойная, одинокий ребёнок, пути не зная,
Голодом, жаждой томима, жива ли? О горькое горе!
19. В лесу, населённом зверями, огромном, ужасном,
Покинута, чтимая, этим безумцем несчастным!”
20. Так владыка нишадхцев о Дамаянти тоскуя,
Никому неизвестный, проживал у того раджи в доме.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 66 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XVI

Брихадашва сказал:

1. Когда Наль, утратив царство, пошёл с женой, как наёмник,
Бхима разослал браминов, увидеть Наля желая.
2. Бхима их наставлял, дав большие богатства:
“Ищите Наля и дочь мою Дамаянти!
3. Если успеете в деле и разузнаете, где царь нишадхский,
Тысячу дам коров тому, кто приведёт мне обоих,
4. И деревню, городу равную, дам во владенье.
А привести не удастся Дамаянти и Наля,
5. Тому, кто доставит лишь вести, дам я прекрасных коров десять сотен”.
Радуюсь этим словам, во все стороны разошлись брамины,
6. По царствам и городам искать Нишадхца с женою.
Но нигде не встретили Наля и дочери Бхимы.
7. В поисках за Видарбхийкой, дваждырождённый Судэва*,
В приятный город Чеди попав, заметил её в царских чертогах.
8. В чистый день приёма раджи вместе с Суландой она стояла,
Как слабый свет солнца в тумане, красой несравненной, славной сияя.
9. Увидав большеокою в горе, покрытую грязью,
Подумал он: “Бхайми!” и стал рассуждать сам с собою;

Судэва сказал:

10. Красотой эта девушка схожа с той, что я раньше видел;
Ныне я выполнил дело, найдя её, подобную Шри — любимице мира,
11. Как луна прекрасной, чёрной*, с роскошной округлой грудью,
Озаряющей стороны света, богине она подобна.
12. С большими, как лотос, глазами, подобна супруге Манматха,
Свету полной луны подобна, для всего мира желанной*.
13. С ногами, покрытыми грязью, как вырванный лотос
Из видарбхийского озера, исторгнутый волей судьбины,
14. Схожа с луной, в полнолуние похищенной* Рагу,
Горюет о муже, печальна, будто река с пересохшим руслом.
15. Лotosовому озеру подобна, взбаламученному слонами,
Где распуганы птицы, цветы измяты:
16. Прекрасная, нежная, мечтает о сокровище родного дома;
Как бы сжигаема солнцем, как сорванный лотоса стебель.

17. Благородна, достойна убранств — без убранств, и всё же красива.
С новою схожа луной, синими тучами скрытой;
18. Вне окруженья родных, наслаждений желанных,
Поддерживает брненное тело ради встречи с мужем;
19. Женщину без украшений муж лучше всего украшает,
Она, лишась супруга, хоть лучезарна — не светит.
20. Негоже Наль поступает, с ней врозь существуя,
Чтоб не зачахнуть с горя, едва питающей тело.
21. Черноволосяя, лотосоокая скорбит достойная счастья;
При виде её страданий, взволновался мой разум.
22. Когда же достигнет она конца этих бедствий,
С мужем соединясь, как с месяцем ясным Рохини*?
23. Вместе с её возвращеньем — счастье к Нишадхцу вернётся,
И царства лишённый раджа вновь получит землю.
24. Равные нравом, летами, равные родом, семьёю,
Наль Видарбхийки достоин, а черноокая — Наля.
25. Супругу несравненного, храброго, мощного Наля
Мне подобает утешить в её скорби по мужу.
26. Полной луне подобную, я утешать её стану,
Бедствий раньше не знавшую, ныне томимую скорбной думой*.

Брихадашва сказал:

27. Доводы, признаки так рассмотрев всесторонне,
К Бхайми тогда подойдя, сказал брамин Судэва:
28. “Я Судэва, о Видарбхийка, твоего брата дорогой товарищ;
По велению раджи Бхимы, разыскивая тебя, сюда явился.
29. Здоровы отец твой, мать-царица, братья тоже здоровы,
Долговечные дети твои, там живущие — здоровы оба.
30. Из-за тебя все родные как бы лишились рассудка;
Разыскивая тебя, брамины сотнями по земле блуждают”.
31. Тогда Дамаянти, узнав Судэву, о Юдхиштхира,
Расспросила по порядку о всех своих близких.
32. Видарбхийка, мучимая горем, тяжело рыдала, раджа,
Увидев внезапно Судэву, превосходного любимого брата.
33. Сунанда, увидев, что Бхайми мучится горем, рыдает,
Беседа наедине с Судэвой, Бхарата,
34. Родительнице сказала: “Служанка тяжело рыдает,
Стоя с брамином: кто же она? — Узнай, если можно!?”
35. Мать чедийского раджи из своих покоев
Вышла к стоящим вместе женщине и брамину;

36. Отведя Судэву, мать раджи, владыка народа,
Спросила: “Чья это дочь? Чья жена? — скажи мне!
37. Как разлучилась прекрасная с мужем, с родными?
Ты знаешь её, певец*; как благая сюда попала?
38. От тебя это желаю слышать подробно;
Мне, вопрошающей, о божественно прекрасной расскажи досконально”.
39. Раджа, так вопрошённый Судэва, лучший из дваждырождённых,
Удобно усевшись, о Дамаянти всё рассказал по правде.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 67 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XVII

Судэва сказал:

1. “Есть раджа в Видарбхе, добрый, сиятельный Бхима,
Она его милая дочь, славная Дамаянти.
2. Наль — имя царя нишадхцев, он сын Вирасены;
Красавица — супруга мудрого, достохвального Наля.
3. Братом в игре побеждённый, лишённый царства, владыка
Ушёл с Дамаянти вместе, куда — неизвестно.
4. В поисках Дамаянти странствуем мы повсюду.
Эту женщину здесь я встретил, её ты приняла в дом сына.
5. Нет в человеческом мире женщины столь же красивой;
Есть у неё меж бровей знак высший, врождённый,
6. Подобный лотосу: входя, я заметил его у прекрасной,
Он грязью покрыт, подобно луне за тучей;
7. Этим великолепным знаком Дхатар* её отметил;
В день новолуния также неярко светит месяц;
8. Но красота не погибла под грязью, покрывающей тело;
Хоть без убранства явилась, но золотом блещет.
9. По этому знаку прекрасную женщину
Я узнал, царица; так жар скрытый огонь выявляет”.
10. Сунанда, выслушав слово Судэвы, владыка народов,
Омыла родинку, покрытую грязью.
11. Очищенная от грязи родинка Дамаянти
Воссияла подобно луне, вышедшей из-за тучи.
12. Сунанда и мать раджи, знак увидав, Бхарата,
Обняли её, рыдая, и стояли так долго.
13. Наконец, проливая слёзы, мать раджи сказала нежно:
“Ты дочь сестры, украшенная этим знаком;
14. Прекрасная, твоя мать и я — Судама, дети
Великодушного раджи, повелителя дашархов.
15. Её выдали за раджу Бхиму, потом меня за Вирабаху.
Новорождённой тебя в доме отца я видала.
16. Пусть будет тебе мой дом, прекрасная, отчим домом,
И твоя власть, Дамаянти, пусть с моей будет равной!”
17. Дамаянти с радостным сердцем, владыка народов,
Поклонясь сестре своей матери, так сказала:

18. “У тебя, даже безызвестная, жила я счастливо,
Всё, что хотела — имела, всегда ты меня охраняла.
19. Живя у тебя, я была бы, конечно, счастливой,
Но соизволь отпустить меня, мать, скиталась я долго,
20. Я своих двух детей отослала, живут там младенцы,
Горюют они без отца, как же и мне их покинуть?
21. Если какую радость мне оказать желаешь,
Вели подать колесницу, я тороплюсь в Видарбху!”
22. “Иди!” — ей сестра матери радостно сказала, раджа.
С дозволения сына, под охраной большого войска,
23. На колеснице, мать раджи отправила её, Бхарата,
Счастливую, снабдив питьём и пищей.
24. Скоро вернулась Бхайми в видарбхийскую землю.
Радостно, с почётом там её встретили все родные.
25. Увидев здоровыми близких: детей малолетних,
Мать и отца, всех друзей, знакомых,
26. Славная царица Дамаянти, превосходно почтила
Богов и браминов, владыка народа.
27. Царь тысячью коров наградил Судэву.
Подарил богатство, деревню, радуясь возвращенью дочки;
28. Прекрасная, ночь проведя в отчем доме,
Отдохнув, сказала матери такое слово:
29. “Говорю тебе правду, мать, хочешь живой меня видеть,
Так розыском Наля займись, лучшего из героев!”
30. Опечалилась очень царица, выслушав Дамаянти,
Заливаясь слезами, не отвечала ни слова;
31. Все дворцовые женщины, раджа, видя её в печали,
“Горе, увы!” — восклицали и безутешно рыдали.
32. Тогда махарадже Бхиме супруга сказала слово:
“Твоя дочь Дамаянти тоскует по мужу;
33. Не стыдясь, это она сама сказала, раджа:
“В поисках Достохвального пусть идут твои посланцы!”
34. По её настоянию раджа отправил усердных браминов
В разные стороны света: “Наля найти постарайтесь!”
35. Тогда, по велению царя видрабхийцев, брамины,
Придя к Дамаянти — ”Мы отправляемся в путь!” — сказали.
36. Им отвечала Бхайми: “В каждой стране такое слово
Говорите везде среди людей, повторяйте снова и снова:
37. «Куда ты, игрок, половину одежды отрезав, скрылся,
Сонную бросив в лесу, любимую, верную, милый?»

38. Ждёт ведь она тебя там, где ей приказано было*,
Женщина, половиной одежды покрытая, палимая горем.
39. Ей, проливающей слёзы в неизбывной тоске,
Окажи скорей милость, владыка, откликнись, витязь!
40. Иначе можно сказать: яви сострадание,
Ведь лес пожирает огонь, раздуваемый ветром*.
41. Муж должен всегда поддерживать, охранять супругу:
Дхармы знаток, почему ж ты нарушил и то, и другое?
42. Милосердным, добрым и мудрым ты, господин, зовёшься,
Немилосердным ты стал, видно счастье моё закатилось!
43. Яви ж состраданье, могучий, владыка народа!
— Милость есть высшая дхарма — так от тебя я слыхала»,
44. Кто вам, так говорящим, ответит,
Тот — Наль; хорошенько везде разузнайте, кто это и где обитает.
45. Что тот мужчина ответит, выслушав ваше слово,
Вняв ему, мне сообщите, превосходные брамины!
46. Чтоб невдомёк ему было, что это я вас послала,
Возвращайтесь немедля; так поступайте.
47. Благополучен, богат ли, или в нужде он,
Или стремится к богатству, что собирается делать, выведать надо”.
48. Брамины, вняв её слову, разошлись по разным странам
На розыски несчастного Наля, раджа!
49. Царства, города, деревни, обители, пастухов стоянки,
Раджа, обыскали брамины, но не встретили Наля.
50. Так в разных местах с этим словом, владыка народа,
Бродили певцы, распевая то, что Дамаянти велела.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 68 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XVIII

Брихадашва сказал:

1. Долгое время прошло. Тогда, дваждырождённый Парнада,
Возвратясь в столицу, дочери Бхимы сказал такое слово:
2. “Дамаянти, в поисках Наля, Нишадхца,
Забрёл я в город Айодхью*, к Бхангасури явился.
3. Мудрая, слово твоё, как его ты сказала,
Ритупарна многосчастливый от меня услышал.
4. Выслушав, людей повелитель Ритупарна ничего не ответил,
Также никто из собрания, хоть и не раз повторял я.
5. Когда ж отпустил меня раджа, в безлюдном месте заговорил со мной некто,
Вахука по имени, один из людей Ритупарны,
6. Возничий того владыки, некрасивый, короткорукый,
В быстрой езде искушённый, вкусно готовящий пищу;
7. Он, многократно вздыхая, снова и снова плакал;
Спросив меня о здоровье, так мне промолвил:
8. “Благородные женщины, добрые, достигшие неба,
Впадая в несчастье, сами себя охраняют; так верю.
9. Даже если супруг их покинет, они не гnevятся нисколько.
В жизни тех превосходных женщин им добродетель кольчуга.
10. За то, что глупец, страдая, утратив счастье,
Покинул её, пусть она не гневится!
11. Он хотел добыть пропитанье, но похитили птицы одежду;
Чёрная, пусть не гневится на палимого горем
12. К ней пришедшего мужа, хорошо ль он с ней поступил или дурно,
Голодный, утративший царство и счастье, утопающий в бедах”.
13. Вняв его слову, я поспешил вернуться.
Выслушав речь, оцени всё сама и поведай радже”.
14. Это узнав от Парнады, с полными слёз глазами
К матери придя тайком, Дамаянти сказала:
15. “Ни в коем случае Бхиме не сообщай это дело;
Мать, при тебе научу я Судэву, лучшего из браминов.
16. Ты ж постарайся, если мне счастья желаешь,
Чтобы царь Бхима замысел мой не проведал.
17. Как быстро меня привёл к родным Судэва,
Мать, пусть с той же удачей пойдёт он скорее,

18. Не медля в город Айодхью и приведёт сюда Наля!”
Когда отдохнул Парнада, лучший из дваждырождённых,
19. Почтила его большими дарами прекрасная Видарбхийка;
— “Певец, когда Наль возвратится, больше я дам богатства,
20. Ибо ты много способствовал, чтобы я скоро встретилась с мужем,
Сделать чего не сумел бы другой, о лучший из дваждырождённых”.
21. Выслушав это, почтив, благословив её на счастье,
Домой удалился премудрый, своё дело исполнив.
22. Тогда Дамаянти, призвав Судэву, Юдхиштхира,
Сказала при матери, скорбя, предавшись горю:
23. “В город придя, Судэва, правителю граждан Айодхьи
Ритупарне весть передай, будто бы сам от себя сообщая:
24. “Опять Дамаянти, дочь Бхимы, готовит свой выбор,
Князя, княжичи сходятся к ней отовсюду;
25. Но считано время: завтра он будет утром.
Коль ты быть там намерен, отправляйся не медля, врагов победитель!
26. После восхода солнца она изберёт другого мужа,
Ведь не известно о витязе Нале — жив ли он, нет ли?”
27. Затем, придя к Ритупарне, всё как она сказала,
Передал брамин Судэва, о махараджа.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 69 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XIX

Брихадашва сказал:

1. Услышав слово Судэвы, Ритупарна, правитель народа,
Просительным, нежным голосом молвил Вахуке:
2. “Отправиться хочу в Видарбху на смотрины Дамаянти,
Возможно ль за день доехать, знаток лошадей, Вахука?”
3. От таких слов Ритупарны, сын Кунти, у Наля
Терзалось горем сердце; многомудрый подумал:
4. “Ужель это речь Дамаянти? Иль горе затмило ей разум?
Иль ради меня, увы, ничтожного, такую большую хитрость
5. Измыслила благочестивая Видарбхийка?
Иль оскорблённая мной, многогрешным, задумала злое (дело)?
6. Женщинам присуща изменчивость в мире, а грех мой ужасен;
Может её любовь истоцилась в разлуке, что она так поступает?
7. Моей бедой поражённая, видно отчаялась тонкостанная,
А то никогда б не решилась так поступать, да ещё и детей имея.
8. Только поехав, узнаю, где тут неправда, где правда;
Ритупарны желанье ради себя исполню!”
9. Порешив так в сердце, Вахука, глубоко печальный,
Руки сложив, ответил царю Ритупарне:
10. “Твоё слово исполню — доедем, людей владыка,
За один день, повелитель, в город Видарбху, раджа”.
11. Тогда по воле царя Бхангасури*, стал Вахука,
Придя в конюшню, выбирать лошадей, владыка.
12. Сильно его торопил Ритупарна; Вахука ж,
Лошадей распознать желая, обходил их снова и снова.
13. К поджарым коням подошёл, годным в дорогу,
Сильным, очень горячим, породистым, борзым,
14. От дурных знаков свободным, широконоздрым, крепким,
С десятью завитками, в Синдху рождённым, как ветер быстрым.
15. Поразился, увидев их, раджа, сказал раздражённо:
“Что это хочешь ты делать? Иль обмануть нас собрался?
16. С коротким дыханием, слабые, как довезут эти кони?
Как пробежать они могут такую большую дорогу?”

Вахука сказал:

17. У них есть знак на лбу, на голове — два, на боках — по паре.
Знак на хребте и на груди два знака*.

18. Домчат до Видарбхи кони, нет сомнения в этом;
Коль мыслишь иначе — скажи; я ж их запрягаю, раджа.

Ритупарна сказал:

19. Ты в лошадях знаешь толк, ты опытен, Вахука,
Которых считаешь годными, тех запрягая скорее!

Брихадашва сказал:

20. Четвёрку добрых коней, породистых, нравом хороших,
Быстрых, опытный Наль запряг в колесницу.

21. Когда ж на запряженную колесницу царь вошёл поспешно,
На колени долу превосходные кони упали.

22. Но могучий Наль, досточтимый раджа, племён властитель,
Тех скакунов успокоил, горячих, сильных.

23. И подобрав вожжи, Наль тронул коней ретивых;
Возницу Варшнею с собой посадив, помчался быстро.

24. Как следует подстегнул лошадей Вахука; борзые
Колесницу как бы подняли на воздух, седока пугая.

25. Увидев коней бегущих, как ветер быстрых,
Счастливый властитель Айодхьи весьма изумился.

26. Колесницы слушая грохот, дивясь управленью конями,
Стал размышлять Варшнея о мастерстве Вахуки:

27. “Быть может, это Матали*, владыки богов возникший
Появился великий, приняв образ молодца Вахуки?”

28. Иль это Шалихотра*, знаток лошадей, их свойств, породы,
Божественно прекрасный, принявший вид человека?”

29. Иль это Наль владыка, вражеских твердынь покоритель,
Сюда явился хранитель народа?” — так размышлял Варшнея:

30. “Ведь те же науки, что Наль, и Вахука знает,
Я вижу — равны в познании наук Наль и Вахука;

31. Также летами равны Наль и Вахука;
Так уж не Наль ли это, доблестный, мудрый?”

32. Бывает, здесь на земле великие странствуют тайно,
Причастные божественной доле, переменив свой образ.

33. Но мысль мне проверить нужно: ведь изменил он свой облик;
Неубедителен довод, таково моё мнение.

34. Вот доказательство: возраст — он равен, но форма — иная.
Все достоинства Наля есть у Вахуки также”.

35. Так, махараджа, долго размышлял Варшнея;
Всё взвешивал в сердце возничий Нишадхца.
36. С колесничим Варшней веселился и царь Ритупарна,
Великий владыка, любуясь мастерством Вахуки управлять конями;
37. Видя такое большое старание, он был охвачен восторгом.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 70 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XX

Брихадашва сказал:

1. Горы, реки, леса, озёра проезжал он быстро,
В воздухе паря, подобно птицам.
2. Так мчась на колеснице, царь Бхангасури,
Городов разрушитель, заметил, что уронил плащ (на землю);
3. Великодушный владыка, как только сорвалась одежда,
“Надо поднять!” — Налю сказал торопливо,
4. “Сдержи ретивых коней, многомудрый,
Пока Варшнея сюда принесёт одежду”.
5. Отвечал ему Наль: “Твой плащ далеко позади остался,
Йоджану* мы промчались, его не принести обратно!”
6. Раджа, пока Наль говорил, царь Бхангасури
Проезжал в лесу мимо вибхитаки*, усыпанной плодами.
7. Увидя её, торопившийся царь так молвил Вахуке:
“Познай, возникший, моё великое уменье счёта,
8. Один всего знать не может, никто всеведеньем не обладает;
Не сосредоточилось познание лишь в одном человеке.
9. Я знаю сколько на этом дереве листьев, сколько плодов:
Здесь вот — сто один плод упал, Вахука.
10. Знаю, сколько плодов осталось, сколько листьев:
Есть пятьдесят миллионов листьев на этих двух ветках;
11. А на этих двух ветках, от других особо,
Две тысячи сто плодов без пятёрки, Вахука”.
12. Тогда, удержав колесницу, Вахука молвил радже:
“Сомнительны, царь, мне твои речи, врагов победитель,
13. Очевидность хочу им придать, срубив вибхитаку;
Вот когда мы сочтём, не будет сомненья, владыка.
14. Перед твоими глазами я срублю вибхитаку;
Верно или неверно сказал ты, не знаю.
15. Я при тебе, владыка, эти плоды сосчитаю,
Пусть Варшнея минутку подержит вожжи”.
16. Раджа возникшему молвил: “Нет времени мешкать!”
Вахука ж с большим увлеченьем ему ответил:
17. “Минутку тебе погодить придётся, а если спешишь ты, владыка,
Добрый путь, поезжай, Варшнея тебя доставит!”

18. Уговаривать стал Ритупарна, о радость народа Куру:
“Нет на земле возничего лучше тебя, Вахука,
19. С тобой, знаток лошадей, я хочу ехать в Видарбху,
Молю тебя — не чини задержки!
20. Исполню твоё желанье, какое мне скажешь, Вахука,
Коль в видарбхийскую землю меня привезёшь до заката!”
21. Так отвечал Вахука: “Только сочтя вибхитаку,
Поедем в Видарбху, исполни мне это слово!”
22. Раджа ему с неохотой: “Считай, — промолвил, —
Ветки с одной стороны; буду тебя направлять, безупречный;
23. Сочтя, ты узнаешь правду, исполнишь своё желанье”.
Соскочив с колесницы проворно, Вахука срубил вибхитаку;
24. Затем, сосчитав, он радже сказал поражённый:
“Столько плодов, сколько сказал ты, владыка!
25. Удивительно это, твою силу я видел;
Царь, хочу знать науку, дающую такое уменье!”
26. Тогда торопившийся ехать раджа ему ответил:
“Я знаток игры в кости, опытен в науке счёта”.
27. Вахука промолвил: “Дай мне это познание*,
От меня же возьми знанье коней, могучий!”
28. Тогда, из желанья знать лошадей и ради важности дела,
Царь Ритупара Вахуке такое промолвил слово: “Ладно,
29. Высшее знанье костей прими, как просил ты,
Мне же за то передай своё знанье коней, Вахука!”
30. Это сказав, Ритупара дал своё знание Налю;
Лишь только науку костей постиг тот, его тело покинул
Кали, жгучий яд Каркотаки изо рта извергая.
31. Так пламя проклятия Кали покинуло Наля,
Им долгое время мучимый, царь не владел собою.
32. Освободясь от яда, Кали принял свой облик.
В гневе хотел проклясть его Наль, владыка нишадхцев,
33. Испуганно Кали взмолился, трепеща, сложив руки:
“Царь, удержи свой гнев, дам тебе высшую славу!
34. Уже прокляла меня гневно родительница Индрасены,
Когда ты её бросил; с тех пор, сражённый,
35. Я в тебе обитал, страдая тяжко, необорный владыка:
Яд повелителя нагов палил меня днём и ночью.
36. Смилуйся, выслушай слово: если меня пощадишь ты,
Людей, которые будут тебя прославлять усердно,

37. Никогда не постигнет беда*, порождённая мною;
Я пред тобой трепещу, о милосерды взываю!”
38. Внял ему Наль, гнев свой сдержал, владыка;
Испуганный Кали быстро вошёл в вибхитаку.
39. Был он другим не видим, при разговоре с Нишадхцем.
Лишь прекратилось страданье, победитель врагов, земли владыка,
40. После ухода Кали, плоды исчислив, раджа,
Преисполненный радостью, причастный высшему блеску,
41. На колесницу взошёл сияя и тронул коней ретивых.
А вибхитака, от вселения Кали, осквернённой стала.
42. Быстрые кони летели дальше и дальше, как птицы;
Наль в своём сердце был торжеством преисполнен.
43. Направился прямо в Видарбху, многопрославленный раджа,
Кали ж домой пошёл, когда Наль удалился.
44. Так прекратилось страданье владычного Наля:
Стал он свободен от Кали, только свой образ не принял, раджа.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 71 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XXI

Брихадашва сказал:

1. О прибытии на закате в Видарбху мощного Ритупарны
Люди сообщили властителю Бхиме.
2. С разрешения Бхимы въехал тот царь в город Кундину,
Все окрестности оглашая грохотом колесницы.
3. Кони Нишадхца, этот грохот услышав,
Радостно взволновались, как бы в присутствии Наля.
4. И Дамаянти, заслышав грохот колесницы Наля,
Подобный глухому грому несущейся тучи,
5. Была восторгом объята, слушая звук многозвонный.
“Как будто бы Наль управляет конями, как прежде, —
6. Подумала Бхайми, — Его лошадей мне ведом топот!”
Живущие в кремле павлины, слоны и лошади в стойлах
колесничному шуму внимали, владыка народов.
7. Услыхав этот грохот, слоны, павлины,
Радуюсь ему, как грому в тучах, насторожась, кричали.

Дамаянти сказала:

8. “Как этот грохот колёс, будто наполнив землю,
Радует сердце моё; это Наль, великий владыка!
9. Коль не увижу сегодня луноподобного Наля,
Витязя многодостоинного, я, несомненно, погибну!
10. Если не буду сегодня в его могучих объятых,
Не получу его ласки, жить не останусь, конечно!
11. Если ко мне Нишадхец не придёт тучегромный,
Сегодня же брошусь в золотое пламя!
12. Если сильный, как лев, страстный, как слон могучий,
Ко мне не придёт владыка, я, несомненно, погибну!
13. Не вспоминаю обиды, не помню какой-либо кривды,
Даже случайного не помню худого слова.
14. Он терпелив, благороден, щедр, всех царей превосходит.
Не согрешит даже тайно, мой Нишадхец верен, как евнух*.
15. С ним разлучённая, ночью и днём доблесть его вспоминаю:
Без любимого сердце рвётся от горя!”
16. Так причитая, как бы лишась рассудка, Бхайми
Взошла на высокую кровлю*, достохвального желая видеть:

17. И во дворе разглядела прибывших на колеснице:
Владыку земли Ритупару вместе с Варшнеей, Вахукой.
18. Варшнея, Вахука сошли с колесницы прекрасной,
Лошадей распрягли, поставили колесницу.
19. Повелитель людей Ритупара, сойдя с колесницы,
Приблизился к махарадже Бхиме, страшному силой.
20. Тогда его Бхима принял с великой честью,
Но прибывшего поспешно, без причины, не считал несущим счастье.
21. “Добро пожаловать! Что тебе нужно сделать?” — приветствовал раджа;
Владыка народа не знал, что гость ради дочери прибыл, Бхарата.
22. Мудрый царь Ритупара, поистине сильный,
Князей и княжичей нигде не приметил,
23. Также признака выбора: стеченья певцов — браминов;
Тогда, прикинув в уме, владыка кошальцев
24. Промолвил: “Приветствовать тебя я прибыл!”
Про себя между тем рассуждал, улыбаясь, царь Бхима:
25. “Ради такой причины больше ста йоджан,
Много сёл проехать — не для того он явился;
26. Уж слишком ничтожна названная причина приезда;
Не теперь, позднее выясню, в чём тут дело”.
27. С этим почтил и отпустил владыка гостя*:
“Нужно на отдых, ты утомился...” и прочее так говорил он.
28. Радужным царём угощённый, радостный и довольный
В указанную горницу, в сопровожденьи придворных, он удалился.
29. Когда Ритупарна ушёл, вместе с Варшнеей,
Взяв колесницу, её в сарай вкатил Вахука.
30. Отвязав лошадей, о них позаботился, как должно,
Сам же, задав им корму, в колесницу уселся.
31. Загоревала Дамаянти, увидев царя Бхангасури,
Также Варшнею, сына возничего, и странного видом Вахуку.
32. Размышлять Видарбхийка стала: “Чей это звон колесничный?
Он был велик, как будто Наля, однако Нишадхца не вижу.
33. Видно, Варшнея научился такому искусству;
Ведь колесница так грохотала сегодня, будто бы Наль (приехал).
34. Иль Ритупарна, быть может, подобен властителю Налю
И грохот его колесницы такой же, как у Нишадхца?”

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 72 глава*

Глава XXII

Дамаянти сказала:

1. Иди, Кешини*, разведай, кто этот возничий,
Что там в колеснице уселся, короткорукый уродец.
2. Подойдя, приветствуй, добрая, ласково и прилично.
Спроси того человека, как велит обычай, благая.
3. Подозреваю очень — не Наль ли это владыка?
Взволнован мой разум, моё сердце ликует!
4. Повтори ему в разговоре слово Парнады,
Ответ же, прекраснобёдрая, запомни, благая.

Брихадашва сказал:

5. Пошла усердная вестница. Заговорила с Вахукой,
А прекрасная Дамаянти наблюдала их с кровли.

Кешини сказала:

6. С приездом, людей повелитель! Мир тебе!
Внимай словам Дамаянти, могучий:
7. Когда собрались в дорогу? Зачем вы сюда явились?
Как следует это поведай. Видарбхийка желает слышать.

Вахука сказал:

8. Великодушный правитель Кушали проведал, что Дамаянти
Вновь назначает выбор: “Он будет завтра”, — говорил Судэва.
9. Услыхав это, царь на конях, проходящих сто йоджан,
Быстрых, как ветер, отправился, я ж его возничий.

Кешини сказала:

10. А кто же тот третий с вами, откуда он, чей он?
Сам ты чей? Как ты попал на эту работу?

Вахука сказал:

11. Достохвального это возничий, Варшнеей зовётся,
Он после бегства Наля ушёл к Бхангасури.
12. Я знаток лошадей и отменный возничий,
Служу колесничим и поваром у Ритупарны.

Кешини сказала:

13. А знает Варшнея, куда скрылся Наль, владыка?
Как он тебе рассказывал про это, Вахука?

Вахука сказал:

14. Сюда привёз он детей многогрешного Наля,
Потом пошёл по воле; не знает он, где Нишадхец.
15. И никакой другой человек, славная, не знает про Наля;
Тайно странствует в мире, изменив свой облик, владыка.
16. Только сам о себе знает Наль, да близкая ему, быть может,
Ибо Наль хранит в тайне свои приметы.

Кешини сказала:

17. Тот брамин, что первым пришёл в Айодхью,
Такие слова жены повторял снова и снова:
18. “Куда ты, игрок, половину одежды отрезав, скрылся?
Сонную бросил в лесу, любимую, верную, милый!
19. Ждёт ведь она тебя там, где ей приказано было —
Женщина, половиной одежды прикрытая, скорбью палимая днём и ночью.
20. Постоянно рыдающая в горе, могучий,
Милость свою яви, дай ответ, властитель!
21. На эту речь любимой ответь, многомудрый!
Слово твоё безупречная Видарбхийка желает слышать.
22. Прежде данный тобой ответ повтори, желанный,
От тебя Видарбхийка его снова слышать хочет!”

Брихадашва сказал:

23. Наль слушал Кешини, о радость народа Куру,
И сердце его сжималось, глаза наполнялись слезами.
24. Владыка земли сгорал, но подавлял своё горе;
И снова он так промолвил, дрожали в голосе слёзы:
25. “Благородные женщины, добрые, достигшие неба,
Впадая в несчастье, сами себя охраняют, я верю.
26. Даже если супруг их покинет, они не гnevятся нисколько:
В жизни тех превосходных женщин им добродетель — кольчуга.
27. За то, что глупец, страдая, утратив счастье,
Покинул её, пусть она не гневится!
28. Добыть пропитанье хотел он, но похитили птицы одежду.
На кручиной палимого, чёрная пусть не гневится!
29. На вернувшемуся супруга, хорошо ли он с ней поступил или дурно,
Голодный, утративший счастье, утопающий в бедах”
30. Наль очень скорбел, эти слова повторяя,
Слёз удержать не в силах, он зарыдал, Бхарата.
31. Затем, возвратясь к Дамаянти, передала Кешини
Всё, что сказал он, а также о скорбном его волнении.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 73 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XXIII

Брихадашва сказал:

1. Тяжко кручинилась Дамаянти, ей внимая,
Рассудив, что это Наль, она сказала Кешини:
2. “Снова, Кешини, иди, последи за Вахукой,
Не заговаривай с ним, но возле держись, наблюдай, благая.
3. Если он, прекрасная, что-нибудь начнёт делать,
Следи, как он будет выполнять работу.
4. Чтобы ему помешать, не давай огня, Кешини;
Для варки пищи воды не давай, коль попросит;
5. Всё наблюдай, что случится, потом мне доложишь;
Необычные знаки* наблюдай у Вахуки!”
6. Отправилась Кешини, получив наказ Дамаянти.
Заметив знатока лошадей приметы, она вернулась снова.
7. Всё, что случилось рассказала она Дамаянти,
О нечеловеческих знаках, подмеченных у Вахуки.

Кешини сказала:

8. Дамаянти, раньше я никогда не видала и не слыхала,
Чтобы стихии* слушались так человека.
9. Он ничуть не сгибается, в низкий проход вступая,
При виде его сам вход становится выше, как нужно.
10. Для Ритупары принесли ему разную пищу,
Раджа послал туда мясо многих животных;
11. Чтобы его обмыть, принесли большие сосуды —
Они под взглядом Вахуки сами водой наполнялись.
12. Тогда, обмыв мясо, пошёл колесничий Вахука,
Горсть травы захватил, подержал на солнце,
13. Вдруг сам собой огонь возгорелся! Я поразилась,
Необычайное чудо увидев, и поспешила вернуться.
14. Прекрасная, я у него и другое дивное диво видала:
Если огня он коснётся, не жжёт его пламя.
15. Притекает вода по его желанью и утекает быстро;
Много других чудес я у него насмотрелась;
16. Если цветок он поднимет, погладит нежно,
Под лаской его руки цветок оживает,

17. Становясь ещё ароматней, свежее, чем прежде.
Такие чудные знаки увидев, сюда я бегом прибежала.

Брихадашва сказал:

18. Услыхав про эти дела Достохвального, Дамаянти
Решила, что Наль, приехав, открывается в знаках.
19. Считая, что Наль, её муж, принял облик Вахуки,
Нежно опять Кешини она со слезами сказала:
20. “Вернись к стряпне того нерадивого* Вахуки,
Горячего мяса стяни на кухне и возвращайся (скорее)!”
21. Кешини, придя к Вахуке, очень горячего мяса
Кусок торопливо утащила и незамедля
Принесла Дамаянти в угоду, потомок Куру!
22. Она же, раньше привыкшая к стряпне Наля, отведав мяса,
Убедясь, что тот возничий — Наль, закричала в скорби.
23. Крайне волнуясь, обоих детей послала с Кешини,
Предварительно умыв им лица, Бхарата.
24. Индрасену и её брата узнал Вахука;
Раджа к ним подбежал, обнял, к груди прижимая.
25. Вахука, приблизясь к богоподобным детям,
Громко рыдал, охваченный бурной скорбью.
26. Многократно подавляя волненье, Нишадхец,
Быстро детей оставив, сказал Кешини:
27. “На моих двух детей, блаженная, эти ребята очень похожи,
Оттого их увидя, пролил я слёзы внезапно.
28. Тебя в грехе заподозрят люди, если часто являться будешь.
Мы гости этой страны, иди же, благая, счастливо”.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 74 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XXIV

Брихадашва сказал:

1. Большое волнение видя мудрого Пуньяшлоки,
Кешини, возвратясь поспешно, всё Дамаянти сказала.
2. Тогда Дамаянти Кешини к матери снова послала,
Сгорая желаньем увидеться с Налем;
3. “Я хорошо испытала Вахуку, заподозрив в нём Наля,
Сомнителен мне только облик, лично хочу убедиться.
4. Мать, или меня отпустить соизволь, или вели, чтобы пришёл он,
С ведома раджи-отца, без того ли; знать хочу правду!”
5. Выслушав Видарбхийку, царица сказала Бхиме
О намереньи дочери; царь ей позволил.
6. С разрешенья отца и матери также, славный Бхарата,
Призвала Дамаянти в свои покои Наля.
7. Владыка Наль, Дамаянти внезапно увидев,
Охваченный тягчайшим горем, залился слезами.
8. И Дамаянти, увидев Наля в таком волненьи,
Лучшая женщина, была охвачена тягчайшей скорбью.
9. В мочальной одежде, с волосами, заплетёнными в косы, раджа,
Покрытая грязью и пылью*, Дамаянти сказала Вахуке:
10. “Вахука, не видал ли ты прежде по имени лишь праведного человека?
Спящую в дебрях женщину какой человек покидает,
11. В лесу невинную, истомлённую, любимую супругу?
Кто был покинувший, как не Наль достохвальный?
12. Или владыке земли я по ребячеству не угодила,
Что спящую бросив меня в лесу он скрылся?
13. Богам отказав, некогда его избрала открыто,
Верно любила, детей имела; за что же он меня покинул?
14. Кто, над огнём взяв руку, перед богами поклявшись:
“Буду, воистину!” — клятву свою забывает?”
15. Когда Дамаянти говорила всё это, врагов покоритель,
Горем рождённая влага из её скорбных очей струилась.
16. Влаго чёрных очей, как лотос прекрасных,
Горе, отчаянье видя, Наль так молвил:
17. “Не я виноват, что моё царство погибло,
Что тебя, робкая, бросил, — всё это Кала сделал,

18. Поражённй твоим проклятьем в час нарушения дхармы*.
Скорбя, в лесу ты скиталась, день и ночь обо мне горя,
19. Его ж, в моём теле живущего, неустанно палило твоё проклятье.
Жгучим огнём твоё проклятье для него разгоралось.
20. Он побеждён, прекрасная, моей непреклонной волей*,
Подвигом, нашему горю конец положившим.
21. Когда удалился он, грешный, сюда я пришёл свободным
Ради тебя, полнобёдрая, нет у меня иной цели.
22. Но какая супруга, бросив законного, верного мужа,
Подобно тебе, робкая, выбирает другого?
23. По веленью царя всюду глашатаи ходят:
“Второго супруга выбирает Бхайми,
24. Подходящего ей, выбирая свободно по сердцу!
Бхангасури, прослышав об этом, поспешно явился”.
25. Дамаянти внимала таким упрёкам Наля,
Дрожащие руки сложив; в страхе сказала Налю:
26. “Благоволи, хороший, не обвинять в пороке:
Пренебрегла я богами, тебя избрав, владыка нишадхцев!
27. Чтоб тебя привести, всюду брамины ходили,
Десять стихов распевая, сложенных мною.
28. Раджа, тогда многомудрый брамин Парнада,
Пришёл в Кошали, обитель Ритупарны.
29. Он повторил мои шлоки, твой ответ получил, раджа;
Затем я пошла на хитрость, чтобы тебя привлечь, Нишадхец!
30. Кроме тебя во всём мире нет никого другого, властитель,
Кто мог бы за день сто йоджан на лошадях проехать, владыка!
31. С этой правдой касаюсь твоих ног, владыка,
Даже в мыслях недоброго я не совершила!
32. В мире блуждающий ветер, свидетель существ, Садагати,
Пусть лишит меня жизни, если я грех совершила!
33. Тигманшу — Лучистое Солнце, ходит всегда над землёю —
Пусть лишит меня жизни, если я грех совершила!
34. Как свидетель, Месяц во все существа вникает,
Пусть лишит меня жизни, если я грех совершила!
35. Держат весь тройственный мир эти три бога,
Пусть подтвердят мою правду или меня покинут!”
36. Призванный ею ветер из поднебесья промолвил:
“Наль, она не совершила греха, говорю тебе правду!
37. Сокровище добродетелей хорошо бережёт Дамаянти, раджа,
Её хранителями и свидетелями мы были три года.

38. Ради тебя, несравненного, задумана эта хитрость:
Кроме тебя никто не может за день сто йоджан проехать.
39. Встретила тебя Бхайми, ты же — её, земли владыка;
Не сомневайся ни мало, сойдишь со своей женою”.
40. Пока говорил так ветер, цветы дождём сыпались с неба,
Тимпаны богов звучали, веяли ветры благие.
41. Царственный Наль, увидав это диво, могучий Бхарата,
Подозрение снял* с Дамаянти, врагов победитель.
42. Незапылённую одежду накинул тогда властитель,
Помянув того владыку нагов, и принял свой собственный образ;
43. Дочь Бхимы, увидев мужа, принявшего собственный облик,
Безупречный, вскрикнула громко и обняла Пуньяшлоку.
44. Царственный Наль, сияя как прежде, обнял Дамаянти,
И своих детей приветствовал он, как должно.
45. К своей груди прекрасная его лицо прижала;
Вздыхнула длинноокая, поражённая болью.
46. Покрытую грязью и пылью, ясноулыбную обнял
Тигр средь людей и долго стоял, преисполненный скорбью.
47. Царь, всё, что случилось с Налем и Дамаянти,
Радостно мать Видарбхийки рассказала Бхиме,
48. Тогда махараджа сказал: “Завтра, свершив омовения,
Пусть ко мне явится Наль с Дамаянти, ночь проведя счастливо”.

Брихадашва сказал:

49. Оба супруга радостно ночь провели, повествуя
О своих скитаньях в дебрях лесных, властитель.
50. В доме Бхимы-царя наслаждаясь друг другом,
Радостно жили Нишадхец и его Видарбхийка.
51. После четырёхлетней разлуки сойдясь с женою,
Он утолил все желанья, высшее счастье вкушая;
52. И Дамаянти, получив супруга, преисполнилась силой,
Как земля, несущая семя, наполняется влагой.
53. Когда она встретилась с мужем, усталость прошла, горячка,
Бхайми сияла страстью, как ночью луна на востоке.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 75 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XXV

Брихадашва сказал:

1. Проведя эту ночь, царственный Наль и Бхайми,
Надев убранства, лицезрели владыку земли в урочное время.
2. Подойдя, Нишадхец приветствовал тестя;
Прекрасная Дамаянти после него отца почтила.
3. Как сына, с большим ликованием принял его царь Бхима.
Почтил как должно, ободрил, владыка
Наля и Дамаянти, верную мужу.
4. Царственный Наль по уставу принял эту почесть,
Как подобает, явил он повинование тестю.
5. В городе звон был великий, ликованием рождённый,
Люди радостно толпами приходили увидеть Наля.
6. Знамёнами, венками был разукрашен город,
Полили царский путь, усыпали благовонными цветами;
7. От двери к двери горожане цветы бросали;
Все алтари блаженных разукрасили цветами.
8. Ритупарна, услышав, что Вахука превратился в Наля
И с Дамаянти сошёлся, обрадовался очень.
9. Встретясь с царственным Налем, он стал перед ним извиняться,
Тот же сам извинялся, мудро приводя причины.
10. Досточтимый защитник народа говорил с изумлённым лицом Нишадхцу:
“Счастье какое, ты встретился вновь с женою!
11. Не обидел ли я, Нишадхец, тебя, когда неизвестный,
Ты обитал в моём доме, земли повелитель?
12. Если сознательно иль по незнанию как-либо
Я поступал недолжно — благоволи не гневиться!”

Наль сказал:

13. Ты ни малейшей обиды не наносил мне, раджа,
Да если б она и была, не гневаясь я простил бы.
14. И раньше ты мне был другом родным, людей повелитель,
С этой поры и впредь приумножь мою радость!
15. В полном довольстве я жил у тебя счастливо,
И в собственном доме не жил бы я лучше, раджа;
16. Твоё знание коней у меня осталось,
Его хочу передать, коль соизволишь, раджа.

17. Это сказав, Ритупарне передал знанье Нишадхец;
Охотно тот его принял, с надлежащим обрядом.
18. Знанье коней получив, царь Бхангасури, раджа,
Взяв другого возничего, возвратился в свой город.
19. Владыка народов, раджа Наль, после отбытия Ритупарны
В городе Кундине прожил не очень долгое время.

*Так гласит в святой "Махабхарате",
в книге "Лесная" 76 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

Глава XXVI

Брихадашва сказал:

1. Месяц прожив, Нишадхец с Бхимой простясь, Каунтея,
Взяв несколько слуг, из города вышел в нишадхскую землю.
2. На великолепной колеснице, с шестнадцатью слонами,
С шестьюстами пехотинцами, с пятьюдесятью конями,
3. В спешном движении, как бы колебля землю,
Быстро пришёл многомудрый, пылая сильным гневом.
4. Сын Вирасены, явясь к Пушкаре,
Сказал: “Снова сыграем, я много добыл богатства,
5. Дамаянти и всё, чем владею — вот залог мой!
Твой же, Пушкара, — царство!
6. Игра должна снова начаться; моё решение твёрдо!
За одно поставь в заклад, благо тебе, наши жизни.
7. Победивший получит сокровища, царство;
“Надо давать отыгаться”, — такой закон называется высшим.
8. Если ж играть не желаешь, спор пусть решит битва:
Смерть тебе, царь, или мне пусть принесёт поединок!
9. Наследное царство подобает вернуть непременно,
Средством любым — так заповедали предки.
10. Ныне один из нас задуманное осуществит, Пушкара:
Или в кости игра, иль стрела в сраженьи!”
11. Такие слова Нишадхца с улыбкой Пушкара слушал,
Считая свою победу верной, ответил владыке народа:
12. “Хорошо, что богатства добыл ты для игры, Нишадхец!
Хорошо, что для Дамаянти кончается тяжкая доля!
13. Хорошо, да живёшь ты, мощный, и жена твоя, раджа,
Мне теперь принесёт игра с этим богатством и Бхайми!
14. Ясно: в выигранных мной убранствах она предо мной
предстанет, как в небе апсара пред Шакрой*!
Постоянно её вспоминая, ждал я тебя, Нишадхец;
15. Не было радости мне в игре с друзьями;
Безупречно-прекрасную Дамаянти выиграв ныне,
16. Я останусь доволен; в сердце она у меня постоянно”.
За эти длинные речи, неразумно пустые

17. Голову ему отсечь мечом хотел Наль в гневе;
Очи царя покраснели, гневно смеясь, он промолвил:
18. “Полно болтать, сыграем, а проиграв, ты умолкнешь!”
Тогда началась игра Пушкары и Наля.
19. Сразу же, с первой игры витязь Наль одержал победу:
Выиграл весь заклад, вернул все богатства.
20. Победив Пушкару, раджа сказал ему насмехаясь:
“Враг побеждён! Я полностью царством владею.
21. На Видарбхийку ты и смотреть не смеешь, лишённый царства;
Безумец, служить ты ей вместе с рабами будешь!
22. Не твоя вина, впрочем, что был побеждён я раньше;
Устроил всё Кали, ты же, глупый, того не ведал.
23. Не обращаю на тебя никогда другим возбуждённого гнева,
Живи, как хочешь, я тебе жизнь дарую!
24. Отдаю тебе также всю твою долю наследства;
Я к тебе расположен, не сомневайся, витязь!
25. Моя дружба с тобой пусть нерушимой будет!
Пушкара, ведь ты мой брат, сто лет живи счастливо!”
26. Так истинно-мощный Наль утешил брата,
Обнял его многократно и отпустил в его город.
27. Тогда, утешенный Нишадхцем, отвечал Пушкара
Достохвальному, руки сложив, склонясь, раджа:
28. “Вечная слава тебе, тысячи лет живи счастливо!
Ты мне жизнь даровал и город, владыка!”
29. Как почётный гость провёл он месяц у раджи
И радостно направился Пушкара со свитой в свой город,
30. Со многими домочадцами, с большим войском,
Красотой сияя, как солнце, мощный владыка.
31. Раджа вошёл, отпустив Пушкару, в богатый, цветущий
Счастливый, разукрашенный город;
32. Войдя, горожан утешил, владыка нишадхцев.
33. Жители города, сёл были потрясены восторгом,
Руки сложив, говорили во главе со старшим советником люди:
34. “Счастливы мы сегодня в городе, в сёлах, раджа,
Пришли тебя снова почтить, как мощного, светлого бога!”
35. Успокоив, одарив Пушкару, празднества закончив, раджа,
Радостно, с большим войском, привёл к себе Дамаянти.
36. Отец Дамаянти, великодушный Бхима, врагов победитель,
Отпустил её, врагов утрашитель, с почётом.

37. Когда вместе с детьми прибыла Видарбхийка,
Блаженствовал Наль, как в Нандане* богов владыка.

38. Славу стяжав в Джамбудвипе меж раджей,
Снова владел преславный возвращённым царством,
Многие щедрые жертвы творил согласно обрядам.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 77 глава*

ПОВЕСТЬ О НАЛЕ

ЗАКОНЧЕНО СКАЗАНИЕ О НАЛЕ

ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

(Махабхарата, III, гл. 293 – 299, шл. 16520 – 16816)

Глава I

Маркандея* сказал:

1. Юдхиштхира, слушай о женщине, царь, причастной великой доле,
О всём, чего достигла дочь раджи Савитри.
2. Был у мадров владыка — великодушный и правосудный,
Благочестивый защитник, воистину преданный, сдержанный в чувствах;
3. Творил жертвы, был щедр, удачлив, горожан и селян был другом.
Имя царя — Ашвапати*; он радел о всеобщем благе.
4. Терпеливый, укротивший чувства, правдивый был он бездетен;
Достигнув преклонных лет, умерщвлению плоти предавшись,
5. Ради рожденья потомства тяжкие соблюдая обеты*;
В сроки трапезы ел очень мало, смирял целомудренно чувства.
6. Лучший из раджей, принёс он сто тысяч* жертв богине Савитри*;
Ел только раз в двое суток*, и то не досыта.
7. Так восемнадцать лет этих держался обетов;
Когда же истекло восемнадцать лет, удовлетворилась Савитри.
8. Она, воплотясь, явилась тому владыке, раджа,
Из священного пламени встала, полна ликованием великим;
Такое промолвила слово, дар предлагая владыке.

Савитри сказал:

9. Чистотой твёрдого целомудрия, (строгим) обетом, дарами,
Благоговеньем духовным твоим я осталась довольна.
10. Любой дар выбирай, Ашвапати, мадров раджа,
Чтоб не свершить упущенья в законах*.

Ашвапати сказал:

11. Ради потомства я эти обеты предпринял, закон соблюдая,
Пусть у меня сыновей будет много, богиня, продолжателей рода.
12. Если ты мной довольна, богиня, я этот дар избираю:
Высший закон есть продление рода — так мне сказали брамины.

Савитри сказала:

13. Зная, заранее, раджа, такое твоё желанье,
Я о детях твоих просила Великого Предка*.
14. Поэтому милость тебе Самосуций* ниспосылает на землю:
Лучезарно-прекрасная, милая дочь у тебя скоро будет.

15. Лучшего* нет ничего, что тебе возвестить могла бы;
Я даром Предка довольна, о нём и тебе сообщаю.

Маркандея сказал:

16. Тогда, вняв словам Савитри, владыка
Снова воззвал: “Пусть это скоро свершится”.
17. Когда же исчезла Савитри, раджа в свой город вернулся;
Доблестный, он пребывал в своём царстве, правя народом по правде.
18. Когда же настало время, тот раджа, твёрдый в обетах,
Добродетельный, главной своей жены* оплодотворил утробу.
19. Дочери царский зародыш рос непрестанно в Малавыи
Так в светлую пору (месяца) растёт повелитель звёзд* в поднебесье.
20. Лотосоокою дочь в срок родила царица;
В радости жертвы приносит превосходный владыка.
21. В честь богини Савитри, в силу обетов пославшей милость,
Отец и брамины “Савитри” (девочку) эту назвали.
22. Как воплощённая Шри, царская дочь возрастала
И зрелой девушкой стала в (надлежащее) время.
23. Широкобёдрую* деву, стройную, как изваянье золотое,
Встречая, все помышляли: “Это богиня!”
24. Но, как бы сиявшую красотой, лотосоокою деву
Сватать никто не решался, блеском её поражённый.
25. Тогда к богу она прибегла: пост соблюдала, омылась, главу умастила,
Жертвуя Агни как должно, браминов молиться просила*.
26. Взяв цветы, что после обряда остались, к отцу великому (радже)
Она подошла, с богиней Шри красотой равняясь.
27. Передав остатки жертвы, отцу поклонилась в ноги;
Руки сложив, широкобёдрая стала близ раджи.
28. На свою дочь созревшую, прекрасную как богиня,
Незаручённую мужу, царь посмотрел печально.

Раджа сказал:

29. Замуж пора тебе, дочка, сваты же ко мне не приходят;
По достоинствам равного сама поищи* себе мужа.
30. Ты сообщишь мне, кто человек тот желанный,
Я же, обдумав твой выбор, выдам тебя по желанью.
31. Внимал я тому, чему в книгах закона дваждырождённые учат;
Хорошая, выслушай также мне изреченное слово:
32. Отец, (дочь) неотдавший замуж; мужчина, в брак не вступивший;
Сын, мать-вдову не хранящий, — все порицанья достойны*.

33. Уразумев это слово, спеши на поиски мужа,
Сделай так, чтоб меня не постигло богов порицанье.

Маркандея сказал:

34. Дочери это сказав, велел он почтенным придворным и провожатым:
“Собирайтесь скорее в дорогу!” — так торопил их.

35. Смиренная застыдилась, слову отца повинуюсь,
В ноги ему поклонилась, без колебания вышла.

36. На золотой колеснице, в сопровождении знатных придворных,
Двинулась в мирные пущи, обители царственных риши*.

37. Там досточтимым старцам поклоненье она свершила,
Все пущи одну за другой обошла царица.

38. Милостыню раздавала в разных священных купальнях;
Лучших из дваждырождённых во всей стране посетила.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 293 глава*

ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Глава II

Маркандея сказал:

1. Затем раджа, владыка мадров, встретился с Нарадой*,
В царских покоях они сидели, беседуя, Бхарата.
2. Тогда, посетив все обители и (святые) криницы,
Савитри с придворными в отчий дом вернулась.
3. Увидев сидящих вместе отца и риши Нараду,
Прекрасная им обоим поклонилась в ноги.

Нарада сказал:

4. Царь, где была твоя дочь? Вернулась откуда?
И почему ты не выдашь девушку замуж?

Ашвапати сказал:

5. За этим делом и посылал я дочь, теперь она вернулась;
От неё самой услышь, дэвариши, кого она избрала супругом.

Маркандея сказал:

6. “Всё расскажи подробно”, — прекрасную отец подбодрил,
Она же так отвечала, слову отца повинуюсь.

Савитри сказала:

7. “В шалвской земле был властитель, благочестивый кшатрий*,”
Звали его Дьюматсена*; он зрения лишился.
8. У мудреца слепого сын был ещё младенцем,
Давнишний враг, соседний раджа, царство отнял у калеки.
9. Вместе с женой и младенцем раджа отправился в пущу* и среди густого леса
Подвигам стал предаваться, держался великих обетов.
10. Его рождённый в городе сын в скиту отшельников вырос.
“Сатьяван прекрасный будет мне мужем”, — я сердцем избрала.

Нарада сказал:

11. Увы, увy, владыка, большую беду по незнанию
Савитри совершила, доблестного Сатьявана выбрав.
12. Отец его правду любит, матушка тоже правдива,
Вот почему брамины сына назвали “Правдивый”*.
13. Он с детства любил лошадей, лепил их из глины,
Потом раскрашивал пёстро и прозван за это “Читрашва”*.

Раджа сказал:

14. Но ведь теперь он могучий, благоразумный княжич,
Сатьяван, стойкий витязь, отца любимец?

Нарада сказал:

15. Как Вивасван* он могуч, равен умом Брихаспати*,
Мужеством Индре подобен и как земля он вынослив.

Ашвапати сказал:

16. А щедр ил Сатьяван, благочестив ли княжич?
Благороден ли видом? Красив ли собой? Приятен?

Нарада сказал:

17. Щедростью он Рангидэве*, рода Санкрити равен, поскольку возможно,
Благочестив и правдив как Шиби*, сын Ушинары.

18. Благородством Яяти* подобен, приятен собой как Сома*,
Красотой же подобен Ашвинам*, могучий сын Дьюматсены.

19. Щедр, правдив и кроток витязь, сдержан в чувствах,
Дружелюбен, твёрд, величав, послушен,

20. Всегда прямодушен, стойкость его нерушима;
Словом, подвижники старцы его считают наилучшего нрава.

Ашвапати сказал:

21. О всех его достоинствах и красоте ты рассказал мне, чтимый,
Теперь и его пороки, если такие в нём есть, назови мне.

Нарада сказал:

22. Есть в нём один порок, все достоинства он затемняет,
Даже большое усилие его устранить не может.

23. Есть в нём один порок и нет у него другого: с этого дня год минует
И Сатьяван кратковечный с телом свершит расставанье*.

Раджа сказал:

24. Ступай же Савитри, иди, прекрасная, избери другого,
Этот один недостаток огромный все достоинства превозмогает.

25. Как мне поведал владыка, богоугодный Нарада,
Княжич недолговечный через год с телом свершит расставанье.

Савитри сказала:

26. Раз выпадает жребий; раз идёт девушка замуж;
Раз обещал ты: “Я выдам”, — эти три лишь однажды бывают.

27. Долговечный иль кратковечный, полный достоинств, без них ли,
Раз мною избран супруг, дважды искать я не буду.

28. Сделанный сердцем выбор выразить нужно словами,
И завершить подобает делом. Мерой мне сердце служит.

Нарада сказал:

29. Муж превосходный, разумом стойка твоя дочь Савитри,
Никак нельзя её отвращать от долга.

30. Здесь нет (человека) достоинством равного Сатьявану,
А потому одобряю брак твоей дочери, раджа.

Ашвапати сказал:

31. Без колебаний, владыка, ты изрёк это слово;
Выполню всё, досточтимый, ведь ты мой учитель.

Нарада сказал:

32. Пусть беспрепятственно выйдет Савитри, дочь твоя, замуж;
Я же теперь удалюсь, мир с вами всеми да будет!

Маркандея сказал:

33. Это промолвив, вознёсся к третьему небу Нарада*,
А царь стал готовить своей дочери свадьбу.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 294 глава*

ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Глава III

Маркандея сказал:

1. Дочь выдавая, раджа обдумал в подробностях свадьбу,
Всё приготовил, как должно, всякую брачную утварь.
2. Старейших из браминов знатоков обряда и всех жрецов-пурохитов*
В счастливый день* созвав, он с дочерью вышел в дорогу.
3. Священной пущи достигнув, обители Дьюматсены,
Пеший*, с браминами вместе к риши царю подошёл тот властитель;
4. Там увидал превосходного: прислонясь к стволу (дерева) шала*,
На подстилке из куша-травы* сидел ослепший раджа.
5. Царь приветствовал риши, как подобает, с почтеньем,
Особенно скромной речью весть о себе подавая.
6. Дхармы знаток сперва предложил сиденье, спросил о дороге,
Затем: “С чем пожаловал, раджа?” — так обратился к гостю.
7. Намеренье дочери, твёрдое её решенье,
На Сатьявана взирая, поведал подробно раджа.

Ашвапати сказал:

8. Эта красавица — дочь моя, имя её Савитри, риши,
Невесткой её по закону прими от меня, знаток закона.

Дьюматсена сказал:

9. Ведь лишённые царства, в лесу укрываясь,
Закон подвижников мы выполняем смиренно;
Как, иного достойная, будет жить твоя дочь
В лесных скитах, подвергаясь лишениям?

Ашвапати сказал:

10. Непостоянство несчастья и счастья
Умею постигнуть и дочь моя также.
Подобных речей мне говорить не нужно,
Я с твёрдым решеньем пришёл к тебе, раджа.
11. Не убивай надежды у просящего друга:
Ты отказать не должен приходящим с любовью, без страха.
12. Ведь мы достойны друг друга и следует нам породниться;
Прими мою дочь в невестки, доброй женой Сатьявану.

Дьюматсена сказал:

13. С тобой породниться некогда я добивался,
“Но я лишён царства”, — сказал; это меня удержало.

14. Такое твоё начинанье, давно желанное мною,
Да совершится, будь ныне моим гостем желанным.

Маркандея сказал:

15. Тогда, созвав всех браминов, находившихся в пуще,
Оба царя совершили свадьбу согласно обрядам.
16. Выдав дочь, оставив приданое, как подобает,
Ашвапати вернулся домой, преисполнен великим счастьем.
17. И Сатьяван был рад, получив одарённую всем хорошим супругу,
Она ж была рада, добившись сердцем желанного мужа.
18. После ухода отца, сняв все украшения,
Платье из грубой мочалы* бурого цвета надела.
19. Свойствами всеми своими: покорностью и смиреньем,
Услужливостью, исполнительностью — она всем угодила.
20. Изготовленьем одежды и другой работой, личным почтеньем к свекрови,
Свекру, богов почитаньем, сдержанной, скромной речью,
21. Кротостью, ловкостью, ласковым словом,
Наедине услуженьем — вполне угодила супругу.
22. Так проживала она с ним, благим, в той пуще;
Время в трудах проходило, срок приближался, Бхарата.
23. В скорбном сердце Савитри ночью и днём раздаётся
(Вещее) слово Нарады, в мыслях оно непрестанно.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 295 глава*

ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Глава IV

Маркандея сказал:

1. Когда уж немалое время протекло постепенно,
Приблизился срок Сатьявану, час его смертный, раджа.
2. Савитри день ото дня времени ход отмечает,
В сердце её непрестанно звучат слова Нарады;
3. “Четверо суток ещё и умрёт он”, — томимая этой думой,
Почтенная выполнить хочет стоянье, ночью и днём — трое суток.
4. Узнав о её решеньи, царь весьма огорчился;
Встав, обратился к Савитри с ласковым словом.

Дьюматсена сказал:

5. Царевна, чрезмерно тяжкий ты задумала подвиг,
Стоянье ночью и днём слишком мучительным будет.

Савитри сказала:

6. Не тревожься, отец мой, я только обет выполняю;
В сердце он произнесен твёрдо, надо твёрдо его исполнить.

Дьюматсена сказал:

7. Если ты связана словом, то я не могу перечить:
“Исполни решенье”, — так посоветует каждый тебе в этом деле.

Маркандея сказал:

8. Это сказав, Дьюматсена умолк, премудрый.
Савитри, совершая стоянье, остолбеневшей казалась.
9. Настало утро — канун кончины её супруга.
Объятая скорбью она стояла; и ночь протекла, тур-Бхарата.
10. “Ныне тот день”, — так помыслив, пламя насытила жертвой,
В срок, по восходе солнца, утренние совершила обряды,
11. Затем к дваждырождённым старцам, к свекру, свекрови
Обратясь поочерёдно, смиренная стала, сложив молитвенно руки.
12. Для предотвращения вдовства за Савитри благие молитвы
Произнесли все подвижники, обитатели скита.
13. Погрузясь в размышленье, “Да будет так!” — (повторяла) Савитри,
Голосам подвижников сосредоточенной мыслью внимая.
14. Срока того мгновенья ожидает царевна,
В тяжкой тоске размышляя о словах Нарады.

15. Тогда свекровь и свекор к одиноко стоящей царевне
Обратились с ласковой речью, превосходный Бхарата;

16. “Вот, тобой данный обет ты до конца совершила;
Настало время трапезы, приступай к ней скорее!”

Савитри сказала:

17. “Только как солнце домой вернётся, по исполненьи желанья,
Пищу приму, так я в сердце решила: это решенье исполню!”

Маркандея сказал:

18. Так отказалась Савитри от пищи; пока говорила,
Подошёл Сатьяван с топором на плече, он в лес собирался.

19. Савитри сказала супругу: “Один уходить изволишь,
Я пойду вместе с тобой, не могу тебя покинуть!”

Сатьяван сказал:

20. “В лес не ходила ты раньше, а путь утомителен будет;
Тяжким постом изнурясь, как ты пройти его сможешь?”

Савитри сказала:

21. “Не изнурил меня пост, не утомилась я вовсе,
Идти я в силах, не чини мне препятствий!”

Сатьяван сказал:

22. Если ты в силах идти, исполню твоё желанье,
Только спроси родителей, чтоб не свершить мне ошибки.

Маркандея сказал:

23. Твёрдая в данных обетах, поклонясь свекру, свекрови,
Молвила: “В гущу леса плоды собирать мой супруг уходит.

24. Прошу дозволенья пойти, досточтимые свекровь и свекор,
Сегодня мне с ним невыносима разлука!

25. Для принесения жертвы чтимому Агни отправляется сын ваш,
Его удержать бы надо, если б иная была причина ухода в пущу.

26. Уже почти год я не покидала обитель,
Цветущий лес мне очень хотелось бы видеть”.

Дьюматсена сказал:

27. С тех пор, как Савитри дана мне отцом в невестки,
Помнится, она к нам с просьбой не обращалась ни разу:

28. Пусть же, невестка, исполнится это твоё желанье;
И позаботься, дочь, о муже твоём, Сатьяване.

Маркандея сказал:

29. Так с разрешенья обоих, преславная пошла за мужем,
Как будто б с улыбкой, а в сердце со жгучей болью.

30. Многоцветные, во всём приятные рощи она увидала,
В них за стадами павлинов широкоокая следила;
31. “Как чисты речные воды! Как прекрасны цветы, деревья,
Взгляни, Савитри!” — Сатьяван ей ласковым голосом молвил.
32. Вполне безупречная, взирая на мужа, мёртвым его представляла,
Вспоминая о сроке, предсказанном мудрым Нарадой.
33. Вслед за супругом шла она поступью мягкой,
Сердце ж её разрывалось, срок роковой ожидая.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 296 глава*

ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Глава V

Маркандея сказал:

1. Затем вместе с женой стал плоды собирать отважный (витязь):
Подсекая деревья, наполнял корзину.
2. Когда он рубил дрова, пот у него появился,
От напряжённой работы голова разболелась.
Изнурённый трудом, к милой жене подойдя, (ей) молвил:

Сатьяван сказал:

3. “Болит у меня голова от этой тяжёлой работы,
Все разломило суставы, будто горит моё сердце, Савитри;
4. О, молчаливая, кажется мне — нездоров я,
В голову будто дротик вонзился;
Мне хочется спать, хорошая, нет сил на ногах держаться”.
5. К нему подошла Савитри, приблизилась к мужу,
И, опустившись на землю, его голову взяла на колени.
6. О (слове) Нарады подвижница размышляла;
День, час, минута, мгновенье в точности совпадали.
7. В тот самый миг человека она увидела в багряной одежде,
Венчанного, великолепного, лучезарного, как солнце;
8. С верёвкой в руках, пепельно-бледный, огнеокий, страшный
Близ Сатьявана стоял он, на него взирая.
9. Увидев его, она вскочила, отстранив осторожно голову мужа;
Руки молитвенно сжав, с трепещущим сердцем ему сказала:
10. “По нечеловеческой красоте узнаю в тебе бога:
Благоволи сказать, владыка, кто ты и что хочешь делать?”

Яма сказал:

11. Ты предана мужу, Савитри, подвигом богата,
А потому ответчу: прекрасная, узнай во мне Яму*,
12. Кончена жизнь царевича Сатьявана, твоего супруга,
Связав, его унесу; знай, что намерен я сделать!

Савитри сказала:

13. Говорят, своих вестников ты посылаешь к людям, владыка,
Так почему ж, светозарный, его увести ты сам явился?

Маркандея сказал:

14. На эти слова разъяснил досконально чтимый владыка предков,
Из благоволения к ней всё, что желал совершить он.
15. “Муж твой предан закону, доблестей всех преисполнен прекрасный;
Слугам моим его не водить, сам я за ним явился”.
16. Тогда, Сатьявана покорное тело связав верёвкой*,
Яма насильно извлёк из него мерою в палец душу.
17. Лишённый жизни, лишённый дыханья, красоты лишённый,
Безразлично застывший труп был неприятен видом.
Затем Яма, его связав, отправился к югу*.
18. Савитри, поражённая скорбью, пошла за Ямой,
Совершенно обет держащая, причастная великой доле, верная мужу.

Яма сказал:

19. Возвратись, Савитри, иди, соверши его погребенье;
Со смертью мужа ты свободна* от долга, ступай своей дорогой.

Савитри сказала:

20. Куда моего супруга уводят иль куда сам он уходит,
Туда и мне подобает идти — таков закон непреложный.
21. Ради подвига, благоговения к гуру и брачной любви обета,
И твоего милосердия ради — не преграждай мне дороги!
22. Зрящие основу мудрости семиступенной называют дружбу;
Первенство брака признав, внемли тому, что скажу я.
23. Познавшие Атмана в пущах
Блюдут закон, труды, обеты;
Мудрецы превозносят Дхарму,
Поэтому Дхарму признают наивысшим*.
24. По мысли благих, всем избрать подобает
Одного только долга дорогу;
Желать другого иль третьего не подобает,
Поэтому долг (дхарму) именуют наивысшим.

Яма сказал:

25. Вернись, я доволен твоими словами,
Их выраженьем, складом, звучаньем;
Так избери, безупречная, дар, какой хочешь,
Дам я любой, кроме жизни супруга.

Савитри сказала:

26. Ослепший мой свекор*, лишившийся царства,
Ушёл, как изгнанник, в лесную обитель;
Пусть мощному радже возвращено будет зренье
Твоим милосердием, солнцеподобный!

Яма сказал:

27. Я этот дар, безупречная, предоставлю:
Как ты сказала, пусть так и будет,
Но выглядишь ты утомлённой тяжёлой дорогой,
Вернись, уходи, не утруждай себя больше.

Савитри сказала:

28. Не знаю усталости возле супруга,
Путь мужа — мой путь неизменный;
Куда ты уносишь мужа, туда и я направляюсь;
Но внемли дальнейшим моим словам, богов владыка.

29. Общение с добрым — желанное благо,
“Наивысшая дружба” — так его именуют;
И встреча с благим человеком не может остаться бесплодной,
Поэтому к обществу добрых всем нужно стремиться.

Яма сказал:

30. Сказала ты слово, что сердце смягчает,
Оно справедливо, разумно и возвышает душу;
Царевна, прими второй дар, какой хочешь,
Только не жизнь Сатьявана.

Савитри сказала:

31. Пусть раньше отнятое царство,
Владыка, мудрый мой свекор получит обратно,
Но так, чтобы этим почтенный не нарушил правды;
Второй этот дар у тебя выбираю.

Яма сказал:

32. Царь скоро вернёт своё царство
И тем не нарушит правды;
Желанье твоё я исполнил, царевна,
Иди, возвращайся, не утруждай себя больше.

Савитри сказала:

33. Тобой укрощаются все поколения,
Покорив, ты их властно уводишь;
Тебя “Укротитель” назвали за это,
Внемли, владыка, словам мной пропетым.

34. Невреждение всем существам помыслом, словом, делом,
Приветливость щедрость — это благих нерушимая правда.

35. Много людей на свете, их силы различны, но только
благие равно милосердны к недругу—другу.

Яма сказал:

36. Как при страданьи от жажды приятен напиток,
Так приятно тобой сложенное слово.
Избери, прекрасная, третий дар, какой хочешь,
Но не жизнь Сатьявана.

Савитри сказала:

37. Владыка земли, мой отец бездетен,
Сто кровных сыновей пусть родит он,
Да совершится продление рода;
Этот третий твой дар выбираю.

Яма сказал:

38. Прекрасная, у отца твоего пусть будет
Сто славных сынов для продления рода;
Желанье твоё я исполню, царевна,
Так возвращайся, далёкий путь ты избрала!

Савитри сказала:

39. Мне путь недалёк близ супруга,
И сердце моё устремляется в дали;
Теперь я продолжу начатое слово,
Что дальше скажу, послушай, владыка:
40. Ты сын Вивасвана, величия полный,
Мудрецы Вайвасвантом тебя именуют,
Все существа соблюдают единую правду,
И тебя называют — “Владыка правды”.
41. Выше доверья, чем к добрым, в нашей душе не бывает;
Вот почему все стремятся к расположению добрых.
42. Вызывает доверье ко всем существам дружба,
И потому так охотно к добрым доверчивы люди.

Яма сказал:

43. Речей, подобных твоим, прекрасная,
Слышать мне не случилось где-либо, я ими доволен:
Четвёртый мой дар, но не жизнь Сатьявана,
Выбери снова и возвращайся.

Савитри сказала:

44. Пусть кровных детей я рожу Сатьявану,
Пусть род наш продлится!
Дай сто сыновей мне отважных, могучих —
Этот четвёртый твой дар выбираю.

Яма сказал:

45. Сто сыновей ты родишь, отважных, могучих,
Тебя силой своей они радовать будут,
Вернись, не утруждайся чрезмерно, царевна,
Слишком далёкий путь ты избрала.

Савитри сказала:

46. Вечная дхарма — путь жизненный добрых,
Не унывают благие, не поддаются сомнению.

Общение с добрым плод добрый приносит,
Добрый не вызовет в добром боязни.

47. Истине добрых и солнце покорно,
Земля стоит подвигом добрых,
Добрые — путь всех существ и начало,
Между благими не погибнут благие, владыка.
48. Арьям приятен такой образ жизни, он вечен;
К великой цели стремясь, добрый не ищет награды.
49. Но в людях любовь живёт не напрасно;
Вознаграждение и честь не погибнут.
Это у добрых закон неизменный,
Добрый всегда готов стать на защиту.

Яма сказал:

50. Чем лучше ты Дхарме слагаешь хваленье,
Прекрасное, мерное, светлое слово,
Тем лучший мой дар выбирай последний,
В силу твоей любви, верная мужу!

Савитри сказала:

51. Благое даянье твоё безусловно,
Условными прежние были дары, милостивец,
Жизнь Сатьявана, как дар выбираю!
Я ведь как мёртвая без супруга.
52. Без мужа мне счастья не надо,
Без мужа не надо света,
Не надо радости мне без супруга,
Я жить не хочу, утратив мужа.
53. Сто сыновей мне в дар обещал ты,
И, обещав, уводишь супруга?
Жизнь Сатьявана, как дар выбираю,
Тогда лишь исполнится твоё слово, могучий!

Маркандея сказал:

54. Выслушав это, узы расторг сын Солнца, Яма;
Радостно владыка Закона к Савитри так обратился:
55. Мир тебе, муж твой свободен, о рода надежда, иди же,
Здоровым его уводи, он будет счастлив.
56. Вы проживёте вместе четыре столетья*,
Правдой и жертвами он в этом мире заслужит славу.
57. От Сатьявана сто сыновей у тебя родятся,
Все эти витязи-раджи будут иметь сынов, внуков,
58. Будут носить твоё имя роды, и роды продлятся.
У твоей матери сто сыновей от отца твоего родится:

59. “Малавья” зовётся их мать, они ж назовутся малавцы* в сынах, внуках;
Будут подобны тридцати богам* кшатрии, твои братья”.
60. Предоставив эти дары, пресветлый владыка закона
Отпустил Сатьявана и в своё царство вернулся.
61. Яма ушёл, а Савитри, вымолив мужа,
К тому месту пошла, где брненное тело супруга лежало.
62. Увидев его долу, она подошла, обняла супруга,
К себе на колени взяла его голову, сев подле на землю.
63. Вновь получив сознание, он обратился к Савитри,
Взирая с любовью всё снова и снова, как после долгой разлуки.

Сатьяван сказал:

64. Ах, очень долго я спал, ты почему не будила?
Где тот чёрный* человек, что меня увлекал куда-то?

Савитри сказала:

65. Долго ты спал, могучий, здесь у меня на коленях.
Сюда приходил досточтимый дэва, людей укротитель Яма.
66. Ты отдохнул, счастливый, проснулся, царевич,
Погляди, наступает ночь, встань, если можешь.

Маркандея сказал:

67. Когда вернулось сознание, как после крепкого сна Сатьяван поднялся,
По сторонам огляделся, дебри окинул взором.

Сатьяван сказал:

68. Я в лес за плодами пошёл, прекрасная, с тобою вместе;
Потом, когда рубил дрова, у меня голова разболелась.
69. Измученный головной болью, я на ногах не держался
И на твоих коленях уснул, прекрасная, так вспоминаю.
70. Ты обняла, и сознание в глубокий сон погрузилось;
Во тьме очутясь, я увидал исполина;
71. Если его ты узнала, стройная, кто он? — скажи мне!
Или во сне я то видел, иль наяву это было?
72. Ему отвечала Савитри: “Ночь наступает,
Завтра тебе расскажу всё по порядку, царевич.
73. Мир тебе, бодро вставай, вспомни родителей, верный,
Ночь наступила и скрылся Владыка света.
74. Вылазит ночная нежить, страшная чарами злыми,
Слышно шуршание листьев, звери в лесу шевелятся.
75. Завыли на юго-запад* ужасные, злые шакалы;
Они своим воем тяжко мне сердце тревожат”.

Сатьяван сказал:

76. В ужасном лесу, окутанном тьмою,
Ты не найдёшь дороги, идти не будешь в силах.

Савитри сказала:

77. Я нынче видала зажжённый пень в этой пуще,
Только ветер подует — появляется пламя местами;

78. Сюда принесу огонь и разожгу повсюду;
Вот здесь есть деревья, отбрось кручину!

79. Если не можешь идти, значит ещё ты болен,
В лесу окутанном тьмою, ты не найдёшь дороги.

80. Если позволишь, мы утром пойдём, когда лес озарится,
Переночуем же тут, безупречный, если тебе угодно.

Сатьяван сказал:

81. Унялась головная боль, тело моё здорово,
Мать и отца хочу видеть, ты мне идти поможешь.

82. Ведь никогда на ночь глядя не уходил я из дома,
Мать, только вечер наступит, мне отлучаться не позволяет,

83. Если уйду, даже и днём, родители оба в тревоге,
В сопровожденьи пустынников ищет меня отец всюду.

84. И прежде отец мой и мать не раз в большой тревоге
Так меня упрекали: “Как часто приходишь ты слишком поздно!”

85. Подумай, из-за меня, что они терпят сегодня!
Тяжко скорбеть они будут, если меня не увидят.

86. Старики говорили и раньше, по ночам надо мной склоняясь,
Острой тревогой томимы, подвижны нежной любовью:

87. “Тебя лишаюсь, сынок, не проживём и мгновенья,
Сколько, сынок, проживёшь, столько и мы будем живы.

88. Старцев слепых ты зренье, держится род наш тобою,
В тебе — наши жертвы, слава, продление рода”.

89. Мать уж стара, и отец мой; я опора для них, конечно.

90. Я на свой сон негодную: из-за него мой родитель
И кроткая мать обо мне в такой сильной тревоге.

91. Я также охвачен тревогой, томлюсь тяжким горем:
Невмоготу мне жить, мать и отца утратив!

92. Ясно, слепой мой отец охвачен тревогой
И поминутно отшельников он обо мне вопрошает.

93. Не о себе сокрушаюсь, прекрасная, об отце горюю
И матери дряхлой, вслед за супругом идущей.

94. Из-за меня они ныне так жестоко страдают;
Их жизнью живу, они же моей существуют.
Я постоянно их радовать должен, хорошо это знаю.

Маркандея сказал:

95. Так праведный говорил, чтущий родителей, ими любимый,
Он громко рыдал, руки закинув в печали.

96. Видя горе, страдание мужа, с очей вытирая слёзы,
Подвижница Савитри утешать его стала.

97. “Если подвиг я совершила, если жертвы, дары приносила,
Свекор и свекровь этой ночью счастливы будут.

98. Помню, неправды, даже случайно не говорила я прежде:
Наших родителей пусть эта правда поддержит!”

Сатьяван сказал:

99. Видеть родных желаю, в путь торопись, Савитри,
Если мать и отца в несчастьи увижу,
Широкобёдрая, жить не стану, с собой покончу.

100. Если ты долгу покорна, если ты хочешь, чтоб жил я,
Если хочешь мне сделать радость — вернёмся в обитель.

Маркандея сказал:

101. Тогда, заплетши косы, красавица Савитри встала,
Супругу помогла подняться, поддержала за плечи.

102. Встал Сатьяван, растирая руками суставы,
По сторонам оглянувшись, посмотрел на корзину;

103. Савитри ему возразила: “Завтра придёшь за плодами.
Для безопасности всё же этот топор захвачу я”.

104. К склоненным ветвям подвесив корзину с грузом,
Топор захватив, в обратный путь пошла близ мужа.

105. Себе на плечо положила левую руку супруга,
Правой его обнимая, тихо, как слон, выступая.

Сатьяван сказал:

106. “Робкая, путь мне знаком, здесь проходил я часто,
Вижу сиянье луны между ветвями деревьев.

107. Этой дорогой мы проходили вместе, плоды собирая,
Возвращайся, прекрасная, тем же путём, иди, не сбиваясь.

108. В гуще этих кустов раздвоится наша тропинка,
Той, что на север иди, торопись же.

109. Я бодр и здоров, очень хочу родителей видеть”.
Так говоря, он спешил, направляясь в обитель.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 297 глава*

ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Глава VI

Маркандея сказал:

1. В это самое время просветлели очи могучего Дьюматсены;
Получив зренье, он всё стал видеть.
2. Обошёл обитель вместе с женою Шайбьей;
В тяжкой тревоге за сына, лучший Бхарата,
3. Пустынь, лес, реку, озёра они обыскали;
Вместе скитались муж и жена этой ночью.
4. Случайный ли шум раздастся — слушают, с мыслью о сыне:
“Вот идут Сатьяван и Савитри!” — так они восклицали.
5. Камыш им изранил ноги, оба забрызганы кровью,
Оба в колючих занозах, как обезумели оба.
6. Тогда, истомлённых, брамины, что обитали в пуще,
Привели в обитель, обступив утешали.
7. Здесь тот царь вместе с супругой, в кругу благочестивых старцев,
Внимал назиданиям разным, преданьям о древних раджах.
8. Успокоились старцы немного, сына мечтая увидеть,
Сильно скорбя вспоминали случаи из его детства.
9. И жалобно снова они восклицали, мучимые горем:
“Милый наш сын, скажи нам — где ты? О где же ты!” — рыдали.

Брамин Суварча сказал:

10. Жив Сатьяван, в том порукой благочестье, смиренье,
Подвиг духовный Савитри, его супруги.

Гаутама сказал:

11. Изучением Вед и Веданты, умерщвлением плоти я накопил заслуги,
В честь Агни и гуру с юности нёс воздержанье.
12. Строго хранил обеты, строгий пост соблюдая,
Воздухом только питался по предписанью закона,
13. В силу заслуг моих многих я обладаю прозреньем —
Постигните эту правду: в живых Сатьяван остался!

Ученик сказал:

14. Что мой наставник изрёк — всегда сбудется точно,
Не ошибался он раньше: жив Сатьяван этой правдой!

Риши сказали:

15. В силу того, что Савитри носит все лучшие знаки,
Останется жить Сатьяван, не предстоит овдоветь ей.

Бхарадваджа сказал:

16. Жив Сатьяван, в том порукой благочестье, смиренье,
Подвиг духовный Савитри, его супруги.

Далбхья сказал:

17. Как ты прозрел, как Савитри верно обет свой сдержала,
Пост соблюла, так верно, что жить Сатьяван остался.

Анастамба сказал:

18. Спокойны стороны неба, звери и птицы вещуют
Царственный рок тебе, раджа, значит жить Сатьяван остался!

Дхаумья сказал:

19. Добрыми свойствами сын твой, друг всех людей, обладает,
Знак долголетия он носит, значит он жить остался.

Маркандея сказал:

20. Утешен отшельников правдой, успокоясь немного,
Царь стал искать причину, задержавшую сына.
21. Вдруг Сатьяван появился, с ним и его супруга,
Ночью придя в обитель, радостно они явились.

Брамины сказали:

22. Царь, ты встретился с сыном, он тебя зрячим видит,
О всём происшедшем мы вас вопрошаем, раджа.
23. Сын твой вернулся, ты снова видишь Савитри,
И получил прозренья — ты вознесён тройным счастьем.
24. Что мы тут все сказали, сбудется без сомненья,
Скоро всё больше и больше будет расти твоё счастье.

Маркандея сказал:

25. Дваждырождённые там огонь разожгли,
Почтив Дьюматсену как махараджу, Партха.
26. Подле стояла Шайбья, с ней Сатьяван и Савитри,
По их приглашенью все беспечально уселись;
27. Сидя кругом возле раджи, пустынники начали, Партха,
С большим, живым участием расспрашивать царского сына.

Риши сказали:

28. Отчего ты с женой не явился раньше, владыка?
Отчего только ночью ты возвратился? Чем был задержан?

29. Мать и отец исстрадались, и мы с ними вместе, царевич;
Знать бы хотелось причину, благоволи рассказать нам.

Сатьяван сказал:

30. Я, с дозволения отца, ушёл вместе с Савитри;
Когда рубил деревья в лесу, у меня голова разболелась.

31. От этой болезни я, кажется, спал очень долго,
Так длительно спать мне никогда не случалось раньше.

32. Достопочтенные, верьте, — горе нас всех да минует —
Только в этом причина, что я вернулся так поздно ночью.

Гаутама сказал:

33. А по какой причине прозрел Дьюматсена, отец твой?
Если тебе неизвестно, быть может Савитри скажет?

34. Мы бы хотели послушать, ты происшедшее знаешь, Савитри,
Ведомо нам, что с богиней Савитри ты сходна блеском.

35. Ты здесь причина, так объясни всю правду,
Если какой-либо тайны ты не хранишь, расскажи нам.

Савитри сказала:

36. Выслушав ваше желанье, охотно исполню просьбу,
У меня никакой нет тайны, слушайте, как всё случилось:

37. Великий риши Нарада мне предсказал, что супруг мой
Нынче умрёт, и я сегодня не покидала мужа.

38. Только уснул он, как Яма и слуги его появились;
К праотцам мужа увлечь, крепко связав, хотел Яма.

39. Я восхвалила бога, правдивым словом владыку,
Он мне внимал и пять даров предоставил выбрать:

40. Вернул свекру зренье и царство — это два первых дара,
Сто сыновей дал отцу, я также сто сыновей получила:

41. Мужу и мне обещал он возраст четыре столетья,
Ведь ради спасения мужа я свой обет выполняла.

42. Вот я правдиво, подробно поведала вам причину,
Как превратилось в пресветлую радость моё великое горе.

Риши сказали:

43. В мрачной пучине, постигнутый горем,
Род властелина народа спасла ты,
О добронравная, верная мужу,
Правдивая, чистая, знатная родом!

Маркандея сказал:

44. Воздав так хвалу и почтение
Наилучшей из женщин, простились риши

С владыкой народов, с его царственным сыном
И радостно в кельи свои удалились.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 298 глава*

ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Глава VII

Маркандея сказал:

1. Когда миновала ночь, поднялся лик лучезарный солнца,
После свершенья обрядов вновь собрались старцы.
2. О большом счастье Савитри, о её великой доле
Они царю Дьюматсене не уставали твердить снова и снова.
3. Вдруг появились люди из шалвского царства, властитель;
Они сообщили, что враг тот убит своим придворным:
4. Советники же, узнав, что убит он вместе со свитой, с родными,
О случившемся извещают, а также о бегстве враждебного войска.
5. “Единослитно стремится мысль всех людей к владыке:
— Зрячий ли он, иль ослепший — пусть он царём нашим будет!
6. С эти им посланы и пред тобой явились, властитель.
Вот колесницы готовы и четырёхчленное войско.
7. Счастливо в путь собирайся, раджа; в городе все восклицают: победа!
Долго владей своим царством, древним отцовским наследьем!”
8. И увидав его зрячим, царственным и величавым,
Очи раскрыв в изумленьи, все пали на землю.
9. Раджа приветствовал старцев, пустынников пущи,
Ими почтённый, к городу путь свой направил.
10. Шайбья вместе с Савитри счастливо, на превосходной,
Влекомой людьми колеснице, двинулись вместе с войском.
11. Жрецы-пурохиты раджу благословили на царство;
Его великодушного сына юва-раджей* провозгласили брамины.
12. Ширилась слава Савитри долгое, долгое время:
Она сто сынов родила, витязей, вспять не глядящих в битве;
13. У неё были братья: сто благородных, прекрасных, могучих
Сыновей царицы Малавы от Ашвапати, владыки мадров.
14. Вот как себя, отца, мать, свекра, свекровь, мужа — род весь
Освободила Савитри от безысходных страданий.
15. Также спасёт Драупади, верная, добрая нравом*.
Всех вас подобно Савитри, свой род сохранившей.

Вайшампаяна сказал:

16. Великодушный сын Панду, утешенный этим рассказом,
Жил беспечально, спокойно, в дебрях Камьяки, раджа.
17. Кто превосходный рассказ о Савитри благоговейно прослушал,
Преуспевать во всём будет, его не коснётся несчастье*.

*Так гласит в святой “Махабхарате”,
в книге “Лесная” 299 глава*

ЗАКОНЧЕНО СКАЗАНИЕ
О ВЕЛИЧИИ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Примечания

СКАЗАНИЕ О НАЛЕ

Эпизод из “Махабхараты”, III, гл. 52–77, шл. 2073–3099.

ГЛАВА I

I — 1. “*Наль*” — в переводе принята привычная для русского уха транскрипция индийского имени “Нала”, означающего “тростник”. <Имя Вирасены означает «мощное войско».>

I — 3. “*Кости*” — в целиком хвалебной характеристике Наля страсть к игре в кости не выставляется как отрицательная черта, но лишь как необходимая для дальнейшего развития повести и характера героя.

< I — 4 . “*Ману*” — легендарный мудрец и законодатель Индии. Слово означает «мыслитель».>

< I — 6–9. *Даман* значит «укротитель»; имена детей Бхимы все происходят от одного корня и означают «укротитель» (*Дама*) и «укрощённый» (*Данта*). *Дамаянти* также значит «укротительница». Эти имена надо понимать в том смысле, что носящий их обладает способностью владеть собой, укрощать свои страсти. Способность самообладания очень высоко ценилась в эпической литературе. По буддийским легендам («Джатака») *Дамаянти* есть одно из предшествовавших воплощений Гаутамы Будды.>

< I — 13 . “*Шри*” (*Лакшми*) — богиня красоты. “*Якши*” — мифические существа, полубоги>

I — 15. “*Тигром*” — обычный эпический эпитет героя, выражающий не свирепость, а царственность, силу: в Индии тигр считается “царём джунглей” (ср. “Наль”, гл. 12). Эпитет “тигр” соответствует эпитету “лев” западной культуры.

< I — 15. “*Кандарпа*” — бог любви, соответствует греческому Купидону.>

I — 19. “*Фламинго*” — индийский гусь, птица, которую народная фантазия наделяет особыми чудесными качествами.

< I — 27. “*Ашвины*” — «Всадники» аналогичны греческим Близнецам-Диоскурам, олицетворение Вечера и Утра, боги красоты.>

< I — 29. “*Гандхарвы*” — мифические небесные музыканты. “*Ракшасы*” — демоны, злые духи, противники богов и героев.>

I — 29. “*Змиев*” — мифические существа, живущие под землёй в особом царстве; мудрецы и маги. О встрече Наля с таким существом повествует XIV глава поэмы.

ГЛАВА II

II — 1. “*Бхарата*” — обращение рассказчика к царевичу Юдхиштхире (см. комментарии). Это обращение не раз встречается в текстах поэм.

II — 9. “Мужа” — обычай явно матриархального происхождения. О подробностях повествует глава V.

< II — 14. “Нарада, Парвата” — мифические существа, учителя богов (дэварыши), часто фигурирующие в эпосе, особенно первый из них (ср. Савитри). Оба — излюбленные эпосом посредники между людьми и богами.>

< II — 15. “Магхава” — эпитет «царя богов», Индры. Индра — громовник, сражающийся с врагами света (тучами) и разъезжающий на белом слоне. Это — герой и кшатрия среднего неба, где находится его царство; некогда в ведический период, Индра играл выдающуюся роль, но в эпический период его значение уже сильно поколебалось.>

II — 17. “Губитель” — эпитет Индры; Бала и Вритра — демоны, олицетворение грозных туч.

< II — 18. “Корова желаний” — мифическая корова, исполняющая желания тех, кто попал в мир Индры.>

II — 19. “Гости” — кшатрии, с честью закончившие свою жизнь на поле брани, попадали в мир Индры, вот почему Индра называет их своими милыми гостями (ср. скандинавское верование в то, что викинги, с честью погибшие на поле брани, попадают в Валгалу, куда их уносят Валькирии, дочери Вотана).

< II — 20. “Шакра” — эпитет Индры; слово значит «мощный», «помощник».>

< II — 24. “Агни” — Огонь, один из главных богов индийского пантеона.>

II — 26. “На колесницах” — у каждого бога была своя колесница или верховное животное, символизирующее качество, потенции данного божества. Так “колесница” Индры — белый слон Айравата — символ мощи, опорности.

< II — 27. “Каунтея” — сын Кунти; обращение рассказчика к царевичу Юдхистхире. Бхарата есть родовое имя царевича по отцу, Каунтея — по матери. Оба имени широко употребляются в эпосе, что лишний раз свидетельствует о сохранности матриархата в ту пору.>

II — 28. “Равнине” — буквально на поверхности земли. <“Манматх” — бог любви (ср. прим. I, 15).>

ГЛАВА III

III — 1. “Сложив” — обычный молитвенный жест: руки сложены ладонями и согнуты в локтях.

III — 4. “Вод повелитель” — Варуна, одно из древнейших божеств индийского пантеона, очень чтимый в ранний ведический период; сначала — бог ясного неба и символизированной небом закономерности, потом, в эпоху эпоса — повелитель океана, отражающего небо.

< III — 4. “Яма” — владыка усопших; о нём подробно смотреть Савитри гл. V>

ГЛАВА IV

< IV — 9. “Владыка богов” — этот эпитет обычно относится к Индре; но здесь он отнесен к Агни.>

< IV — 10. “*Яма*” — владыка закона, правды, справедливости — все эти оттенки заключаются в слове «дхарма».>

< IV — 11. “*Дайти, данавы*” — мифические существа.>

IV — 31. “*Владыки*” — тридцать главных богов индийского пантеона. Наь всех богов, с ним беседующих, называет “*владыками тридцати светозарных*”, что вполне в духе индийской религии. В гимнах, при восхвалении каждого из богов, к прославленному богу обращаются как к главному, наивысшему, а иногда и единственному.

ГЛАВА V

V — 1. “*Мгновенье*” — понятия астрологические, которыми руководствовались, желая обеспечить себе удачу. “*Счастливый час*” — в древности верили, что звёзды налагают свои знаки на людей и животных. Наь по таким “*знакам*” выбирает лошадей для своей, решающей его судьбу, поездки; по таким же “*знакам*” отшельники предсказывают благополучный приход Савитри и Сатьявана.

V — 5. “*Пятиголовые змии*” — см. прим. к I, 29.

V — 7. “*Града*” — речь идёт о подземной стране Бхагавати со столицей Патала.

V — 12. “*Наля*” — в подлиннике шлока также состоит из одной строки. В “*Нале*” и “*Величии супружеской верности*” существует несколько отступлений от точного строения шлоки: некоторые шлоки содержат только одну строку, другие же — три вместо двух. Везде в переводе это отступление отражено.

< V — 22. “*Пуньяшлока*” — прозвище Наля, значит «достохвальный»; так этот эпитет и переводится в дальнейшем.>

V — 28. “*Положила*” — в этой шлоке описаны ритуальные действия, выражающие избрание девушкой жениха.

< V — 37. “*Жертв пожиратель*” — Хуташа — эпитет Агни.>

< V — 43. “*Шачи*” — супруга Индры, его женская ипостась, его «шакти», то есть «сила». Имя значит «благосклонность», «участливость».>

< V — 45. “*Ашвамедха*” — жертвоприношение коня, самое торжественное из ведических жертвоприношений, сопровождающееся особенно обильной раздачей даров браминам и стоящее очень дорого. Совершение ашвамедхи вменялось радже в особую заслугу и имело политическое значение, так как являлось выражением претензии совершающего этот обряд раджи на политическое первенство, как «великого раджи» (махараджи).>

< V — 47. “*Индрасена*” — значит «воинство Индры».>

ГЛАВА VI

< VI — 1. “*Кали*” — название той игральной кости или той её стороны, которая носит одно очко. Здесь Кали олицетворён как злой дух азартной игры. Двапара — название кости или её стороны, носящей два очка. Комментаторы дают противоречивые указания о подробностях древней игры в кости и поэтому детали, упоминаемые в поэме, остаются неясными.>

< VI — 9. “*Четыре Веды*” — 4 сборника священных гимнов, наиболее древний и наиболее чтимый литературный памятник ведийской религии. *Акхьяна* — рассказ, легенда — часть священного писания индийцев.>

VI — 10. “*Невреждению*” — ахимса, одно из основных качеств, требуемых индийской нравственностью.

VI — 12. “*Погубит*” — так как несправедливо произнесённое проклятие по закону кармы — причинно-следственного воздаяния — падает на голову проклинавшего.

VI — 15. “*Помощь*” — здесь сказывается известная невыдержанность поэмы: в дальнейшем Кали действует самостоятельно, о Двапаре нет и речи, так что образ его оказывается совершенно ненужным. Возможно, это есть след другого, не сохранившегося варианта поэмы.

ГЛАВА VII

VII — 3. “*Очистив*” — речь идёт о ритуальном очищении. Вина Наля заключается в том, что он приступил к молитве, не совершив предписанных очищений, чем оскорбил богов и нарушил закон.

VII — 4. “*Явился*” — овладев Налем, Кали мог свободно “входить” и “выходить”, пользуясь Налем, как жилищем. “*Пушкара*” — младший брат Наля. Слово это имеет много разнообразных значений; основное — “цветок голубого лотоса”.

VII — 6. “*Быком*” — “*Бык*” — название главной, лучшей кости игры. Смысл этой шлоки довольно тёмный, так как подробности древней игры в кости неясны. Общий смысл сводится к тому, что Налю “отведены глаза”, и он принимает лучшую кость за худшую.

VII — 11. “*Больного*” — поэт подчёркивает болезненность увлечения Наля игрой.

< VII — 14. “*Бхайми*” — дочь Бхимы, родовое имя Дамаянти по отцу.>

ГЛАВА VIII

< VIII — 4. “*Брихатсена*” — слово значит «великое войско».>

ГЛАВА IX

IX — 8. “*Махараджа*” — великий раджа, обращение к Юдхиштхире.

ГЛАВА X

< X — 24. “*Адитья*” — потомок Адити, Бесконечности. Это — родовое имя главных ведийских богов. В данном случае речь идёт о Солнце. *Васу* — мифические существа, полубоги; *Рудры и Маруты* — боги грозы и ветра; *Дхарма-Яма* — владыка закона и его воплощение.>

X — 26. “*От дружбы*” — в эпосе дружбой часто именуется брак (ср. “Величие супружеской верности”, гл. V, 22).

ГЛАВА XI

XI — 6. “*Оправдай*” — здесь, по-видимому, содержится намёк на слова свадебного ритуала: “Я беру твою руку для брачного счастья, для того, чтобы ты долго пребывала со мной, твоим супругом. Бхага, Арьяман, щедрый Савитар, боги дали мне тебя в супруги. Остайся здесь, не иди к другому, достигай преклонного возраста, играя с детьми и внуками, радостно пребывая в собственном доме” (Риг Веда, X, 85, 42).

ГЛАВА XII

XII — 5. “*Пальмы*” — шлоки 1–5 содержат почти голое перечисление растений и зверей. Многие из этих названий не отождествлены.

XII — 7. “*Ракшасов*” — злые духи, демоны-людоеды.

< XII — 20. “*Рудра*” — владыка богов грозы, впоследствии отождествлённый с Шивой, членом браманической триады; «раджа лесов» — тигр.>

XII — 24. “*Ариец*” — здесь в смысле “благородный”, “добрый”.

< XII — 40. “*Ашока*” — буквально «без горя» — название дерева, цветущего ранней весной и по верованию древних индийцев приносящего счастье. Целый ряд поверий связывает это дерево с моментами любви и брака (ср. ниже, XII, 102—108).>

XII — 50. “*Чёрный*” — чернота, как признак красоты, не раз упоминается в эпосе. Имена любимых героев эпоса — Кришна, Рама — также означают “чёрный”. Возможно, что в этом надо видеть дравидическое влияние на эпос тем более, что сказания о Кришне определённо не ведического происхождения.

XII — 54. “*Слонов повелитель*” — Айравата, белый слон, на котором ездит Индра.

< XII — 58. “*Амрита*” — напиток бессмертия, аналогичен греческому нектару, амброзия.>

< XII — 62. “*Отшельники*” — “*Риши*” — мудрецы-учители; *Атри*, *Васиштха*, *Бхригу* — имена особо прославленных риши, принадлежащих к семериче великих риши (7 звёзд Большой Медведицы); Васиштхе предание приписывает создание обоих великих эпосов — Махабхараты и Рамаяны.>

< XII — 64. “*Муни*” — мудрецы-молчаливники.>

XII — 65. “*Стада обезьян*” — в Индии обезьяны считаются священными животными: Рамаяна повествует, что Хануман, царь обезьян, был другом и почитателем Рама.

XII — 69. “*Сделать*” — традиционный вопрос хозяина гостю. Дальнейшие строки передают традиционные вопросы гостя.

< XII — 81. “*Дополненьем*” — букв. «окончание Вед» есть особый отдел священного канона индийцев, к которому принадлежат Упанишады, излагающие традиционную философию ведантистов.>

< XII — 127. “*Шучи*” — значит «чистый».>

XII — 130. “*Будет*” — последняя полушлока — клятва, подтверждающая правильность сказанного. Шучи клянётся Манибхадрой, как покровителем купцов и хранителем сокровищ.

ГЛАВА XIII

< XIII — 23. “Вайшраван” — родословное имя по отцу Манибхадры — Куберы, хранителя сокровищ и покровителя купцов (ср. XII, 130).>

XIII — 27. “Сомненья” — в шлоках 25–27 выражены различные суеверия, в частности убеждение, что человек, находящийся в несчастье, и другим приносит несчастье, как бы “заражает” им, а потому является “зловещим”.

XIII — 33. “Рожденьях” — учение ведантистов о перевоплощении основано на “законе кармы”: всякое действие неизбежно влечёт за собой следствие, а так как не все действия человека порождают следствия, в смысле воздаяния за них в этой жизни, то, как рассуждают ведантисты, необходимо, чтобы человек снова жил в том или ином теле, чтобы осуществился причинно-следственный ряд.

XIII — 38. “Доля” — не только караванщики, но и сама Дамаянти объясняет гибель каравана преследующей её “несчастной долей”.

XIII — 44. “Подобна” — т. е. затемнённая горем, как осенняя луна облаками. Один из любимых образов эпоса, выражающих горе, особенно женское.

XIII — 63. “Жизни” — поэма не обосновывает, почему Дамаянти скрывает от принявшей её тётки своё имя и имя мужа, тогда как при других встречах она охотно рассказывала свою родословную. Момент умолчания требуется только “интригой” поэмы и поэтому, с точки зрения художественной, является ошибкой.

XIII — 68. “Объедков” — Дамаянти ставит условие не есть объедков, так как это запрещено законом для высших каст; ставя такое условие, Дамаянти даёт понять, что она принадлежит к одной из высших каст. Остальные же условия — обет, налагаемый Дамаянти на себя добровольно, в знак скорби.

< XIII — 73. “Сунанда” — значит «чертог».>

ГЛАВА XIV

XIV — 3. “Повелителя” — см. прим. I, 29.

< XIV — 4. “Каркотака” — значит «рак» в зоологической и астрономическом смысле.>

XIV — 5. “Повелитель” — в этом месте Жуковский вставил сочинённый им рассказ Каркотаки о том, как именно он обманул Наряду.

XIV — 9. “Мерю в палец” — это — “мера души” (см. “Величие супружеской верности”, V, 16); возможно, что здесь говорится о “пуруше”, душе змия.

XIV — 12. “На десятом шаге” — указания змия имеют магическое значение, в поэме подробно неразвитое и неиспользованное.

< XIV — 20. “Ритупарна” — «хорошо оперённый»; “Вахука” — «возничий».>

< XIV — 22. “Икшиваку” — легендарный царь солнечной династии, часто упоминаемый в эпосе.>

XIV — 25. “Одежды” — появление “дивной одежды” неизвестно откуда объясняется магическими способностями змия.

ГЛАВА XVI

< XVI — 7. “Судэва” — «добрый бог».>

XVI — 11. “Чёрная” — т. е. прекрасная (ср. XII, 50).

XVI — 12. “Желанной” — речь идёт о богине Шри, с которой Судэва сравнивает Дамаянти.

XVI — 14. “Похищенной” — Луна, похищенная демоном Рагу, луна в момент затмения.

XVI — 22. “Рохини” — намёк на миф лунного цикла.

XVI — 26. “Думой” — рассуждение Судэвы — образец традиционных упражнений индийской логики, во многом отличающейся от греческой.

XVI — 37. “Певец” — брамины пели гимны во время ритуалов, поэтому назывались “певцами”.

ГЛАВА XVII

< XVII — 7. “Дхатар” — «творец»; как собственное имя означает одного из богов ведического пантеона; в настоящей шлоке речь идёт о родинке на лбу Дамаянти.>

XVII — 38. “Приказано было” — т. е. у родных, о чём говорил Наль перед разлукой с Дамаянти.

XVII — 40. “Ветром” — подразумевается: подобно этому пусть ветер её мольбы разожжёт чувство сострадания у Наля.

ГЛАВА XVIII

< XVIII — 2. “Айодха” — «непобедимый, неприступный» — название города, столицы царя Ритупарны.>

ГЛАВА XIX

< XIX — 11. “Бхангасури” — родовое имя царя Ритупарны.>

XIX — 17. “Два знака” — в шлоках 14–17 указываются традиционные приметы, отличающие хороших лошадей (ср. прим. XIII, 33, 38). Вахуке-Налю такие приметы должны быть хорошо известны как знатоку лошадей.

< XIX — 27. “Матали” — возникший бога Индры, его посланец; образ, напоминающий греческого Меркурия.>

< XIX — 28. “Шалихотра” — лошадь, владыка лошадей; довольно смутный мифологический образ.>

ГЛАВА XX

XX — 5. “Йоджану” — перегон, расстояние, которое можно проехать за один перегон (ср. украинское “гон”); Бётлинг считает, что это расстояние равно 2,5 английским милям или же, по другим данным, 2 географическим милям.

< XX — 6. “Вибхитака” — большое дерево, орехи которого употреблялись для игры в «кости»; зерно — благовоново, цветок обладает неприятным запахом.>

XX — 27. “Познанье” — здесь разумеется не простое сообщение известных сведений или умения, а передача некоей особой силы, способной, как верили древние индийцы, влиять на числа и которую можно передать как некий предмет, причём

передатчик лишается этой силы, отдав её другому. Налъ получает от Ритупарны “уменьше счёта” и отдаёт ему в обмен “знание коней”. <Такая передача «сил» или «способностей» обставлялась в древности известными обрядами, о чём упоминается в гл. XXV, 17. Вот почему Вахука–Налъ предлагает Ритупарне обменяться «силами». Не совсем последовательно поэма повествует о «передаче» «умения счёта» Налю просто, без соответствующих обрядов, тогда как о передаче Налем «знания коней» Ритупарне — говорит, что она произошла по всем требуемым в таких случаях правилам, без соблюдения которых «передача» считалась недействительной.>

XX — 37. “Беда” — распространение и сохранение литературных произведений в древней Индии совершалось преимущественно изустно, вот почему автор произведения стремился придать ему особую ценность и интерес, обещая всякие блага тому, кто выучит данное произведение или даже будет просто его внимательно слушать, что гарантировало хотя бы частичное запоминание. Многие исследователи отмечали особую способность запоминания услышанного у народов, не обладающих письменностью. Автор “Наля” предлагает также свой “аттракцион” — поэма оказывается заговором против Кали и его соблазнов. Знание такого заговора-поэмы особенно важно для Юдхиштхиры, которому Брихадашва рассказывает эту повесть, ведь и Юдхиштхира из-за своей страсти к игре в кости попал в положение, аналогичное положению Наля.

ГЛАВА XXI

< XXI — 14. “Как евнух” — по другому чтению «как сильный».>

< XXI — 16. Поступок Дамаянти — выход на крышу во время приезда гостя — с точки зрения восточного этикета очень неприличен, вот почему сказано, что Дамаянти «как бы лишилась рассудка», отважась на такой поступок.>

< XXI — 27. “Отпустил гостя” — по индийскому этикету гость нарушает приличие, уходя без разрешения хозяина, знаком разрешения служит поднесение гостю букета цветов.>

ГЛАВА XXII

< XXII — 1. “Кешини” — «длинноволосая, лучистая».>

ГЛАВА XXIII

XXIII — 5. “Знаки” — Дамаянти ставит испытание Вахуке, имея в виду власть Наля над стихиями, полученную как свадебный дар от богов.

XXIII — 8. “Стихии” — буквально “очистители”, так как через них получалось (ритуальное) очищение.

XXIII — 20. “Нерадивого” — пренебрежительная речь Дамаянти — притворство перед Кешини.

ГЛАВА XXIV

XXIV — 9. “Пылью” — Дамаянти наложила на себя послуш и во время отсутствия Наля не носит роскошных одежд, не моется и пр.

XXIV — 18. “Дхармы” — Налю трудно выговорить “в час, когда я тебя покинул”, и он пользуется намёком: он признаёт, что его поступок был нарушением законов брака (дхармы). Приём “намёков” (дхвани) — один из излюбленных приёмов индийской поэзии, о чём см. предисловие акад. Баранникова к переводу “Рамаяны” Тульси Даса.

XXIV — 20. “Волей” — здесь можно видеть намёк Наля на спасение им Каркотаки из пламени.

XXIV — 41. “Снял” — эта сцена (шл. 31—41) — вариант “оправдания Ситы” из Рамаяны. Последняя книга Рамаяны повествует, что Рама не хотел принять Ситу, за освобождение которой он так много боролся, ибо она слишком долго была во власти Раваны и могла “изменить” мужу. Чтобы рассеять подозрения Рамы, потребовалось свидетельство богов, подобное описанному в настоящей главе.

ГЛАВА XXVI

< XXVI — 14. “Шакра” — Индра; “ансара” — райская красавица, аналогична гуриям мусульман.>

< XXVI — 37. “Нандана” — название чертога Индры.>

ВЕЛИЧИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ (САВИТРИ)

Эпизод из “Махабхараты”, III, гл. 293–299, шл. 16520–16816.

ГЛАВА I

< I — 1. “Маркандея” — имя одного из царедворцев, последовавших за братьями Панду в лес. От его лица ведётся рассказ, цель которого — дать назидательное утешение братьям Панду, в частности Юдхиштхире, к которому, как старшему из братьев, обращается рассказчик. Братья находятся в горе по поводу похищения их общей жены, Драупади, лесным демоном, ракшасом.>

< I — 3. “Ашвапати” — «владыка лошадей». Характеристика этого раджи обычная для героев Махабхараты, выражает идеал кшатрия (воина) — правителя.>

I — 5. “Обеты” — аскеза. По индийским представлениям, аскезой можно добиться задуманного желания, которое даётся богами соразмерно совершённой аскезе, даже против их воли.

< I — 6. “Сто тысяч” — обычная для восточной поэзии гипербола. “Савитри” — речь идёт о Савитри, женской ипостаси Савитара, одного из олицетворений Солнца. “Шестой трапезой” — согласно закона принимать пищу полагалось 3 раза в день; Ашвапати принимал пищу раз в два дня, да и то «не до сыта».>

I — 10. “Законах” — Вряд ли можно согласиться с Лангом, понимающим данное место в том смысле, что богиня Савитри предостерегает Ашвапати от незаконного выбора. Сила аскезы, “тапаса”, вырабатывает “заслугу”, которой должен соответствовать искомый дар, нравственная ценность которого не принимается во внимание. Богиня Савитри утверждает в духе индийского учения о карме и дхарме (закономерность причинно-следственного ряда), что дар, предлагаемый ею, равноценен совершённой Ашвапати аскезе, и, таким образом, закон справедливости не нарушается. Это — узловое место поэмы, смысл которой раскрывается в зависимости от понимания данного места. История о Савитри, жене Сатьявана, есть в сущности история о богине Савитри, “жене” Савитара. Миф относится к разряду мифов о спасительницах своего рода и всего человечества. Являясь характерным для матриархата, он относится к культу Великой Матери.

I — 13. “Предка” — (дед), в данном случае Брама — мужское проявление творческого начала.

I — 14. “Самосуций” — Сваямбху — самоутверждённый; Бытие, олицетворяемое Брамой.

I — 15. “Лучшего” — обещая дочь вместо просимого сына, богиня Савитри предвидит разочарование царя и поэтому старается внушить ему мысль о ценности дара.

I — 18. “Жены” — буквальный перевод “буйволица” — есть та из жён раджи, которой присвоены были права царицы, её дети пользовались правом престолонаследия.

I — 19. “Звёзд” — месяц; в поэме приводится сравнение роста зародыша в утробе матери с ростом месяца в первую (“светлую”) половину, т. е. до полнолуния. Связь месяца, луны с зарождением и родами отмечается во многих древних религиях.

I — 23. “Широкобёдрую”, наряду с “лотосоокая”, — эпитет, часто встречающийся в индийской поэзии при описании женской красоты.

I — 25. “Молиться просила” — по индийскому ритуалу во время жертвоприношения произносились и пелись мантры, священные ведические гимны; всё это и само жертвоприношение за приносящего совершали жрецы разных специальностей.

I — 29. “Поищи” — о выборе девушкой жениха подробнее сказано в “Нале”.

I — 32. “Достойны” — шлока эта — цитата из законов Ману. Буквально: “После смерти супруга, сын, не охраняющий мать, достоин порицания”. Этот стих является несомненным доказательством, что такой, сравнительно поздний кодекс, как законы Ману (первые века нашей эры), ещё не знает обычая самосожжения вдов, основанного на подделке браминами некоторых текстов погребального ритуала. Насколько чужд “Махабхарате” обычай самосожжения с достаточной ясностью доказывают обе поэмы.

< I — 36. “Царственные риши” — помимо риши-браминов в древней Индии были риши-кшатрии, цари-мудрецы, что свидетельствует о борьбе каст кшатриев и браминов за право духовного водительства. Мотив этот часто выступает в эпосе, созданном, несомненно, в касте кшатриев и содержащем нередко нападки на браминов столь резкие, что их не могла сгладить позднейшая обработка поэм браминами. Следы этой борьбы, имевшей большое культурное значение для Индии, можно найти и в более древних текстах — в Упанишадах.>

ГЛАВА II

<II — 1. “Нарада” — см. прим к Налю II, 14.>

<II — 7. “Кшатрий” — воин, член касты кшатриев. *Дьюматсена* значит «блестящее войско».>

II — 9. “В пущу” — в эпосе постоянно встречается мотив ухода сверженного раджи в лес, что свидетельствует об интенсивной борьбе феодалов в эпоху эпоса.

<II — 12. Имя “Сатьяван” значит «правдивый», «говорящий правду».>

<II — 13. “Читрашва” значит «пёстрый конь». Дальнейший диалог рисует идеальный тип молодого кшатрия-жениха.>

<II — 15. “Вивасван” — олицетворение Солнца, слово значит «светозарный». “Брихаспати” — «владыка слов», «жрец» — олицетворение жреческой деятельности и жреческого достоинства, аналогичен египетскому Тоту и Гермесу-Трисмегисту эллинизма.>

<II — 17–18. “Рантидэва, Шиби, Яати” — легендарные цари-герои, часто упоминаются в эпосе, как отличающиеся высокими нравственными качествами и благочестием.>

<II — 18. “Сома” — священный напиток и его олицетворение; позднее — бог Луны. “Ашвины” — «Всадники» — олицетворение утренних и вечерних сумерок; боги красоты.>

II — 23. “Расставанье” — образное выражение для смерти.

<II — 33. “Нарада” — как мифическое существо, ведёт двойную жизнь: то он бывает у богов, то возвращается к людям.>

ГЛАВА III

III — 2. “Пурохиты” — домашние жрецы. “День” — в смысле астрологическом, с чем очень считались древние индийцы.

III — 3. “Пеший” — в знак почтения к Дьюматсене.

< III — 4. “Шала” — большое дерево, употреблявшееся для построек, откуда и русское «шалаш». “Куша” — род осоки, трава, широко употреблявшаяся при ритуалах.>

III — 18. “Мочалы” — коричневое мочальное платье — обычная, предписанная законом, одежда отшельников.

ГЛАВА V

< V — 11. “Яма” — бог смерти, вернее владыка умерших, как первый из умерших, их судья, а потому и бог справедливости, законности.

Основные черты мифологического значения Ямы даны в нижеследующем диалоге поэмы, представляющем довольно развитую форму драматического диалога мистериального театрального зрелища. Такой диалог есть излюбленный приём не только эпоса и Веданты, но и произведений гораздо более позднего времени. В этих диалогах Яма нередко выступает как наставник (напр. в Катхака-упанишаде). Настоящий диалог является прославлением Ямы и носит ритуально-мистериальный характер. Представляет интерес сравнение образа Ямы и Озириса.>

V — 16. “Верёвкой” — верёвка такой же атрибут Ямы, как коса — мифического образа смерти у европейских народов. Верёвка выражает идею связанности движений, окоченения.

V — 17. “К югу” — буквально к юго-западу, который с его палящим, иссушающим зноем был для древних индийцев (как и для вавилонян) символом царства смерти и всего зловещего (ср. 75 шл. этой главы).

V — 19. “Ты свободна” — эти слова Ямы свидетельствуют совершенно ясно, что в эпоху создания эпоса обычай самосожжения вдов не существовал.

V — 23. “Наивысшим” — в подлиннике эти и последующие шлоки написаны другим размером (джагат и триштубх).

V — 26. “Свекор” — Савитри, ограниченная в своём выборе, в первую очередь просит за свекра, к роду которого она принадлежит после выхода замуж, потом просит за отца и только в последнюю очередь — за себя. Этим подчёркивается её бескорыстие.

V — 56. “Четыре столетия” — заслуживает внимания, что 400-летний период отмечался в древности, как солнечный цикл.

V — 59. “Малавцы” — в этих шлоках ясно выражены черты матриархата.

V — 59. “Тридцати богам” — ведический пантеон насчитывал 30 или 33 главных бога.

V — 64. “Чёрный” — в шлоке 7-й этой главы Савитри видит Яму лучезарным, как солнце, и в красных царских одеждах. Сатъяван же воспринимает его, как чёрного человека. Это противоречие нельзя считать небрежностью или художественной

ошибкой; приём противоречивого описания выражает идею субъективности воспринимаемого видения: разные психики воспринимают его по-разному.

< V — 75. См. прим. к V, 17.>

ГЛАВА VII

< VII — 11. “*Юва-раджа*” — юный раджа, цесаревич.>

VII — 15. “*Нравом*” — эти стихи относятся к обрамлению повести, они выражают дидактическую её цель.

VII — 17. “*Несчастье*” — этот стих — обычная концовка древневосточных произведений (см. прим. к “*Налю*”, XX, 37).

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

А

АВАНТИ — название страны и населяющего её народа. Название реки.

АГНИ — огонь; имя одного из наиболее чтимых ведических божеств; Агни — возноситель жертв богам, а потому он “Хуташана” — “Пожиратель жертв”; он приходит ко всем людям, поэтому он “Вайшванара” — “Всенародный”. Как популярное божество А. носил ряд эпитетов.

АЙОДХЬЯ — “незавоёвываемый” — название города.

АКХЬЯНА — сказание. Название дополнений к Ведам. А. содержит ряд трактатов, обязательных для изучения браминами и кшатриями.

АПАСТАМБА — “столп обрядов” — имя одного очень прославленного риши, преподававшего науку совершения обрядов.

АТРИ — “пожирающий” — эпитет огня. Собственное имя одного из великих риши (мудрецов), родоначальника одного из наиболее выдающихся браминских родов.

АШВАМЕДХА — жертвоприношение коня; один из самых торжественных и дорогих обрядов, сопровождающийся обильной раздачей даров браминам. В политическом отношении обряд является символом утверждения суверенности раджи, совершившего ашвамедху. Обряд совершался также для обеспечения жертвователю длительного блаженства в мире Индры.

АШВАПАТИ — “владыка коня” — имя раджи из рода, тотемом которого был конь.

АШВИН — владыка. Слово обычно употребляется в двойственном числе и обозначает богов-близнецов, олицетворение утренних и вечерних сумерок. Ашвины славилась своей красотой, с которой сравнивалась красота мужчины, как с непревосходимым идеалом. Индийские Ашвины вполне аналогичны греческим Диаскурам.

АШОКА — “без горя” — название одного дерева, зацветающего весной, с которым связывался ряд поверий, как с деревом, приносящем счастье.

Б

БАЛА — “сила”; имя одного асура, соперника богов, убитого Индрой, за что тот получил эпитет “Убийца Балы” (и Вритры). Бала — олицетворение грозы.

БРИХАДАШВА — “большой конь” — имя раджи из рода с тотемом коня.

БРИХАСПАТИ — “великий владыка” — эпитет многих богов; как индивидуальность — слабо персонифицированный образ; планета Юпитер; Б. — молельщик-жертвователь, а потому — великий жрец богов.

БРИХАТСЕНА — “великое войско”; с кратким конечным “а” — мужское имя, с долгим — женское.

БХАЙМИ — дочь Бхимы.

БХАНГАСУРИ — имя по отцу Ритупарны (бханг — разрушение, асура — дух, враждебный богам).

БХАРАДВАДЖА — «жаворонок» — имя одного знаменитого риши.

БХАРАТА — “несомый, поддерживаемый” — один из эпитетов огня, который постоянно поддерживался в домашнем очаге. Мужское имя; имя родоначальника племени бхаратов.

БХИМА — “страшный”; мужское имя, часто имя раджей.

БХРИГУ — название особых мифических существ; имя риши, давшего людям огонь.

В

ВАЙВАСАН — сын Вивасвана, имя по отцу Ямы.

ВАЙШАМПАЯНА — сын Вишампаяны, имя рассказчика “Махабхараты”.

ВАЙШРАВANA — сын Вишравана; имя по отцу Куберы Манибхадры.

ВАРУНА — древнее ведическое божество, олицетворявшее Небо с его непреложными законами. В. аналогичен греческому Урану. В. — эпическое время. В. утратил значение верховного божества и превратился в повелителя вод (небо отражается в воде).

ВАРШНЕЯ — потомок Вришни, вришниец.

ВАСИШТХА — имя одного великого риши, часто упоминаемого в эпосе. Это — один из 7 ришей (7 крупных звёзд Б. Медведицы).

ВАХУКА — имя собственное, мужское.

ВЕДА — ведение, знание. Название сборников священных гимнов и заклинаний. В ранний период истории ариев насчитывалось три таких сборника (Риг-, Сама-, Яджур-Веда), позднее прибавлен ещё один сборник — Атхарва-Веда. Веды считались “словом Брамь”, самыми священными и авторитетными книгами священного кодекса индуизма.

ВЕДАНТА — “окончание Вед”. В широком смысле это священные книги толкований Вед, но обычно под В. понимаются философские трактаты, излагающие сокровенное учение о Запредельном. Как тайноучение эти трактаты называются Упанишады. Они создавались в разное время. Древнейшие из упанишад относятся к концу I — началу II тысячелетия до н. э. Теперь насчитывается немногим более 100 таких трактатов; они распределены между 4 Ведами и прилагаются в конце каждой из них, откуда и название — Веданта.

ВИВАСВАН — “светозарный” — имя бога Солнца, особенно утреннего, восходящего (ср. Гар-Эм-Хути или Ра-Гарехт египтян).

ВИДАРБХА — название страны, находящейся южнее горного хребта Виндхья; название народа этой страны. Главный город страны — Кундина.

ВИНДХЬЯ — название горного хребта.

ВИРАБАХИ — “богатырскорукый” — мужское княжеское имя, эпитет Вишну.

ВИРАСЕНА — “богатырское войско” — мужское княжеское имя.

ВРИТРА — вихрь, смерч; один из духов, враждебных богам, убитый Индрой, носящим поэтому эпитет “Убийцы Балы и Вритры”.

ВРИШНИ — название народа и обитаемой им страны.

Г

ГАУТАМА — сын Готамы; употребляется и просто, как собственное имя.

Д

ДАЛБХЬЯ — имя собственное, мужское.

ДАМА — укрощенный; имя собственное, мужское.

ДАМАНА — то же.

ДАМАЯНТИ — укротительница, победительница (о красивой женщине); имя собственное, женское.

ДАНТА — то же как и Дама.

ДВАПАРА — пара — двойной; название третьего мирового периода, когда ясны признаки одряхления мира. Название стороны игральной кости с двумя очками. Название злого духа, мало персонифицированного.

ДЖИВАЛА — живой; имя собственное, мужское.

ДРАУПАДИ — дочь Друпеды (столб, колонна); имя по отцу общей жены братьев Пандавов, героев поэмы “Махабхарата”.

ДХАРМА — держава, основа, долг, закон, правда, справедливость, обряд. Термин, употребляющийся очень часто и в разнообразных смысловых оттенках в индийской литературе, особенно в философской.

ДЬЮМАТСЕНА — “блестящее, великолепное войско”. Мужское княжеское имя.

И

ИНДРА — имя царя богов, “Владыка Тридцатки”; как нарицательное употребляется в смысле — “царь, владыка”, например, “Раджендра” — “Индра царей” — “царь царей”.

К

КАЛИ — чёрный. Название последнего мирового периода; название стороны игральной кости с одним очком. Название злого духа, олицетворяющего страсть к игре в кости. В женском роде — имя страшной богини “жены”; сила Шивы

КАМЬЯКА — “вожделенный”, “приятный”; название леса, где одно время скрывались Пандавы.

КАНДАРПА — имя бога любви, аналогичного греческому Купидону.

КАРКОТАКА — рак; имя одного “змия” (нага); наги — особые мудрецы, населяющие подземное царство.

КАУНТЕЯ — сын Кунти, имя по роду матери трёх старших братьев Пандавов, в частности Юдхиштхиры, к которому обращается рассказчик, Маркандея.

КОШАЛА — название страны и живущего там народа.

КУНДИНА — главный город страны Видарбхи.

КУНТИ — мать трёх старших Пандавов; женское имя.

М

МАГХАВА — “щедрый, податель”; эпитет Индры.

МАЛАВА — название страны и народа.

МАЛАВЬЯ — относящийся к народу малава.

МАНИБХАДРА — “радующий сокровищами”, эпитет Куберы, владыки сокровищ, покровителя купцов.

МАРКАНДЕЯ — имя вечноюного мудреца, явившегося к Пандавам в лес и наставлявшего их различными, назидательными былинами.

МАТАЛИ — имя возничего Индры.

Н

НАГА — “змий”, часто “змий мудрости”; мудрец-чародей, обитатель подземного царства.

НАЛЬ — тростник; мужское имя, более точная транскрипция которого — Нала.

НАРАДА — имя божественного риши (дэвариши), одного из популярнейших, легендарных мудрецов, упоминаемых в эпосе.

НАХУША — “змий” — имя собственное, мужское.

П

ПАЙОШНИ — “тёплый, как молоко”, парной. Название реки, берущей начало в горах Виндхья.

ПАНДУ — бледный, бледно-жёлтый; имя отца братьев Бхаратов, героев “Махабхараты”, поэтому по отцу они называются Пандавами.

ПАРВАТА — гора, скала; имя одного выдающегося риши.

ПАРНАДА — “питающийся листьями”; мужское браминское имя.

ПИШАЧИ — “упырь, нежить”; злой дух из свиты Шивы.

ПУНЬЯШЛОКА — “достохвальный”; прозвище (эпитет Наля).

ПУРОХИТА — название домашних жрецов, совершающих предписанные обряды за кшатрия, которому они служат.

ПУШКАРА — цветок голубого лотоса; мужское имя.

Р

РАКШАС — название особого злого духа. Предполагалось, что ракшасы живут в лесу и там нападают на отшельников. Возможно, что так арии называли дикие племена людоедов, живших в лесах до прихода ариев (ракшасы — людоеды).

РАНТИДЭВА — эпитет Вишну (ранти — наслаждение); мужское княжеское имя.

РИКШАВАНТИ — “рикша” — медведь; название горного хребта.

РИШИ — мудрец, учитель. Различалось несколько рангов ришей: дэвариши — учителя богов, махариши — великие учителя, брахмариши — учителя брамины и раджариши — учителя раджи (кшатрии).

РОХИНИ — красноватый; название звезды (Альдебаран?). Планета Марс; собственное имя.

С

САВИТРИ — “спасительница”; женская ипостась Савитара, одного из олицетворений Солнца.

САДАГАТИ — “всегда движущийся”; ветер, солнце.

САТЪЯВАН — “говорящий правду” — мужское имя.

СОМА — священное растение (эфедра?), сок которого употреблялся при ведических жертвоприношениях; сок, влага. По представлениям древних месяц связан с влагой; месяц, как особое божество.

СУБАХУ — “прекраснорукий” — мужское, княжеское имя.

СУВАРЧА — золото; мужское имя.

СУДАМАН — “хорошо обузданный”, самообладающий; мужское имя.

СУДЭВА — “хороший бог”; мужское имя.

СУНАНДА — “хорошо радующая”, “наслаждающаяся”; женское имя.

Т

ТИГМАНШУ — “остро-лучистый” — эпитет бога Солнца.

У

УШИНАРА — название страны и народа; имя раджи.

Ч

ЧИТРАШВА — “пёстрый конь”; прозвище Сатьявана.

Ш

ШАЙБЬЯ — потомок Шиби.

ШАКРА — “могущий, помощник” — эпитет Индры.

ШАЛА — название дерева, употребляющегося для построек (ср. “шалаш”).

ШАЛИХОТРА — (шали — рис, хотра — вкушение жертвы, кормление), конь, вскармливаемый зерном; особое мифическое существо, владыка лошадей. Имя одного риши, знатока коней.

ШАЧИ — “помощница”; имя жены Индры, который часто называется — “супруг Шачи”.

ШИБИ — благой; имя одного знаменитого раджи; слово употребляется и в женском роде, как имя.

ШУЧИ — “чистый” — мужское имя.

Ю

ЮДХИШТХИРА — “стойкий в битве” — имя старшего из сыновей Панду, претендента на княжеский престол. По легенде Юдхистхира — сын бога Дхармы; по роду матери часто именуемый Каунтея (сын Кунти).

Я

ЯКША — особые (благожелательные) духи природы; небожители более низкого, чем боги, ранга.

ЯЯТИ — имя древнего знаменитого царя.